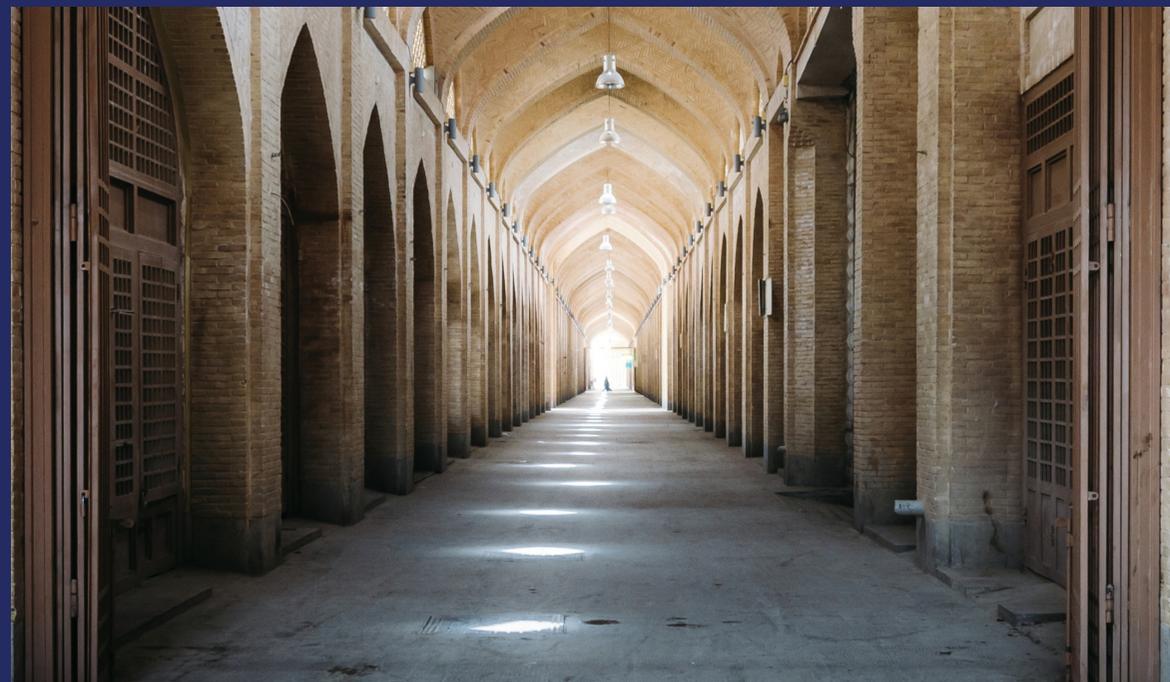

В работе сделана первая в историографии попытка создать свод поездок российских военных в Иран в 1830-х – 1870-х гг. Выявлены общие задачи, которые ставили высшие военные власти России перед ними, проанализированы задачи и деятельность каждой из экспедиций. Особенное внимание уделено тому, чем именно занимались офицеры в Иране, каковы были результаты их работ. Книга будет интересна учёным, а также всем, интересующимся военной историей России и Ирана.

Олег Гоков

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ИРАН В 1830-х – 1870-х

Гоков Олег Александрович

Кандидат исторических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: военная разведка Российской империи на мусульманском Востоке во второй половине XIX в., русско-иранские отношения в XIX в.

Олег Гоков

 LAMBERT
Academic Publishing

Олег Гоков

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ИРАН В 1830-х – 1870-х

Олег Гоков

**РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ИРАН В
1830-х – 1870-х**

LAP LAMBERT Academic Publishing RU

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

LAP LAMBERT Academic Publishing

is a trademark of

Dodo Books Indian Ocean Ltd., member of the OmniScriptum S.R.L
Publishing group

str. A.Russo 15, of. 61, Chisinau-2068, Republic of Moldova Europe

Printed at: see last page

ISBN: 978-620-4-73690-7

Copyright © Олег Гокон

Copyright © 2022 Dodo Books Indian Ocean Ltd., member of the
OmniScriptum S.R.L Publishing group

ГОКОВ О.А.

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ИРАН В 1830-Х – 1870-Х ГГ.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ИРАН В 1830-Х – 1850-Х ГГ.....	18
1.1. Русско-иранские отношения в военной сфере в 1830-е гг.....	18
1.2. Поездки российских офицеров в Иран в 1840-х – 1850-х гг.....	44
1.3. Миссия А.С. Санковского.....	57
ГЛАВА 2. РУССКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ В КОНЦЕ 1850-Х – СЕРЕДИНЕ 1870-Х ГГ.....	71
2.1. Изменения в военных структурах России и военном изучении Ирана в 1860-х – первой половине 1870-х гг.....	71
2.2. Миссия В.А. Франкини в Иран.....	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	145
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	149
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	150
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	193

ВВЕДЕНИЕ

Русско-иранские отношения, начиная с первых контактов в XVI в., переживали различные этапы. Были периоды конфронтации, было время мирных отношений. Первоначально в основном это были отношения между Русским государством и государством Сефевидов, существовавшим с 1501 до 1736 гг. Но после ликвидации династии и смерти Надир-шаха Афшара в 1747 г. Иран¹ погрузился в пучину междоусобиц. Она окончилась приходом к власти в 1796 г. к власти новой тюркской династии – Каджаров. И сначала русско-персидские отношения с ней носили конфронтационный характер. Объяснялось это разными факторами, главными из которых были: стремление мелких закавказских правителей сохранить независимость, полученную в результате распада единого персидского государства; стремление шахов восстановить целостность иранской державы; стремление России помочь единоверцам за Кавказским хребтом в борьбе против мусульман²; развернувшейся т.н. «Большой игрой» – понимаемой в узком,

¹ В тексте названия «Персия», «Иран», «Каджарская монархия» (от династии Каджаров, которая правила в Персии в 1796–1925 гг.) будут употребляться как синонимы. Ираном (Высочайшее государство Иран) называли свою страну сами её жители, а Персией её именовали европейцы. Слова «Россия», «Русское государство» и производные от них (русский, российский и т. п.) мы будем употреблять в тексте (если это не оговорено) в политическом, а не в этническом значении. То же касается слов «Персия» и «Иран», а также производных от них.

² О русско-иранских отношениях этого времени см.: Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М.: Кучково поле, 2016. 510 с.; Бушев П.П. Посольство Армении Волынского в Иран в 1715–1718 гг. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. 288 с.; Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам) М.: Наука, 1987. 280 с.; Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам) М.: Наука, 1976. 480 с.; Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I, 1722–1723 гг. Махачкала: Дагестанский гос.лед. ун-т, 2015. 128 с.; Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722—1735). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 384, [16] с.; Лыццов В. П. Персидский поход Петра I: 1722—1723. М.: Издательство Московского университета, 1951. 248 с.; Мамедова Г.Л. О походе В.Зубова в Азербайджан в 1796 г. Баку: Elm, 2003. 94 с.; Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–XIX вв. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 621 с.; Радожицкий И.Т.

специально-научном смысле как сначала борьбу Великобритании против Российской империи, переросшую в англо-русское противостояние на территориях Азии и Европы, а отчасти даже Африки. Длилась она с последней трети XVIII в. до 1917 г., т.е до распада Российской империи и протекала в идеологической, политической, военной и экономической сферах³.

Историческое известие о походе Российских войск в 1796 году в Дагестане и Персии под командою Графа Валериана Александровича Зубова, издание 1827 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1780-1800/Istor_izvestie (дата обращения: 11.09.2018); Родина. 2001. № 5; Шляпникова Е.А. Персидский поход русских войск в 1796 года // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 59–62; Atkin M. Russia and Iran, 1780–1828. Minneapolis: Minnesota Archive Editions, 1980. 232 p.

³ Причинами «Большой игры» были: 1) взаимные представления русских и англичан друг о друге 2) стремление Британии к мировому господству диктовало необходимость не допустить появления сильного конкурента. Англо-американский взгляд на «Большую игру» (её идея и разработка принадлежат главным образом перу английских, а затем и американских политиков, журналистов и историков) хорошо изложен в работах Е.Ю. Сергеева [Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 3–15; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012 454 с.; Сергеев Е.Ю. «Большая игра» России и Великобритании в Центральной и Восточной Азии (вторая половина XIX – начало XX века) // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 82–91]. В русскоязычную историографию термин был заимствован оттуда, и в последние десятилетия появляются интересные исторические и публицистические работы, в которых исследователи пытаются показать российский взгляд на проблему [Леонтьев М. Большая игра. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб. 319 с.; Низматов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение 2015. 640 с.; Постников А.В. «Большая игра» в Азии против России: история и современность. Чита: ЗабГУ, 2015. 77 с.; Постников А.В. «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой игре» Британии и России (1869–1896) URL: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39358/1/AS117_002.pdf (дата обращения: 01.11.2018); Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М.: Памятники исторической мысли 2001. 415 с.]. Если в Англии опасались расширения владений России как угрожавшим в первую очередь господству Соединённого королевства на морских торговых путях, то в России Великобританию рассматривали как эгоистичную и антирусски настроенную страну, политика которой нацелена на расшатывание устоев русской монархии и на ограничение российских интересов в свою пользу. Для России важными факторами идеологического и экономического характера были установление контроля на черноморскими проливами Босфором и Дарданеллами, а также освобождение славян из-под османского владычества и восстановление православного царства, утраченного с завоеванием турками Византийской империи. В Британии видели в России опасного противника идеям продвижения «Pax Britannica» в мировом масштабе, хотя реально, конечно, экономика России вплоть до конца существования империи была не в состоянии тягаться на равных в первой экономике мира. Фактически ни после 1907 г., ни после распада империи Романовых противостояние не прекратилось [Демурин Д.М. Русско-

После окончательного поражения в 1829 г. в войнах с Россией, с 1830 г. отношения между двумя соседними державами приобретают в основном мирный характер. Начинается также новый этап в изучении Персии русскими

английское соглашение 1907 года и противостояние России и Великобритании в Персии накануне Первой мировой войны // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2008. Т. 5. С. 93–124; Шевель А.А. Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905–1914 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 190–195; Ширяев М.В. Англо-росийське протистояння у Середній Азії та Афганістані в 1907–1922 рр. Дис. ... канд. іст. наук. Луганськ, 2006. 202 с.]. Только теперь основным противником стала советская Россия, а затем СССР, а после ослабления Соединённого королевства его место на арене противостояния заняла другая держава, стремившаяся к мировому господству – США. В последнее десятилетие в условиях новой «холодной войны», развязанной против России со стороны США, многие публицисты возродили термин в новом виде – «Новая Большая игра», которую рассматривают как борьбу за ресурсы новой Центральной Азии (Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан) в треугольнике Россия – Китай – США (впрочем, географические рамки у некоторых публицистов и политологов могут отличаться, но Россия и США как 2 противника присутствуют во всех прогнозах и раскладках, поскольку подавляющее большинство из них составляется в центрах, так или иначе связанных с североамериканской федерацией) [Михалёв А.В. «Новая Большая Игра» в Центральной Азии: фактор Монголии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 2. С. 35–41; Ahrari M.E., Bealthe J. New Great Game in Muslim Central Asia. Washington, D.C.: Institute for National Security Studies, National Defense University, 1996. 94 p.; Ahrari M.E. The New Great Game in Muslim Central Asia. Honolulu: T.H. University Press of the Pacific University Press of the Pacific, 2002. 91 p.; Cooley A. Great Game, Local Rules and the New Great Power Context in Central Asia. Oxford University Press, 2012. 272 p.; Durrani A. South Asia in the New Great Game URL: <https://wikileaks.org/>; Fata D.P. Arctic Security: The New Great Game? // Rajan Menon New Great game in Central Asia URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00396338.2003.9688581> Central Asia: A New Great Game? - Strategic Studies Institute - Army www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/pub117.pdf (дата обращения: 11.09.2018); Kleveman L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. New York: Grove Press, 2004 295 p.; Makni Dr. The New Great Game: Oil and Gas Politics in Central Eurasia. New York: Raider Publishing International, 2008. 312 p.; Matthew E. The New Great Game and the new great gamers: disciples of Kipling and Mackinder // Central Asian Survey. 2003. Vol. 22(1). P. 83–103; Mullerson R. Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game. New York: Columbia University Press, 2007 400. p.; Puddephatt A., Torreblanca J.I., Prislán N. The New Great Game URL: http://www.ecfr.eu/page/-/The_New_Great_Game_ECFR.pdf (дата обращения: 11.09.2018); Qamar F., Sumera Z. New Great Game: Players, Interests, Strategies and Central Asia // South Asian Studies A Research Journal of South Asian Studies. 2014. Vol. 29. № 2. P. 623–652; Rosenberg E., Gordon D., Maruyama E., Sullivan A. The New Great Game. Changing Global Energy Markets, The Re-Emergent Strategic Triangle, And U.S. Policy. Center for a New American Security. 2016. 67 p.; Stutte C.T. An Examination Of Central Asian Geopolitics. Through The Expected Utility Model: The New. Great Game. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Public Affairs in the College of Health and Public Affairs at the University of Central Florida Orlando. Florida Fall Term, 2009. 111 p.; Weitz R. Averting a New Great Game in Central Asia URL: <http://www.issuelab.org/resources/281/281.pdf> (дата обращения: 11.09.2018).

военными. Он характеризовался, в первую очередь, большей доступностью страны и армии для наблюдений и исследований.

В нашей работе мы попытаемся создать свод посещений российскими военными Ирана на протяжении 1830–1878 гг. Мы сознательно не будем детально исследовать (кроме отдельных случаев) то, как воспринимали российские офицеры Персию и её армию, насколько это восприятие соответствовало действительности. Тема эта очень обширна, и, несмотря на уже имеющиеся публикации⁴, нуждается в отдельном серьёзном исследовании. По той же причине обойдём мы стороной и вопрос о том, как работы офицеров влияли на политику России относительно Ирана. Нашими главными задачами будет выявление фактов посылок русских военных в Персию, рассмотрение заданий, ставившихся перед ними и того, чем непосредственно они занимались. Мы надеемся, что данная работа послужит начальным камнем для дальнейших исследований по теме, особенно для изучения вопросов, нами поставленных (и не поставленных), но, в силу независящих от нас обстоятельств, не раскрытых. Хронологически исследование охватывает период с 1831 г., когда в Иран по просьбе принца Аббас-мирзы был отправлен первый русский офицер в качестве военного наблюдателя, до 1878 г., когда вследствие миссии В.А. Франкини в Персию по просьбе шаха было решено прислать первую военно-инструкторскую миссию.

⁴ Ларин А.Б. Вчерашний враг, сегодняшний друг? Государство и армия Ирана Каджаров глазами российских военных и дипломатов до и после войны 1826–1828 годов URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Larin.pdf> (дата обращения 06.12.2021); Ларин А.Б. Российско-иранское военное сотрудничество в 30–40-е годы XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7. С. 37–41; Ларин А.Б. Участие России в модернизационной программе Ирана в конце 30-х – 40-е гг. XIX в. // Вестник Волжского университета. Серия История и Археология. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-rossii-v-modernizatsionnoy-programme-irana-v-kontse-30-h-40-e-gg-xix-v> (дата обращения 06.12.2021); Ларионова А.Ю. Формирование образа Персии и персов в России и СССР в 1800–1971 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 2012. 172 с.; Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке: (Первая половина XIX в.). М.: Восточная литература, 2000. 210 с.; Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism London-New York: Routledge. 289 p.

В историографии исследуемая нами тема разработана неглубоко. В первую очередь стоит отметить работу М.К. Басханова ⁵, в которой собраны детальные биографии офицеров, изучавших Восток, в том числе и Персию. Его сведения помогают уточнить и расширить представления о деятельности русских военных в Иране рассматриваемого нами периода.

Ещё одной значимой группой работ являются публикации А.Б. Ларина ⁶. Они касаются темы нашей работы непосредственно. На основе в том числе и недоступных нам архивных материалов, исследователь изучил некоторые миссии российских военных в Иран в 1830-х – 1840-х гг. Но так как работа велась в рамках более широкого исследования, то многие поездки офицеров остались вне его поля зрения. Тем не менее, А.Б. Ларин поставил вопрос и доказал, что в 1830-х – 1840-х гг. наметилось русско-иранское военное сотрудничество. «После заключения Туркманчайского договора появляется новое направление российско-иранского сотрудничества, – отметил он, – а именно – сотрудничество в военной сфере. Оно выразилось в том, что Россия поддерживала Иран в его военных акциях, либо же самостоятельно использовала военную силу для обеспечения российских и иранских интересов. Важной формой российско-иранского сотрудничества в 30–40-е гг. XIX века становится направление в Иран военных инструкторов ... Помимо военной сферы, Россия оказывала Ирану поддержку и в

⁵Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 294 с.

⁶ Ларин А.Б. Вчерашний враг, сегодняшний друг? Государство и армия Ирана Каджаров глазами российских военных и дипломатов до и после войны 1826–1828 годов URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Larin.pdf> (дата обращения: 06.12.2021); Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 283 с.; Ларин А.Б. Российско-иранское военное сотрудничество в 30–40-е годы XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7. С. 37–41; Ларин А.Б. Русские офицеры о государстве и армии Ирана шахов Каджаров URL: <http://armflot.ru/geopolitika/238-russkie-ofitsery-o-gosudarstve-i-armii-irana-shakhov-kadzharov?showall=1> (дата обращения: 11.10.2018); Ларин А.Б. Участие России в модернизационной программе Ирана в конце 30-х – 40-х гг. XIX в. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-rossii-v-modernizatsionnoy-programme-irana-v-kontse-30-h-40-e-gg-xix-v> (дата обращения: 01.11.2018).

реализации других модернизационных проектов, что было связано с ее стремлением укрепить свое влияние в Иране»⁷.

Из всех случаев присутствия русских военных в Персии лучше всего представлена тема военных дезертиров и военнопленных⁸. Однако в большинстве своём авторы пересказывали работы А.П. Берже⁹ и Л.Л. Альбрандта¹⁰, дополняя их сведениями из И.Ф. Бларамберга¹¹.

⁷ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 248–249. Правда, относительно военных инструкторов исследователь несколько ошибся. До 1850-х гг. правильнее говорить о военных советниках и военных наблюдателях. Военные инструкторы – это офицеры и унтер-офицеры, которые должны были обучать вооружённые силы другой страны или их часть. Военными советниками могут быть и инструкторы и офицеры, руководящие развитием военного дела в другой стране без участия в обучении войск. Они же могут и руководить военными операциями (прямо или опосредованно) во время войны. Военные наблюдатели просто прикомандировываются к армии той или иной страны во время ведения ею боевых действий, либо же посылаются в мирное время для участия в официальных военных мероприятиях в другую страну. Первым военным инструктором можно считать Н.Ф. Масальского, хотя реально никакой инструкторской деятельностью ему заниматься не дали. Миссия А.С. Санковского планировалась как военно-инструкторская, но реализована не была. Инструкторы из России стали действовать в иранской армии с 1878–1879 гг., с созданием «казачьего» полка.

⁸ Базиленко И.В. О беглом россияnine С. Я. Макинцеве (Самсон-хане) и его иранской службе (первая половина XIX в.) // Базиленко И.В. Историография, религиоведение и культурология Востока: учеб. пособие для студентов направлений «Зарубежное регионоведение», «Религиоведение», «Культурология». СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2011. С. 283–294; Базиленко И.В. Российский дезертир С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану // Базиленко И. Россия–Иран. История отношений и эволюция религиозных идей (конец XVI в. – нач. XX в.). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. С. 255–270; Базиленко И.В. Российский беглец С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану URL: <http://christian-reading.info/data/2012/02/2012-02-06.pdf> (дата обращения: 21.10.2018); Евстратов А. Русские богатыри на службе у шаха Персии // Современный Иран. 2011. № 3. С. 61–65; Кибовский А. «Багадеран» – Русские дезертиры в персидской армии. 1802–1839 // Цейхгауз. № 5. 1996. С. 26–29; Кибовский А. Багадеран // Родина. 2001. № 5. С. 81–87; Круглов А., Нечитайлов М. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М. Фонд Русские Витязи 2016. С. 84–105; Круглов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // Tarix və onun problemləri. 2013. № 1. С. 45–58; Круглов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // История и её проблемы. 2013. № 1. С. 48–53; Круглов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kryglov_Nechitailov.pdf (дата обращения: 01.11.2018); Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1894. Т. 4. С. 91–102.

⁹ Берже А. П. Самсон-хан Макинцев и русские беглецы в Персии 1806–1853 гг. // Русская старина. 1876. Т. 15. № 4 (апрель). С. 770–804.

¹⁰ Командировка капитана Альбрандта в Персию в 1838 году, рассказанная им самим // Русский вестник. 1867. № 3. С. 304–340; Ханьков Н. Очерк служебной деятельности генерала Альбрандта. Тифлис: тип. канцелярии Наместника Кавказского, 1850. 38 с.

Исключения составляют очень квалифицированно проделанные исследования А.В. Кибовского и А.И. Круглова с М.В. Нечитайловым. Но, к сожалению, публикации последних авторов заканчивают рассмотрение 1829 г., а А.В. Кибовский использовал главным образом открытые источники. Таким образом, деятельность русских дезертиров на персидской службе в 1830-х – 1850-х гг. до конца так и не разработана.

Ещё один вопрос, привлекавший исследователей – ирано-турецкое разграничение 1849–1854 гг. и участие в нём русских военных¹². Правда, основной акцент учёными был сделан на дипломатическую составляющую этого вопроса. Поэтому деятельность офицеров и топографов из России исследована поверхностно, зачастую всё ограничивалось только их перечислением и констатацией участия.

Наконец, необходимо отметить биографические статьи, посвящённые И.Ф. Бларамбергу и И.О. Симоничу¹³. При всех их достоинствах, сугубо военная деятельность указанных офицеров в Иране показана фрагментарно и неглубоко. Например, абсолютно не изучен целый комплекс документов, хранящихся в 446 фонде Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА), которые остались от пребывания в Персии И.Ф. Бларамберга.

Отдельные вопросы изучаемой темы рассмотрены также в наших статьях¹⁴.

¹¹ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.

¹² Асланов Р.Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1983. С. 71–110; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 225–230; Sabri Ateş. Ottoman-Iranian Borderlands: Making a Boundary, 1843–1914. New York: Cambridge University Press, 2013. 366 p.

¹³ Халфин Н.А. Жизнь и труды Ивана Фёдоровича Бларамберга // Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 5–27; Халфин Н.А. Вступительная статья // Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М.: Наука. 1967. С. 3–24.

¹⁴ Гокон О.А. Военная миссия барона Ивана Казимировича фон Аша в Персию в 1831–1832 гг. // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников XII Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании», 21–22 марта 2019 г., Филиал КузГТУ в г. Белово. Белово: Кузбасский

В качестве источников нами были использованы документы дипломатической переписки, касавшиеся посылок военных в Персию, официальные рапорты, отчёты, результаты работ (карты, маршруты, планы, астрономические и топографические наблюдения и т.п.) русских офицеров, военно-статистические описания, составленные на их основе, письма офицеров из Персии, воспоминания. Значительная часть их содержится в фонде 446 «Персия» РГВИА, сборнике «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», а также в специализированных изданиях Военно-топографического депо (отдела) Главного штаба и Императорского русского географического общества.

По степени информативности все группы источников различны. Официальная переписка министерств, кавказского начальства, Миссии в Тегеране и российских консулов, в первую очередь, позволяет определить задачи, которые ставились перед военными их начальством и то, насколько они, по мнению руководства, были выполнены.

Большую ценность для выяснения того, что интересовало офицеров в Персии, как они реализовывали поставленные перед ними задачи, представляют их официальные рапорты. Значительный комплекс таких донесений остался от И.К. Аша и И.Ф. Бларамберга. Не менее важны синтетические работы В.А. Франкини, составлявшего их сразу после изучения иранской армии. Сухая информативность и чёткость в изложении

государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва, 2019. Ч. 4. С. 22–25; Гоков О.А. Изучение Ирана российскими военными в 1860-х – первой половине 1870-х гг.: основные тенденции // Иран-наме. 2018. № 4. С. 288–318; Гоков О.А. Миссия В.А. Франкини в Иран в 1877 г.: военный аспект // Караван. 2020. № 81. С. 16–56; Гоков О.А. Представительские поездки российских офицеров в Иран в 1840-х – 1850-х гг. // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников XIII Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании», 26 марта 2020 г., Филиал КузГТУ в г. Белово. Белово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2020. С. 9–12; Гоков О.А. Российская военная миссия в Иран в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Клио. 2014. № 2. С. 90–96; Гоков О.А. Россия, Иран и «Восточный вопрос» в 1850-х–1870-х гг. URL: http://ricolor.org/history/voen/form/18_03_2103/2 (дата обращения: 06.12.2021); Гоков О.А. Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. 2012. Т. 13. С. 74–96.

отличают официальные отчёты о проделанных офицерами работах и о деятельности по сбору картографических материалов. В первую очередь, это касается работ военных топографов и геодезистов, содержащих в основном сухие статистические данные, и предварявшихся (не всегда) кратким очерком о хронологии и путях следования. По ним можно чётко проследить методы работы военных, что именно они делали и для чего.

Наиболее полную картину о большинстве задач, которые ставились перед значительной частью русских военных при посещении ими Персии дают нам военно-статистические и картографические работы – работы-обобщения проделанного труда. Из них можно вычленить основной круг чисто военных задач, которые интересовали офицеров, а также определить источники, на основании которых они составляли свои работы.

Воспоминания дают бытовую составляющую работ офицеров. Но, например, мемуары И.Ф. Бларамберга в этом отношении очень информативны, хотя и не всегда точны в деталях, в то время как воспоминания И.О. Симонича, при всей их ценности, представляют свободный панегирик их автору. 2 тома писем Н.Ф. Масальского содержат массу информации о персидской жизни, анекдотов, о том, как воспринимал её сам автор. Но о своей непосредственной деятельности офицер сообщал крайне скупо.

Интересную группу источников составляют популярные литературные произведения офицеров, побывавших в Иране в 1860-х – 1870-х гг. В чём-то они близки к письмам Н.Ф. Масальского: здесь мало прямой информации о задачах авторов произведений и деятельности по их реализации. Зато много того, что интересует простого читателя: зарисовок природы, описания пути следования, занимательных историй из персидской жизни или случаев из путешествия.

Занимаясь сбором военно-статистических сведений, инструктажем, работая военными советниками, российские военные обязательно сталкивались с иранской армией. В отличие от русской, последняя

находилась в XIX в. на стадии перехода от феодальной армии или армии традиционного общества, к армии нового типа, образец которой дала Западная Европа в Новое время. Именно поэтому, прежде чем изучать российско-персидские военные отношения, следует определиться с термином «регулярная армия», как одним из ключевых для нашей темы. Используя европейскую терминологию, следует помнить, что явления за пределами Европы её жители в XIX в. именовали и оценивали в категориях собственной культуры, причём делали это как сознательно (вследствие цивилизаторского высокомерия), так и бессознательно (из-за ментальных и мировоззренческих установок, которые были привиты большинству из них собственной культурной традицией). Оценивание по собственным образцам происходило преимущественно по аналогии и в европейских терминах. Впоследствии, через распространение европейских (или западных, западноевропейских) влияний на весь мир, западные терминологические образцы (прежде всего – через часть восточных интеллектуалов и политических деятелей, которые учились или воспитывались на Западе) в значительной мере стали распространяться и за пределы собственно Европы и Северной Америки. Но, как свидетельствует практика, эти образцы не всегда отображали сущность явлений восточного мира, поскольку чаще всего фиксировали лишь формальные признаки. К тому же они приводили к неправильным толкованиям, когда в качестве эталонных образцов использовали одиночные случаи (как это происходило, например, с термином «феодализм», когда собственно европейское его понимание стало навязываться и восприниматься как обобщающее и образцовое ¹⁵).

Для традиционных обществ (к которым без сомнения относится Иран XIX в.) регулярное войско – это постоянные военные части, организованные

¹⁵ Васильев Л.С. Всеобщая история. В 6 т. Москва, 2007. Т. 2. С. 28–47; Васильев Л.С. Феномен феодализма (Новый взгляд на старую проблему) // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 148–161.

не по племенному признаку¹⁶. Создание регулярных вооружённых сил, которые зависели от центрального правительства, имело место в Персии Нового времени при Аббасе I¹⁷ и Надир-шахе Афшаре¹⁸. Однако они были основаны на родо-племенном принципе комплектования и впоследствии (как правило, после смерти реформатора) медленно приходили в упадок, поскольку следующие правители не обнаруживали заинтересованность в их качественном развитии (усовершенствовании оружия, организации и т. п.).

В начале XIX в. иранская армия была преимущественно иррегулярной, то есть не имела постоянной организации, а комплектовалась племенными ополчениями при необходимости, потому её лояльность центральному правительству зависела от лояльности вождей кочевых племён – основной военной силы. Экономико-политический уклад обусловил то, что уже в начале XIX в. Персия значительно отличалась от ведущих европейских стран почти по всем показателям, в том числе и в военном деле. Феодалные войны XVIII в., деспотическое правление при одновременной слабости центральной

¹⁶ Бабаев К. Военная реформа шаха Аббаса I (1587–1629) // Вестник Московского университета. Серия История. 1973. № 1. С. 23; Кадырбаев А.Ш. Институт гвардии и элитных войск на Востоке и Западе: история и современность URL: [www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20\(26\)2013.pdf](http://www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20(26)2013.pdf) (дата обращения: 01.11.2018). Удачное, на наш взгляд, определение «традиционного общества» предложил А.Д. Богатуров (Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009. С. 48–49). Согласно ему, это общество, поведение членов которого основано не на рациональном целеполагании, а на опыте, традиции, ритуале, воспроизводстве устойчивых форм мышления. «Основной мотив действия – следование уже известному образцу (“свой путь”), а не разуму (“умствование”). Модель поведения здесь задаётся культурным опытом, который выражается в изустной традиции, неписаных регламентах быта, религиозных катехизисах, сборниках изречений». В таком обществе «новации выступают в известном смысле “интуитивными прозрениями”, а не “интеллектуальными прорывами”. А сфера активности ограничивается контролем за соблюдением ранее определённых правил и норм». В противоположность ему, рациональное (модерное, буржуазное) общество основано на отказе от религиозности, а на человеческом разуме. К нему полностью, правда в несколько ином понимании, применима фраза греческого философа-софиста Протагора – «человек – мера всех вещей».

¹⁷ Иранский правитель – шаханшах из династии Сефевидов, который правил в 1587–1629 гг., провёл серию реформ. При его правлении государство достигло наивысшего могущества. Про военную реформу Аббаса I см.: Бабаев К. Военная реформа шаха Аббаса I (1587–1629) // Вестник Московского университета. Серия История. 1973. № 1. С. 21–29.

¹⁸ Правитель Ирана в 1736–1747 г. Про его армию см.: Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М.: Восточная литература, 1958. С. 129–139; Axworth M. The Army of Nader Shah // Iranian Studies. 2007. Vol. 40. № 5. P. 635–646.

власти в отдельных районах, вертикальные патронажно-клиентские связи в обществе, традиционное мышление в связи с консервирующей ролью религии – всё это тормозило восстановление сильного государства и формирование его по европейскому образцу. Изменения в военном искусстве, которые происходили в Европе в течение XVII–XVIII вв. и получили название «военной революции» («military revolution») ¹⁹, к XIX в. мало затронули иранские земли. К началу века нововведения проникали в Иран опосредствовано через Османскую империю, но значительного развития они не стимулировали: иранская армия оставалась во многом на уровне армии Сефевидов ²⁰. Это касалось и подготовки бойцов, и вооружения, и структуры вооружённых сил, которые были разделены на регулярные и иррегулярные, при чём последние составляли большинство. Вообще, история иранской армии Нового времени представляла собой смены циклов преобразований, связанных, прежде всего, с приходом к власти амбициозных правителей, которые имели целью укрепление собственной власти и распространение последней на возможно большую территорию. Цикл этот состоял из следующих составляющих: создание (или воссоздание) регулярной армии (из пехоты, конницы гвардейцев-гулямов и артиллерии) в противовес племенным ополчением крупных феодалов и перевооружение её наиболее современным на тот момент оружием – успехи новой армии во времена реформатора – упадок после его смерти. Такой цикл можно проследить во времена Аббаса I, Надир-шаха Афшара, а в XIX в. – при

¹⁹ Военная революция в Западной Европе в XV–XVII вв. и развитие вооруженных сил Российского государства, Речи Посполитой и Османской империи: сравнительный анализ URL: <http://tochka.gerodot.ru/military> (дата обращения: 21.05.2021); Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М.: Эксмо, 2010. 448 с.; Пенской В.В. Военная революция XVI – XVII вв. и её изучение в зарубежной и российской историографии второй половины XX – начала XXI вв. // Научные ведомости БелГУ. 2008. Вып. 7. № 5 (45). С. 67–73; Пенской В.В. Военная революция в Европе XVI–XVII веков и её последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194–206; Parker G. The military revolution. Military innovation and the rise of the West, 1500–1800. Cambridge University Press, 1996. 285 p.

²⁰ Династия, которая правила в Иране с 1502 до 1722 гг.

Аббас-мирзе ²¹ и Насреддин-шахе ²². В то время, как в Западной Европе развивались капиталистические отношения, менялся менталитет населения и пр., в Иране с конца XVIII в. началась новая спираль в развитии традиционного общественного уклада, в том числе и в экономической сфере, связанная с воцарением новой династии Каджаров и восстановлении централизованного государства.

Учащение циклов во времена правления Каджаров (три за один век) связано, на наш взгляд, с тем, что с начала XIX в. Персия начала постоянно сталкиваться с европейскими войсками, а также стала активно вовлекаться в европейскую политику как разменная монета в ходе борьбы между Россией, Англией и Францией. Невозможность на равных противостоять европейцам (прежде всего русским, с которыми в первой половине XIX в. шли постоянные войны за Закавказье), военные поражения от них способствовали зарождению среди части сановничества Персии понимания необходимости кардинальных преобразований. В XIX в. цикл изменений в вооружённых силах государства Каджаров выходит на новый уровень. Новым стало то, что европейские образцы стали восприниматься непосредственно от оригинала (в первую очередь – через Россию, с которой каджарские правители провели 3 войны – 1796, 1804–1813, 1826–1828 гг.), а не опосредованно, через Османскую империю или авантюристов европейского происхождения (англичане во главе с Энтони Шерли во времена Аббаса I), как это было раньше. Привлечение европейских инструкторов стало носить регулярный характер, а изменения коснулись принципа построения вооружённых сил (введение уставов, чёткой структуры и т. п.). К тому же, в этих изменениях были до некоторой степени заинтересованы и собственно европейцы, прежде

²¹ Второй сын Фетх Али-шаха (правил в 1797–1834 гг.), официальный наследник престола, наместник в Иранском Азербайджане. Фактически руководил внешней политикой, особенно – против России, пытался реорганизовать вооружённые силы своего наместничества по европейскому образцу, для чего неоднократно приглашал английских и французских инструкторов. Умер в 1833 г.

²² Шаханшах из династии Каджаров, правил в 1848–1896 гг.

всего англичане и французы, а впоследствии – русские, которые сменили последних в борьбе за влияние в Центральной и Западной Азии.

Приглашение европейских инструкторов, закупка оружия в Европе, попытки реорганизовать вооружённые силы на европейский манер имели ограниченный успех. Европейцев (преимущественно англичан и французов) каджарские правители рассматривали как союзников в борьбе против Российской империи, а те, в свою очередь, видели в Иране вспомогательную страну в борьбе между собой. При этих обстоятельствах вооружённые силы Каджарской монархии должны были отвлекать силы противника, обслуживая стратегические цели Франции или Великобритании, что, конечно, не предусматривало создания ими действительно боеспособной персидской армии (тем более, что она в дальнейшем могла бы стать помехой захватническим планам европейских держав на Ближнем и Среднем Востоке). К тому же сюда можно было продавать устаревшее оружие по завышенным ценам, что европейцы делали достаточно успешно в течение XIX в.

В XIX в. иранская армия пережила 3 волны модернизации по европейским образцам²³. За это время здесь побывали 3 французские, 2 английские, 2 австрийские, 1 итальянская и 1 русская военными миссиями, не считая инструкторов-одиночек²⁴. Однако наибольшего успеха добились

²³ Тер-Оганов Н.К. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой трети XIX века // Canadian-American Slavic studies. Revue canadienne-américaine d'études slaves. 2012. Vol. 46. Is. 1. P. 1–39; Тер-Оганов Н.К. К истории формирования регулярной армии в Каджарском Иране // Проблемы востоковедения. 2014. № 4. С. 87–93; Тер-Оганов Н.К. От военной модернизации к национализму и национальному государству в каджарском Иране // History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. 14. Is. 1. P. 39–50.

²⁴ Calmard J. Les Reformes Militaires sous les Qajars (1795–1925) // Entre l'Iran et l'Occident. Paris: ed. Y. Richard, 1989. P. 17–42; Cronin S. Armies of Qajar Iran URL: <http://kavehfarrokhi.com/iranica/militaria/iranian-military-history-and-armies-post-islamic-era-to-1899/professor-stephanie-cronin-armies-of-qajar-iran> (дата обращения: 11.09.2018); Cronin S. Building a new army: military reform in Qajar Iran // War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present. London et New York, Routledge, 2008. P. 47–87; Cronin S. Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran // Comparative Studies in Society and History. 2008. Vol. 50. Is. 1. P. 197–226; Kaveh Farrokhi. Iran at War. 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. P. 163–243; Тер-Оганов Н.К. Создание и развитие иранской

именно представители России. По справедливому замечанию С. Кронин, вооружённые силы Персии пережили 2 волны русского присутствия – в первой и во второй половинах века²⁵. Однако следует заметить, что имели они разный характер. В первой половине века одновременно развивались официальная и неофициальная (относительно русского правительства) линии. Неофициально, без связи с российским правительством, а даже вопреки ему, действовали русские дезертиры и военнопленные, а официально – дипломаты-военные и военные советники. Во второй же половине деятельность русских военных инструкторов имела вполне законный вид и была ориентирована на обучение части иранских войск по контракту.

FOR AUTHOR USE ONLY

регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в.: Автореф дисс. ... кандидата исторических наук. Тбилиси, 1984. 28 с.

²⁵ Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 48. Is. 2. P. 147–182.

ГЛАВА 1

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ИРАН В 1830-Х – 1850-Х ГГ.

1.1. Русско-иранские отношения в военной сфере в 1830-е гг.

Несмотря на враждебность в отношениях первой трети XIX в., участие русских представителей в вооружённых силах Ирана имело к её концу значительную традицию. По общему мнению большинства исследователей, первыми европейцами, ознакомившими кадjarскую армию с европейскими методами войны и организации вооружённых сил, были русские дезертиры и военнопленные, попавшие в Иран в ходе русско-иранских войн 1804–1813 и 1826–1828 гг. На их основе в иранской армии даже был сформирован фодж²⁶ «Багадеран», ставший элитной частью²⁷. Как верно отмечал

²⁶ За образец деления пехотных частей иранцами был взят английский вариант. Собственно фодж в персидской армии – это однопатальонный полк, который состоял из 8–10 рот. Условно его состав определялся в 1 000 человек [Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 20].

²⁷ Базиленко И.В. О беглом россиянине С. Я. Макинцеве (Самсон-хане) и его иранской службе (первая половина XIX в.) // Базиленко И.В. Историография, религиоведение и культурология Востока: учеб. пособие для студентов направлений «Зарубежное регионоведение», «Религиоведение», «Культурология». СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2011. С. 283–294; Базиленко И.В. Российский дезертир С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану // Базиленко И. Россия–Иран. История отношений и эволюция религиозных идей (конец XVI в. – нач. XX в.). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. С. 255–270; Базиленко И.В. Российский беглец С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану URL: <http://christian-reading.info/data/2012/02/2012-02-06.pdf> (дата обращения 21.05.2020); Берже А. П. Самсон-хан Макинцев и русские беглецы в Персии 1806–1853 гг. // Русская старина. 1876. Т. 15. № 4 (апрель). С. 770–804; Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.; Евстратов А. Русские богатыри на службе у шаха Персии // Современный Иран. 2011. № 3. С. 61–65; Кибовский А. «Багадеран» – Русские дезертиры в персидской армии. 1802–1839 // Цейхгауз. № 5. 1996. С. 26–29; Кибовский А. Багадеран // Родина. 2011. № 5. С. 81–87; Круглов А., Нечитайлов М. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М. Фонд Русские Витязи 2016. С. 84–105; Круглов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // Tarix və onun problemləri. 2013. № 1. С. 45–58; Круглов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // История и её проблемы. 2013. № 1. С. 48–53; Круглов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kryglov_Nechitailov.pdf (дата обращения 21.05.2020);

А.Б. Ларин, «движущими мотивами его при этом было желание заполучить в создаваемую регулярную армию людей, представляющих более совершенную военную систему соседнего государства, с которым, возможно, Ирану еще предстоит вести войну»²⁸. Однако со стороны России военное проникновение не носило системного (упорядоченного и постоянного) характера. До 1830-х гг. русско-иранские отношения находились в стадии перманентной конфликтности. Поэтому россияне, служившие в каджарской армии, были либо дезертирами, либо пленными, либо переселенцами. А военные из России, посещавшие Иран, были в основном или участниками войн, либо же находились в составе посольств. Но именно русско-иранская война 1803–1813 гг. стимулировала военное изучение Персии. Ход войны показал, что эта страна для русских военачальников практически неизвестна: ни маршрутов, ни карт, ни военно-статистических описаний не было²⁹. В межвоенный период (с 1817 до 1826 гг.) военные посещали Иран неоднократно преимущественно, в составе дипломатических миссий. Именно тогда был собран обширный материал по стране, который был дополнен сведениями, полученными войсками во время русско-персидской войны 1826–1829 гг.³⁰. Результатом стало составление 3-х первых военно-статистических описаний Персии³¹.

Тер-Оганов Н. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой половине XIX века // *Canadian-American Slavic Studies*. 2012. Vol. 46. № 1. P. 1–39; Ханьков Н. Очерк служебной деятельности генерала Альбранда. Тифлис: Тип. канцелярии Наместника Кавказского, 1850. 38 с.

²⁸ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 171

²⁹ История отечественного востоковедения до середины XIX века до 1917 года. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1997. С. 172.

³⁰ Бартоломей Ф.Ф. Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 г. (Из дневника ген.-лейт. Ф.Ф. Бартоломея) // *Русская старина*. 1904. Т. 118. № 4. С. 65–92; № 5. С. 291–320; Берже А.П. Посольство А. П. Ермолова в Персию. Исторический очерк // *Русская старина*. 1877. Т. 19. С. 255–274, 389–427; Бороздна В.П. Краткое описание путешествия Российско-императорского посольства в Персию в 1817 году. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1821. 270 с.; Глиноецкий Н.П. История Руссакого генерального штаба. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного окр., 1883. Т. 1: 1698–1825 г. С. 347, 359–360; Т. 2: 1826–1855 гг. 1894. С. 18–21, 43–44; Гордин Я.А. Ермолов. М.: Молодая Гвардия, 2012. С. 334–384; Ермолов А.П. Выписки из журнала Российского посольства в Персию 1817 г. // *Отечественные записки*. 1827. Ч. 32. № 92. С. 415–450; 1828. Ч. 33. № 93. С. 107–167; №

Определённую опасность для России в случае войны с Турцией Каджарская монархия представляла. «Сколь не мало опасен для нас отряд необученного войска, – писал наместнику на Кавказе М.С. Воронцову русский консул в Тебризе Н.А. Аничков, – но всё же, по неизвестности намерений персидского правительства и опасению вероломства с его стороны, оно может заставить нас отвлечь на здешнюю границу часть наших сил, действующих против Турции»³². Отношение России к Ирану

94. С. 221–268; № 95. С. 395–442; Журнал посольства в Персию генерала А.П. Ермолова // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском Университете. М.: В Университетской тип., 1863. Кн. 2. 64 с.; Записки А.П. Ермолова 1798–1826 гг. / Сост., подг. текста, В. А. Федорова. М. : Высшая школа, 1991. 463 с.; Записки декабриста Е.Е. Лачинова о путешествии А.П. Ермолова в Иран в 1817 г. URL: [http://hpi.asj-qa.am/1029/1/1967-1\(105\).pdf](http://hpi.asj-qa.am/1029/1/1967-1(105).pdf) (дата доступа: 21.05 2020); История отечественного востоковедения до середины XIX века до 1917 года. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1997. С. 175–177, 182–183; Лесин В.И. Генерал Ермолов. М.: Вече, 2011. С. 214–242; Носков. Посольство поручика Носкова в Персию с хрустальной кроватью // Исторический вестник. 1887. Т. 30. № 11. С. 425–440; Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 2: Ермоловское время. С. 31–51; Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь: Кавказский край, 1993. Т. 3: Персидская война (1826–1828 гг.). С. 21–26; РГВИА. Ф. 446. Д. 3. Записка поручика Носкова о политическом и военном положении Персии. 16 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 4. Записки главнокомандующего войсками в Грузию, написанные В.И. Ростовцевым, с описанием путешествия русского посольства в Персию в 1817 г. 45 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 5. Записка штабс-капитана Бебутова о вооружении и обмундировании персидского нерегулярного войска. 6 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 6. Записка капитана Ермолова об организации регулярной персидской армии по родам войск. 1817 г. 17 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 7. Зарисовки форм обмундирования регулярных войск Персии. 1817 г. 7+1 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 11. Энегольм. Историческое и военно-политическое обозрение Персии. Сост. полковник Энегольм. 1827 г. 64+1 л. РГВИА. Ф. 446. Д. 12. Энегольм. Историческое и военно-политическое обозрение Персии. Сост. полковник Энегольм. 1827 г. 54 л. Содержит карту; Соколов А.Е. Дневные записки о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах URL: http://drevlit.ru/docs/iran/XIX/1800-1820/Pers_posol_1816-17/textc956.php (дата доступа: 21.05 2020); С. Неизвестная биография А. П. Ермолова / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В.М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ–Российский Архив, 1996. Т. 7. С. 191–201.

³¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 169. Краткое военно-статистическое описание Персии. 1817 г. 32+1 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 11. Энегольм. Историческое и военно-политическое обозрение Персии. Сост. полковник Энегольм. 1827 г. 64+1 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 12. Энегольм. Историческое и военно-политическое обозрение Персии. Сост. полковник Энегольм. 1827 г. 54 л. Содержит карту; Подробное описание Персии и государств Кабула, Сеидстана, Синди, Бальха, Белуджистана, земли Хорассана, также Грузии и персидских провинций, присоединенных к России. М.: Типография С. Селивановского, 1829. Ч. 1. 166 с.; Ч. 2. 85 с.; Ч. 3. 128 с.

³² Ибрагимбеили Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. Москва: Наука, 1971. С. 223.

обуславливалось также его стратегическим положением. Как отмечал советский историк А. Попов, «всё богатое историческое прошлое Персии ... определялось в конечном счёте, её географическим положением в центре соединения трёх континентов, той ролью проходной дороги, которую она играла по отношению к передвижению народов различных рас, направлявшихся с востока на запад»³³. С постепенным расширением империи Романовых в Азии указанный фактор превращался в один из важнейших. Через Иран можно было быстрее всего достичь Персидского залива и Британской Индии³⁴. С другой стороны, Иран как союзник Великобритании мог существенно осложнить положение на южных границах империи Романовых. Возможно, именно поэтому среди российских правящих кругов и военных постепенно всё большую силу приобретает мнение о необходимости контролировать некогда могучего соседа. Методы контроля и задачи в течение века менялись, развиваясь и соотносясь с международными целями царского правительства. Однако именно с 1830-х гг. между Россией и Ираном начинает развиваться такое новое явление, как военное сотрудничество³⁵.

С 1830-х гг. русские военные всё чаще стали появляться в Иране не как враги, а как союзники. Весной 1831 г., при подготовке похода на Хорасан наследник персидского престола Аббас-мирза обратился к русскому правительству с просьбой прислать к нему офицера Генерального штаба (далее – ГШ), а в дальнейшем настаивал на присылке оружия и 400 казаков и 400 человек карабахской кавалерии, а также помощи с моря против

³³ Попов А. Англо-русское соперничество на путях Ирана // Новый Восток. 1926. Кн. 12. С. 127.

³⁴ К слову, эти же причины стали своего рода побудительными мотивами политики Британской империи относительно Ирана.

³⁵ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 283 с.; Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М. Наука. 1967. 174 с. Детальнее о русско-иранских отношениях 1-й половины века см.: Бугаева А.Г. Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2009. 229 с.; Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2007. 184 с.

туркмен³⁶. Связано это было с тем, что неудачи в войнах с Россией убедили Аббас-мирзу в необходимости опоры на Россию, а не противостояния ей. К тому же наследник хотел заручиться поддержкой императора в будущей борьбе за персидский престол³⁷. В посылке людей ему было отказано. Просьба заказать ружья на российском заводе оттягивалась и так и не была удовлетворена. Однако в 1830 г. Аббас-мирзе были подарены 12 12-фунтовых пушек с зарядами к ним³⁸. И офицер в мае 1831 г.³⁹ был прислан. Им был поручик Гвардейского ГШ барон И.К. Аш, который находился в составе войск Аббас-мирзы в качестве военного наблюдателя⁴⁰ или временного военного агента⁴¹. Его миссия детально изложена в источниках и работе А.Б. Ларина⁴², поэтому здесь остановимся лишь на тех функциях, которые исполнял указанный офицер. В рассматриваемое время должность кавказского наместника занимал генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич. Именно он выбрал И.К. Аша в качестве военного наблюдателя при войсках Аббас-мирзы, и ему же, а также начальнику штаба Отдельного кавказского корпуса генерал-лейтенанту Н.П. Панкратьеву, российской Миссии в Иране, тот слал свои рапорты. После назначения 13 сентября 1831 г. командиром

³⁶ АКАК. 1878. Т. 7. С. 734, 736.

³⁷ Были и другие причины русско-иранского сближения: разочарование в английской помощи, осознание, что Россия сильнее, изменения в составе верхушки иранского государства [Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 118].

³⁸ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 147.; АКАК. 1878. Т. 8. С. 929.

³⁹ В тексте все даты даны по юлианскому календарю, принятому в рассматриваемое время в России.

⁴⁰ Айрапетов О.Р. От Афганистана до Египта. Из опыта противостояния Великих Держав XIX века // Родина. 2012. № 7. С. 101; Ларин А.Б. Российско-иранское военное сотрудничество в 30–40-е годы XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2009. Вып. 73. С. 37.

⁴¹ Гоков О.А. Военные агенты России второй половины XIX века: к вопросу об определении понятия // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников VI Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании» (17–18 мая 2013 г.): в 4 частях. Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово, Россия; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико Тырново, Болгария, 2013. Ч. 3. С. 310–312.

⁴² Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 125–132.

Отдельного кавказского корпуса и главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области генерала от инфантерии барона Г.В. Розена, И.К. Аш переписывался непосредственно с ним.

И.К. Аш информировал кавказское начальство как о политических, так и о военных событиях, связанных с действиями Аббас-мирзы по приведению в покорность Хорасана. Кроме того, именно через поручика персидский наследник обращался к И.Ф. Паскевичу с просьбами об оружии и людях, и по другим вопросам. Судя по неоднократным просьбам отозвать его обратно, в Россию, поручик тяготился своими функциями. «Я служу только орудием для персиян, – писал он 23 октября 1831 г. Н.П. Панкратьеву, – доводить до сведения правительства о бесконечных новых просьбах Аббас-мирзы о предметах, в которых он нуждается», отмечая при этом, что наследник Персии не может иметь успеха в своих предприятиях, так как не имеет общего плана действий⁴³. Тем не менее, новый кавказский начальник барон Г.В. Розен, приказал И.К. Ашу оставаться при войсках Аббас-мирзы из-за интереса российского правительства к его походу против кучанского хана⁴⁴. Поручик старательно выполнял поставленное перед ним задание, донося на Кавказ о ходе экспедиции Аббас-мирзы, о его первом неудачном столкновении с одним из главных противников в Хорасане – Реза-Кулиханом, о деятельности английских инструкторов в войске Аббас-мирзы⁴⁵. Первые неудачи ещё раз убедили барона, что поход наследника не принесёт плодов. Прося Г.В. Розена отозвать его из Персии, барон писал: «Аббас-мирза никогда не спрашивал до сих пор моего совета или мнения по части военной, из чего я должен заключить, что присутствие моё при его особе бесполезно и даже в тягость ему»⁴⁶. В действительности, русский офицер был нужен наследнику из соображений политического престижа. Он активно

⁴³ АКАК. 1878. Т. 7. С. 745.

⁴⁴ АКАК. 1878. Т. 8 С. 900.

⁴⁵ Известен минимум 51 его рапорт из Персии кавказскому начальству [Например: АКАК. 1878. Т. 7. № 732, 737, 738, 742, 743, 744, 746, 747, 748, 749, 750, 787, 788, 791, 793, 794].

⁴⁶ АКАК. 1878. Т. 8. С. 901.

распространял слухи, что его поход поддерживает российский император, а И.К. Аш как бы служил тому подтверждением.

В январе 1832 г. И.К. Ашу было разрешено оставить войска Аббас-мирзы под видом болезни⁴⁷. Наследник просил его сообщить (и в какой именно форме) о походе шаху и кавказскому начальству. В апреле 1832 г. поручик прибыл в Тегеран, имел аудиенцию у шаха, встречался с российским дипломатическим представителем⁴⁸. После этого он отправился в Россию. Судьба барона сложилась печально – до Тифлиса он не доехал. Видимо, персидский климат сказался на его здоровье. Между Нахичеванью и Эриванью он заболел белой горячкой и лежал в эриванском военном госпитале. В начале июня он был выписан и отправился в Тифлис. Однако по дороге отстал от людей, с которыми ехал, и пропал без вести. Тело поручика нашли в 20-х числах июня. Он утонул, переправляясь через реку. Таким образом, начальству достались только его бумаги⁴⁹. «Потеря сего отличного офицера, – писал Г.В. Розен министру иностранных дел К.В. Нессельроде 16 июля 1832 г., – должна быть для нас весьма чувствительна, ибо лишась его, мы лишились и всех собранных им на месте сведений, кои могли бы дать нам возможность судить, до какой степени простирается влияние наше на Аббас-мирзу и окружающих его, и какой перевес имеют англичане»⁵⁰.

Из бумаг погибшего стало известно, что персидский наследник просил Г.В. Розена вернуть И.К. Аша или назначить вместо него другого офицера⁵¹. Кавказский начальник не возражал, но К.В. Нессельроде 1 августа высказал ему мнение императора Николая I, что второй российский офицер в Иране не нужен⁵². Дело в том, что ещё в мае 1831 г. в качестве полномочного

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 125–132.

⁴⁹ АКАК. 1878. Т. 8. С. 907.

⁵⁰ Там же. С. 947.

⁵¹ Там же. С. 907.

⁵² Там же. С. 908.

министра при персидском дворе был выбран «учитывая положение того края, дух двора и наследника престола» генерал-майор граф И.О. Симонич⁵³. Поэтому, чтобы между офицерами не возникло соперничества и склок, второго решили не присылать⁵⁴.

И.О. Симонич отправился в Персию 7 июля 1832 г., получив инструкции министра иностранных дел Российской империи вице-канцлера К. В. Нессельроде и «высочайшую грамоту» об аккредитовании⁵⁵. 18 октября он приступил к исполнению своих обязанностей. Новый посланник изначально занял очень активную, полусамостоятельную и антианглийскую позицию. Её он придерживался всё время своего пребывания на посту чрезвычайного посланника и полномочного министра при шахском дворе до своей отставки в апреле 1838 г. (фактически Персию он покинул почти на полгода позже). При нём военно-дипломатическое влияние России в Иране усиливается⁵⁶.

В октябре 1833 г. умер Аббас-мирза, и в российских военно-политических кругах обсуждался вопрос о необходимости военного вмешательства для поддержки нового наследника – Мохаммад-мирзы, сына Аббас-мирзы – в случае смерти Фатхали-шаха. И.О. Симонич настаивал на активном военном вмешательстве, даже когда оно было отклонено. В ноябре 1833 г. в Тегеран из Тифлиса прибыл прапорщик Нижегородского драгунского полка граф М.Д. Девьер (Девьер, Дивьер). Он привёз посланнику бумаги от Г.В. Розена, а по пути собирал слухи и личные впечатления о ситуации в той части Персии, которую он посетил. И.О. Симонич и ему активно доказывал необходимость ввода войск для спокойной передачи трона, надеясь, что тот передаст его мнение кавказскому

⁵³ Там же. Т. 7. С. 737.

⁵⁴ Там же. Т. 8. С. 908.

⁵⁵ Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М.: Наука. 1967. С. 3.

⁵⁶ О его деятельности см.: Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 131–189.

начальству⁵⁷. Но император решил не вмешиваться в события в Иране прямо. Военный министр Г.В. Розену, а тот – И.О. Симоничу передал приказ Николая I, поддерживать только авторитетом России. А относительно пороха и ружей, которые просил Аббас-мирза, было принято решение выделить их наследнику из Тифлисского арсенала только в случае, если за персидский престол начнётся вооружённая борьба⁵⁸.

Благодаря совместному выступлению Великобритании и России, в сентябре 1834 г. персидский трон занял Мохаммад-шах⁵⁹. Событие это произошло после непродолжительной борьбы между претендентами на престол. Россия и Англия в лице своих дипломатических представителей поддержали кандидатуру будущего шаха, обеспечив ему победу⁶⁰. Как отмечалось в инструкции посланнику в 1904 г., «в 1834 г. вопрос шёл о выборе наследника шахского престола между несколькими соперничавшими кандидатами и об очищении от русских войск занятых в обеспечение уплаты контрибуции персидских областей, причём как Англия, так и Россия заявили о своем намерении уважать целость и неприкосновенность персидской территории. Соглашением с Россией 1834 г., подтверждавшим неприкосновенность персидской государственной территории, Англия стремилась гарантировать себя от опасности русской экспансии к побережью Персидского залива, в районе которого в последующие годы она проводит энергичную политику «мирного проникновения»⁶¹. Не смотря на то, что обе стороны приписывали себе главную роль в утверждении Мохаммед-шаха, можно согласиться с российским исследователем А.Б. Лариным, что российский посланник И.О. Симонич действовал активнее. Поэтому

⁵⁷ АКАК. 1878. Т. 8. С. 915–919.

⁵⁸ Там же. С. 915–916.

⁵⁹ Шахом он был провозглашён только 18 января 1835 г. после окончания борьбы с другими претендентами на престол [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 124].

⁶⁰ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 139–142.

⁶¹ Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. 1932. № 4 (53). С. 15.

«именно в 30-е годы влияние России на внутреннюю и внешнюю политику Персии значительно возрастает и становится преобладающим»⁶². Как верно отмечал российский публицист К. Скальковский, «Персия с 1834 г. сделалась нашей союзницей и находилась под сильным влиянием России»⁶³. «В это время нашей задачей было укрепить и расширить пределы Персии, которая была под нашим влиянием, и с этой целью мы помогли ей в гератском вопросе, окончившемся ничем из-за интриг англичан», – писал в начале XX в. русский военный аналитик А.Е. Снесарев⁶⁴. Находившийся в качестве полномочного министра при шахском дворе в 1832–1838 гг. генерал-майор И.О. Симонич⁶⁵ имел заметное влияние на Мохаммед-шаха и активно участвовал во внутривосточной жизни страны⁶⁶. Кроме того, до 1837 г. он фактически был и негласным военным агентом. И.О. Симонич доносил командующему Отдельным кавказским корпусом и военному министру графу А.И. Чернышёву не только о событиях в Персии, но и о военной составляющей развития персидского государства⁶⁷.

В 1834 г. в состав Миссии был включён ещё один военный – барон Ф.Ф. Корф, ранее служивший в лейб-гвардии Преображенском полку. Он до 1835 г. состоял вторым секретарём Миссии в Тегеране⁶⁸. В 1836 г. в Иран был отправлен ещё один военный – горный инженер⁶⁹ Клеймёнов для

⁶² Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 142.

⁶³ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 410.

⁶⁴ Снесарев А.Е. Афганистан URL: www.cawater-info.net/afghanistan/pdf/cnesarev.pdf (дата обращения: 21.06.2020).

⁶⁵ Генерал-майор, с 5 января 1832 г. по 30 апреля 1838 г. – чрезвычайный и полномочный министр при персидском шахе [Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М.: Наука. 1967. С. 3–25]. Сменён генерал-майором ГШ А.О. Дюгамелем – последним посланником-военным на этом посту (до 11 июня 1845 г.).

⁶⁶ Правил с 23 октября 1834 г. по 5 сентября 1848 г.

⁶⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 13. 76+4 л.; Д. 15. 3 л.; Д. 17. 5 л.

⁶⁸ Корф Ф.Ф. Воспоминания о Персии, 1834–1835. СПб., 1838. [4], IV, 290, IV с. Здесь армии посвящена 10 глава. Но это не военно-статистическое обозрение, а литературно-бытовые зарисовки.

⁶⁹ Корпус горных инженеров хотя и находился в ведении Министерства финансов, но имел военизированную структуру, а деятельность его офицеров иногда тесно переплеталась с деятельностью Военного министерства.

выяснения достоинства монет, следующих в уплату последнего курура⁷⁰ контрибуции, которую Иран должен был выплатить по Туркманчайскому договору 1828 г.⁷¹.

Через нового посланника шах и эмир-незам Мамед-хан (командующий войсками Азербайджана) готовясь к походу против курдов, а потом против туркмен, просили у русского правительства сначала по 500 ядер и картечи для русских орудий, подаренных ещё Аббас-мирзе, конгревовых ракет в марте 1835 г.⁷², а в июле 1836 г. – 1 500 зарядов для 24-фунтовых пушек и 3 000 – для 14-фунтовых за счёт персидского правительства⁷³. Последнюю просьбу решено было удовлетворить, но предупредив персов, что больше давать не будут. Российское правительство, а конкретнее – сам царь, – не желало на тот момент вооружать персидские войска русским оружием. Позиция И.О. Симонича была изложена им самим в письме министру иностранных дел в 1836 г. перед походом шаха против туркмен. «Следовало бы воспользоваться этим случаем, – писал посланник, – и афганских владельцев подчинить влиянию Персии, составив из них Конфедерацию под покровительством сей Державы и ручательством (гарантиею) России; но что наперед нужно Персиянам привести в повиновение тухменцев и усмирить Герат. Против первых можно бы нам оказать Персии пособие, снабдив военными снарядами и придав в помощь Каспийскую нашу флотилию». Кроме того, российский посланник просил выслать ему подарочные вещи, часть из которых он отправит правителям Кабула и Кандагара и, наконец, сообщал, что «полезно бы иметь при Миссии офицера ГШ, нахождение коего при нем в качестве ли адъютанта, или под иным наименованием не

⁷⁰ 1 курур=500 000 туманов. Туман (томан) – официальная серебряная денежная единица Персии с XVII в. до 1932 г. [Словарь нумизмата. М.: Радио и связь, 1993. С. 343].

⁷¹ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 145.

⁷² АКАК. 1878. Т. 8. С. 929, 941.

⁷³ Там же. С. 942.

встретило бы никакого затруднения, а напротив было бы для шаха приятно»⁷⁴.

Когда шах и его первый министр инициировали новый поход против Герата 1837–1838 гг., русский посланник негласно поддержал эту инициативу⁷⁵. Сначала он был противником похода, так как война 1836 г. с туркменами показала слабость шахской армии. Но после того как шах принял окончательное решение идти на Герат, русский посланник решил извлечь из этого все возможные выгоды, вне зависимости от своих первоначальных намерений⁷⁶. Отчасти в этом вопросе он шёл вразрез с линией Министерства иностранных дел. Император через своего министра с самого начала отговаривал шаха от экспедиции⁷⁷.

В августе 1837 г. на должность адъютанта И.О. Симонича вместе с поручиком Я.В. Виткевичем⁷⁸ прибыл капитан (с марта 1839 г. – подполковник) ГШ И.Ф. Бларамберг⁷⁹. Он стал исполнять функции военного агента при Миссии. Свои письма направлял русскому военному министру, а

⁷⁴ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 158–159.

⁷⁵ Детальнее см.: Бларамберг И.Ф. Осада города Герата, предпринятая персидскою армиею под предводительством Магомед-шаха, в 1837 и 1838 годах // СМА. 1885. Вып. 16. С. 1–40; Бугаева А.Г. Борьба за Герат 1837–1841 гг. URL: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/bugayeva_15_39_58_61.pdf (дата обращения: 19.02.2021); Даль В.И. Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде, в 1837 и 1838 годах, персиянами крепости Герата // Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского). Т. 7. СПб. – М., 1898 URL: <http://rus-turk.livejournal.com/199570.html> (дата обращения: 19.02.2021); Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 150–189; Martin V. Social networks and border conflicts: the First Herat War 1838–1841 // War and peace in Qajar Persia: implications past and present. London and New York: Routledge, 2007. P. 110–124; Nelson J.K. The Siege of Herat: 1837–1838. A Thesis Submitted to the Graduate Faculty of St. Cloud State University Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Master of Arts. St. Cloud, Minnesota, 1976. 101 p.

⁷⁶ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 155.

⁷⁷ АКАК. 1884. Т. 9. С. 558.

⁷⁸ АКАК. 1878. Т. 8. С. 944–947.

⁷⁹ Колюбакин А.М. Введение к очерку вооружённых сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования персидской армии // История Ирана. К.–М.: Альтернатива–Евролианц, 2003. С. 286.

тот передавал их лично императору⁸⁰. Как военный агент И.Ф. Бларамберг оказался очень эффективным. В частности, по результатам своих наблюдений он написал то, что составляло квинтэссенцию работы любого военного агента – военно-статистическое описание страны⁸¹.

⁸⁰ Так, он постоянно сообщал о ходе гератского похода [РГВИА. Ф. 446. Д. 16. Письмо русского военного агента в Персии подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву о результатах первого похода персидской армии против г. Герата. 30 ноября 1837 г. 2 л.; Д. 17. Донесения русского посланника в Тегеране Симонича и русского военного агента подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву А.Н. о военных действиях Персии против г. Герата. 1837 г. 5 л.; Д. 20. Донесения русского военного агента в Персии подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву А.Н. о военных действиях Персии против г. Герата; статистическая записка Бларамберга о Персии. 107+4 л.; Д. 22. Донесения военного агента в Персии подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву А.Н. о военных действиях Персии против г. Герата; о вмешательстве англичан во внутренние дела Афганистана и об экономическом и политическом положении Персии. 63+3 л.], о состоянии персидской армии и об изменениях в ней [РГВИА. Ф. 446. Д. 18. Заметки подполковника Бларамберга о состоянии вооруженных сил Персии. 1837 г. 18 л.; Д. 19. Заметки о регулярной армии Персии. 12 л.; Д. 21. Приказ шаха о введении одинаковой формы обмундирования для всех родов войск персидской армии. 3 л.; Д. 29. Записка о вооруженных силах Персии. 1840. 21 л.], собирал статистические сведения о стране [РГВИА. Ф. 446. Д. 20; Д. 84. Заметки подполковника Бларамберга об острове Карак (Персидский залив). 1839 г. 2 л.; Д. 118. Статистическое описание Хорасана. 1839 г. 5 л.], доносил о политических событиях [РГВИА. Ф. 446. Д. 23. Донесения подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву А.Н. о политическом положении Персии. декабря 1839 г. – 10 июля 1840 г. 39+3 л.]. Ему же принадлежат военно-аналитические записки относительно вооруженных сил Персии [РГВИА. Ф. 446. Д. 24. Записка о причинах поражения персидской армии под г. Гератом. 1839 г. 7 л.; Д. 26. Описание осады г. Герата персидской армией в 1837-1838 гг. Сост. подполковник Бларамберг. Приложение: Портрет премьер-министра Мирзы-Хаджи-Агасчи, план г. Герата. 1839. 40 л.; Д. 27. Записка подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву А.Н. о возможности военного столкновения между Россией и Персией. 1839 г. 12 л.; Д. 28. Описание осады г. Герата персидской армией. 1840. 42 л.]. Скорее всего, он же прислал в Россию «Журнал путешествия персидского генерала Семино по южным провинциям Персии и по побережью Персидского залива в 1840-1841 гг.» [РГВИА. Ф. 446. Д. 31. Журнал путешествия персидского генерала Семино по южным провинциям Персии и по побережью Персидского залива в 1840-1841 гг. 29 октября 1842 г. - 24 ноября 1842 г. 43+3 л.; Бартоломей Семино – офицер франко-сардинского происхождения, в 1830-х – 1850-х гг. служивший персидским правителям [Shireen Mahdavi SEMINO, Barthélémy URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/semino-barthelemy> (дата обращения: 11.09.2018)]. Как военный агент И.Ф. Бларамберг оказался очень эффективным. В частности, по результатам своих наблюдений он написал то, что составляло квинтэссенцию работы любого военного агента – военно-статистическое описание страны [РГВИА. Ф. 446. Ф. 446. Д. 177. Статистическое обозрение Персии. Ч. 1. Сост. подполковник Бларамберг. 1841 г. 109+4 л.; Д. 178. Статистическое обозрение Персии. Ч. 2. Сост. подполковник Бларамберг. 1842. 283+3 л.].

⁸¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 177. 109+4 л.; Д. 178. Статистическое обозрение Персии. Ч. 2. Сост. подполковник Бларамберг. 1842. 283+3 л.

И.В. Виткевич был направлен с секретной дипломатической миссией к афганским правителям через Иран, где должен был также получить инструкции от И.О. Симонича⁸². И.О. Симонич доносил Г.В. Розену о приготовлениях и ходе Гератского похода. Осенью 1837 г. Николай I потребовал от персидского правительства решить вопрос, который был актуальным в русско-иранских отношениях 1830-х гг. – распустить военные формирования из русских дезертиров и вернуть их на родину. Желание императора вернуть дезертиров стало прекрасным предлогом, позволявшим И.О. Симоничу и И.Ф. Бларамбергу проследовать в шахскую армию под Герат. Туда они прибыли в апреле 1838 г.⁸³ В мае 1838 г. к русским военным под Гератом присоединился вернувшийся из Афганистана И.В. Виткевич⁸⁴. Он, помимо прочего, собрал сведения о маршрутах по Персии на своём пути и о Систане, где побывал, а также о дороге от Тебриза в Тегеран и Исфахан⁸⁵. «11 февраля в Тегеран прибыл из Кандагара Виткевич, – писал И.Ф. Бларамберг. – Сопровождаемый лишь одним слугой, он поехал из Фараха (Ферраха) прямо на восток, через большую солончаковую пустыню, через Йезд в Исфахан и благополучно завершил это смелое и опасное путешествие. К нам он добрался по большому караванному пути из Исфахана через Кашан и Кум. Виткевич очень много рассказывал нам о своем пребывании в Кабуле и Кандагаре, но, к сожалению, он не вел дневника и вообще не любил писать. Несколько раз я запирался с ним в моей комнате,

⁸² Володарский М. Дуэль двух дипломатий в Кабуле // Отечественная история. 2002. № 5. С. 49–61; Сапунов Д.А. Судьбою связанный с Востоком: И. Виткевич и русская разведка в Средней Азии // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 10. Вып. 1. С. 114–121; Халфин Н.А. Драма в номерах «Париж» // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 216–220; Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. С. 236–256; Шкерин В. А. Ян Виткевич и оренбургский военный губернатор Василий Перовский // Уральский исторический вестник. 2012. №2. С. 131–137.

⁸³ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 177.

⁸⁴ АКАК. 1884. Т. 9. С. 554.

⁸⁵ Сведения о Персии и Афганистане, собранные поручиком Виткевичем в 1837, 1838 и 1839 годах // Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. С. 334–354.

приказав слуге никого не впускать, и Виткевич диктовал мне свои воспоминания, а также описания маршрутов, которые я впоследствии включил в свою книгу о Персии. 2 марта Виткевич выехал из Тегерана в Петербург»⁸⁶.

Однако попытки русских офицеров лучше организовать осаду города⁸⁷ провалились из-за самоуверенности главного министра шаха, садрамама Хаджи Мирзы Агаси и нежелании персов слушать советов. «Так простояли пять месяцев; наконец, послушались совета Семино и наших офицеров, которые, глядя на распоряжение персиян, только смеялись, и положили: поставить две порядочные батареи с обеих сторон угла башни Бурдж-Абзуллай-Мюзря, бить брешь и подвести подкопы», – писал об этом очевидец⁸⁸. Под руководством и по плану И.Ф. Бларамберга велись работы на укреплениях юго-восточной окраины Герата. Да и сам И.О. Симонич не отрицал своего участия в осаде⁸⁹. Но результата они не принесли. «Возникали всякого рода трудности; руководители работ выбирались по капризу владыки и не имели ни малейшего понятия о такого рода деятельности. Даже если бы они обладали умом и были преисполнены доброй воли, ни одно из этих качеств не помогло бы им; во всем ощущалась нехватка, не было инструментов и самых необходимых вещей», – писал И.О. Симонич⁹⁰. Судя по переписке И.Ф. Бларамберга с начальником Военно-топографического депо Главного штаба генерал-майором Ф.Ф. Шубергом⁹¹ он не сошёлся с И.О. Симоничем во взглядах относительно поведения при осаде и штурме Герата 12 июня 1838 г. По всей

⁸⁶ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 156.

⁸⁷ Луганский В. Рассказ русского пленного об осаде Герата персиянами в 1837 и 1838 годах // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, Том 61. № 241. 1846. С. 36.

⁸⁸ Там же. С. 33.

⁸⁹ Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М.: Наука. 1967. С. 168.

⁹⁰ Там же. С. 146.

⁹¹ В рассматриваемое время он исполнял также обязанности генерал-квартирмейстера Главного штаба.

видимости, И.Ф. Бларамберг, адекватно оценивая персидских солдат и командование, был против штурма. Об этом косвенно свидетельствуют его воспоминания (глава 3). И.О. Симонич же, напротив, с ним не соглашался. В письме от 21 июня, написанном сразу после неудавшегося штурма Герата, И.Ф. Бларамберг подверг критике действия И.О. Симонича. Ф.Ф. Шуберт, передававший все его письма военному министру, передал и это. Тот, как и в предыдущие разы, показал письмо императору. Оценки И.Ф. Бларамберга вызвали у него «большое недовольство». «Император, – писал Ф.Ф. Шуберт, – счёл Ваши наблюдения о поведении графа Симонича очень неуместными и тем менее простибельными ... с другой стороны, его величество соизволил заметить, что даже если Вы могли найти ошибку в поведении Вашего начальника, Вы должны были или хранить молчание, или, если Ваша совесть так велит Вам, честно сообщить до, а не после провала дела»⁹².

Параллельно И.О. Симонич добился от шаха согласия на вывод русских дезертиров и военнопленных. Впрочем, среди «багадеранцев» были не только они. Так, в осаде Герата 1837–1838 гг. участвовало несколько русских, пленённых туркменами, потом проданных в Хивинское ханство в рабство, а оттуда попавших в шахскую армию⁹³. Численность их и состав подразделения, созданного из русских перебежчиков, постоянно менялись. При Аббасе-мирзе именно русские солдаты и унтер-офицеры принесли в Персию новые образцы европейской подготовки и тактики. За несколько лет до прибытия первых французских офицеров дезертиры из российских армий уже использовались для вербовки, обучения и подготовки новых фоджей солдат (сарбаз) в Тебризе, хотя отдельной инструкторской миссии не составляли⁹⁴. После приглашения европейских военных миссий и создания

⁹² Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П.И. Щукина. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1901. Ч. 9. С. 211.

⁹³ Луганский В. Рассказ русского пленного об осаде Герата персиянами в 1837 и 1838 годах // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1846. Том 61. № 241. С. 20–44.

⁹⁴ Круглов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // *Tarix və onun problemləri*. 2013. № 1. С. 45–46; Cronin S. *Deserters, Converts, Cossacks and*

одного (а некоторое время и двух) фоджа «Багадеран» русские дезертиры составляли наиболее боеспособную и организованную часть персидской армии. В 1830-х гг. они принимали участие почти во всех военных мероприятиях центральной власти: походах против курдов, туркмен, на Хорасан, на Герат. Своей организацией и отвагой дезертиры заслужили уважение, сами того не желая, «рекламируя» Россию и её армию. Но для Николая I и кавказского начальства такая реклама имела и другую сторону. Она свидетельствовала о неуважении персидского правительства к России и давала повод для дальнейших побегов русских солдат с Кавказа. В документах русско-иранских отношений 1830-х гг. «дезертирский» вопрос был одним из главных. В конце-концов, волевым указанием Николая I было затребовано окончательное его решение. А.Б. Ларин утверждал, что вместо «выведенного из Персии батальона, Николай I предоставил Ирану помощь в лице военных специалистов» и был отчасти прав – сначала И.О. Симонич и И.Ф. Бларамберг выступали в качестве военных советников под Гератом, потом были и другие миссии, о которых речь будет ниже⁹⁵. Для возвращения дезертиров новым кавказским главой генералом от инфантерии Е.А. Головиным по настоянию И.О. Симонича был назначен капитан Нижегородского драгунского полка Л.Л. Альбрандт. 19 июня 1838 г. он прибыл в Тебриз⁹⁶. Офицер «работал» с русскими дезертирами почти год⁹⁷. И благодаря, в первую очередь, его личным качествам, большая часть из них с семьями и детьми в марте 1839 г. вернулась в Россию. Домой вернулись не все дезертиры, а только 1084 человека: 597 «богатырей», 206 жён и 281

Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 48. Is. 2. P. 151.

⁹⁵ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 195.

⁹⁶ Там же. С. 178–180. Тут же содержится и литература по вопросу; Командировка капитана Альбранта в Персию в 1838 году, рассказанная им самим // Русский вестник. 1867. № 3. С. 304–340.

⁹⁷ Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1894. Т. 4. С. 91–102.

ребёнок⁹⁸. В частности, остался в Иране командир полка-батальона дезертиров – С.Я. Макинцев⁹⁹. Однако, кроме его личной биографии деталей о пребывании других русских в Иране после 1839 г. мы не имеем¹⁰⁰.

И.О. Симонич и И.В. Виткевич были в 1838 г. возвращены в Россию из-за обострения англо-русских отношений по поводу событий вокруг Афганистана¹⁰¹. К.В. Нессельроде, а фактически – сам император, дезавуировал их деятельность, чтобы уладить конфликт с Англией. Для И.В. Виткевича это оказалось сильным ударом: вернувшись весной 1839 г. Петербург он то ли покончил жизнь самоубийством, то ли был убит, а его бумаги были сожжены или исчезли¹⁰². И.О. Симонич был формально отстранён от должности 30 апреля 1838 г., но оставался в Иране ещё около полугода¹⁰³. На его место был назначен другой офицер – генерал от инфантерии И.О. Дюгамель¹⁰⁴. «11 ноября полковник Дюгамель нанёс шаху свой первый визит, а граф Симонич – прощальный», – записал в своих воспоминаниях И.Ф. Бларамберг¹⁰⁵. Он находился в Персии до своей отставки 9 августа 1841 г.

⁹⁸ Кибовский А. «Багадеран» – Русские дезертиры в персидской армии. 1802–1839 // Цейхгауз. 1996. № 5. С. 28; РГВИА. Ф. 446. Д. 360. 79 л.

⁹⁹ Базиленко И.В. О беглом россияnine С. Я. Макинцеве (Самсон-хане) и его иранской службе (первая половина XIX в.) // Базиленко И.В. Историография, религиоведение и культурология Востока. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2011. С. 283–294; Берже А. П. Самсон-хан Макинцев и русские беглецы в Персии 1806–1853 гг. // Русская старина. 1876. Т. 15. № 4 (апрель). С. 770–804.

¹⁰⁰ А.Б. Ларин указывал только имена беглых солдат, перебежавших в Иран в 1839 г. [Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 180–181.

¹⁰¹ «Высочайшим именным указом» от 30 апреля 1838 г. он был уволен, но ввиду того что прибытие в Тегеран его преемника полковника А. О. Дюгамеля задержалось, сдал дела только 15 ноября 1838 г. [Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М.: Наука. 1967. С. 9].

¹⁰² Халфин Н.А. Драма в номерах «Париж» // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 216–220.

¹⁰³ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 185. Последний его рапорт Е.А. Головину был датирован 7 ноября 1838 г. АКАК. 1884. Т. 9. С. 558.

¹⁰⁴ О его деятельности: Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1885. 278 с.; АКАК. 1884. Т. 9.

¹⁰⁵ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 148.

И.Ф. Бларамберг оставался в Персии до весны 1840 г., занимался изучением персидской армии и путей сообщения, о чём вскользь упоминает в своих записках, и, одновременно, являлся негласным военным советником. Результатом его деятельности стало военно-статистическое описание Персии, вплоть до 1877–1878 гг. остававшееся единственным из изданных в России, написанным не только по иностранным источникам и донесениям российских агентов, но и по личным наблюдениям¹⁰⁶.

В конце 1838 г. в Персию прибыл капитан Корпуса военных топографов Б.Ф. Лемм¹⁰⁷. Офицер этот пользовался большим авторитетом, поскольку его вычисления отличались высокой точностью. Он был командирован в Персию для сопровождения подарков, назначенных шаху и вали (наместнику, губернатору) Хорасанской провинции – «обычай, который повторялся каждый раз при смене полномочных министров при персидском дворе»¹⁰⁸. На него было возложено также поручение определить географическое положение «всех замечательных мест, чрез которые он будет следовать, в особенности в Персии»¹⁰⁹.

Офицер выехал из Петербурга 22 августа 1838 г. и 11 сентября добрался до Астрахани. 2 октября путешественник отплыл из Астрахани на парусном судне, а 4 ноября Б.Ф. Лемм прибыл в Решт. Ему «удалось вычислить координаты четырёх портов на Каспийском море, куда заходило

¹⁰⁶ Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. С. 1–2.

¹⁰⁷ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 149.

¹⁰⁸ Там же. «В 1838 году русское правительство приняло решение отправить дары шаху Персии, а также генерал-губернатору Хорасана в знак особого благоволения императора к последнему и в качестве благодарности за покровительство, которое он оказывает паломникам, русским подданным, отправляющимся ежегодно в большом количестве из кавказских провинций в Мешхед. Доставка этих даров была поручена капитану Лемму», – писал по этому поводу Н.В. Ханьков [Ханьков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука 1973. С. 53].

¹⁰⁹ Астрономические определения в Персии, произведённые капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // Записки военно-топографического депо (далее – ЗВТД). 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 24.

его судно»¹¹⁰. В Реште астроном провёл 3 недели, проводя хронометрические измерения. «Хронометрические вычисления г-на Лемма заслуживают не менее полного доверия как по причине блестящего совпадения с результатами наблюдений, сделанных ранее, так и вследствие небольшой отдаленности Решта от тех мест, долгота которых точно известна и где Лемм всегда мог сверить правильность хода своих часов», – оценивал его работу Н.В. Ханыков¹¹¹. Из Гиляна путешественник выехал 25 ноября и через Казвин 8 декабря прибыл в Тегеран, определив на этом пути географическое положение ещё восьми пунктов. Здесь Б.Ф. Лемм где находился до 15 февраля 1839 г., сумев точно вычислить долготу Тегерана¹¹².

«Приближалась весна, – вспоминал И.Ф. Бларамберг, – и русский министр решил отправить с капитаном Леммом приготовленные для губернатора Хорасана (им был тогда Асиф од-Доуле) подарки. Лемм должен был воспользоваться этим случаем, чтобы определить как можно больше астрономических пунктов. Я набросал ему маршрут, следуя которому он мог определить эти пункты на возможно большем пространстве. Ему предстояло ехать по большой дороге паломников до Мешхеда, повернуть затем на северо-восток и проехать через Кучан, Боджнурд, т. е. через Хорасанский Курдистан, в Астрабад и отсюда вернуться в Тегеран через Сари и Барфруш, перевалив горную цепь Эльбурса. Так как кроме астрономического прибора у него было четыре хронометра, он взял с собой бедного персидского пилигрима, намеревавшегося совершить паломничество в Мешхед. Тот шел рядом с Леммом, неся хронометры в маленьком ящичке. Лемма сопровождал и слуга-армянин, который мог говорить по-тюркски (по-татарски).

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука 1973. С. 55.

¹¹² Астрономические определения в Персии, произведённые капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // ЗВТД. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 25.

Присоединившись со своими слугами к каравану паломников, капитан Лемм, напутствуемый нами, покинул Тегеран 4 февраля»¹¹³.

На самом деле, Б.Ф. Лемм выступил в Мешхед 15 февраля 1839 г.¹¹⁴. Каждый вечер Б.Ф. Лемм делал остановку, чтобы вести наблюдения и в течение 29 дней определил широту и долготу 21-го пункта¹¹⁵. В Мешхед путешественник прибыл 16 марта. Здесь он провёл 12 дней, вычислив абсолютную долготу этого города и его широту. Капитан посетил Мешхед, проехав через территорию «совершенно неизвестную европейцам»¹¹⁶. Обрато офицер решил возвращаться другим маршрутом – северной дорогой, хотя она и слыла тогда опасной из-за набегов туркмен. Расстояние между Мешхедом и Тегераном он преодолел за 45 дней, на протяжении которых установил местоположение 30 пунктов, им были рассчитаны координаты Аргувани и тригонометрическим путем определена высота горы Демавенд¹¹⁷. 12 мая офицер вернулся в Тегеран, исследовав, таким образом, оба важных пути из Тегерана в Мешхед.

С какими сложностями он столкнулся, сам Б.Ф. Лемм детально не писал. Но отчасти, помимо климата, о них можно составить представление из записок Н.В. Ханькова. «В ходе будущего путешествия Лемм не мог более рассчитывать на преимущество, в значительной степени облегчившее ему задачу в прошлых экспедициях. Теперь он был лишён возможности находиться вблизи мест, положение которых на карте было строго выверено, и где он легко мог бы проконтролировать показания своих хронометров. На этот раз ему надлежало исследовать огромное пространство без единой точно

¹¹³ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 155.

¹¹⁴ Астрономические определения в Персии, произведённые капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // ЗВТД. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 23.

¹¹⁵ Ханьков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука 1973. С. 55.

¹¹⁶ Астрономические определения в Персии, произведённые капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // ЗВТД. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 25.

¹¹⁷ Ханьков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука 1973. С. 55; Астрономические определения в Персии, произведённые капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // ЗВТД. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 26.

рассчитанной долготы, на котором к тому же предстояло определить и абсолютные долготы»¹¹⁸.

В столице Каджарской империи Б.Ф. Лемм оставался 4 недели, обрабатывая свои наблюдения¹¹⁹. «В конце апреля вернулся из своего путешествия в Мешхед, Хорасанский Курдистан и Мазендеран наш друг капитан Лемм, – вспоминал И.Ф. Бларамберг. – Он определил там около 30 астрономических пунктов и произвёл барометрическое измерение многих высот. До отъезда он оставил мне в Тегеране свой барометр, при помощи которого я ежедневно два раза в день делал наблюдения, заносил показания в дневник и делал отметки температуры по термометру. Лемм рассказал нам много интересного о своем паломничестве. В каждом мензиле (ночном лагере) он делал астрономические наблюдения. По воскресеньям он оставался на своей станции, чтобы получить духовное наслаждение от чтения Библии. Вручив в Мешхеде местному хакиму Асифу од-Доуле подарки, он отправился через Кучан, Ширван и Боджнурд в Астрабад, а оттуда на запад, вдоль Каспийского моря, через Эшреф, Сари и Алибад, затем снова на юг, перевалил вторично через хребет Эльбрусских гор и вернулся через Баб-и-Шах и Хастенак в Тегеран. Во время своего путешествия из Решта через Казвин в Тегеран и оттуда в Мешхед и Астрабад он определил 62 астрономических пункта, и я смог набросать карту этой части Персии, так как мне были знакомы маршруты этого района. Капитан Лемм провел с нами в лагере в Арговани целый месяц. Он оформлял свои наблюдения и составлял карту районов, по которым проезжал; впоследствии она послужила основой для всех карт Хорасана и Мазендерана. В конце мая он вернулся в Петербург через Тебриз и Тифлис, определив в ходе этой поездки еще 22 пункта от Тегерана до карантина Джульфа на левом берегу бурного Аракса»¹²⁰.

¹¹⁸ Ханьков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука 1973. С. 54.

¹¹⁹ Астрономические определения в Персии, произведённые капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // ЗВТД. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 26.

¹²⁰ Астрономические наблюдения, сделанные штабс-капитаном Леммом в Хорасане и в Персии вообще в 1839 году // Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского

Б.Ф. Лемм в «видах доставить своим путешествием возможно большую пользу» отправился обратно в Россию по другому направлению – сухопутным путём через Тебриз и Эривань и Тифлис, а оттуда – в Петербург¹²¹.

В итоге за время путешествия, длившегося 13 месяцев, исследователю удалось астрономическим путем вычислить с точностью для широты до 10' и для долготы до 15' координаты 129 пунктов, из которых 22 находятся в Европейской России, 24 – в кавказских провинциях и 83 – в Персии. Кроме того, «на основании сравнений барометрических показаний, снятых Леммом, с аналогичными данными полковника Бларамберга г-н О. Струве смог определить абсолютные высоты ряда точек, расположенных на пути следования Лемма через Хорасан»¹²². Результатом работ Б.Ф. Лемма стала подготовленная им карта своих наблюдений, а материалы, собранные им, после обработки в Военно-топографическом депо, были использованы для составления карты Персии¹²³. «Материалы наблюдений г-на Лемма, систематизированные им самим по возвращении из путешествия и переданные в архивы штаба, были проверены в Пулковской обсерватории, и поскольку О. Струве уже опубликовал компетентное исследование этих важных материалов в пятом томе «Записок Санкт-Петербургской Академии наук», – писал Н.В. Ханыков¹²⁴. «Г-н Лемм первым создал необходимую

Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. С. 326–331; Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 162.

¹²¹ Астрономические определения в Персии, произведённые капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // ЗВТД. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 26.

¹²² Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука 1973. С. 56.

¹²³ Астрономические определения в Персии, произведённые капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // ЗВТД. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 23–40; Барометрические измерения, произведённые в Персии капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // Записки ЗВТД. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 41–50; Карта астрономических определений, произведённых капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // Записки военно-топографического депо. 1861. Ч. 22. Приложение; РГВИА. Ф. 446. Д. 303. 58+3 л. РГВИА. Ф. 446. Д. 302. 93 л. В частности, определил 169 астрономических пунктов в Персии и России [ЗВТД. 1847. Отд. 1. Ч. 10. С. 16].

¹²⁴ Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука 1973. С. 54.

базу для составления наших карт Восточной Персии», – резюмировал он значение исследований Б.Ф. Лемма¹²⁵.

В мае 1839 г. в Тегеран по приглашению шаха прибыли поручик гвардейской артиллерии князь Н.Ф. Масальский и 4 унтер-офицера для обучения персидской артиллерии¹²⁶. «20 мая в наш лагерь прибыли новые люди – поручик гвардейской артиллерии князь Масальский с четырьмя унтер-офицерами. Он был командирован нашим правительством в Персию по просьбе Мохаммед-шаха или, скорее, его первого министра Мирзы Хаджи-Агасси, чтобы обучить персидских артиллеристов обращению с пушками. Со своими помощниками (кузнецом, слесарем и лафетчиком) он должен был также ознакомить персидских мастеров в Тегеранском арсенале с различными сторонами артиллерийского производства», – писал «курировавший» эту миссию И.Ф. Бларамберг¹²⁷. Как выяснил А.Б. Ларин, «отправление вместе с мастеровыми гвардейского офицера было инициативой российского правительства, поскольку иранские власти обращались к российскому представителю А.О. Дюгамелю «с просьбою о высылке в Персию одних мастеровых, не говоря ни слова о командировании вместе с тем артиллерийского офицера»¹²⁸. Поручик «должен был «ознакомить персидских мастеров в Тегеранском арсенале с различными сторонами артиллерийского производства» и «обучить персидских артиллеристов обращению с пушками»»¹²⁹. Также офицеру была поставлена задача собрать дополнительные сведения о состоянии дел в Персии и о её армии. Пребывание миссии закончилось вместе с отъездом

¹²⁵ Там же. С. 75.

¹²⁶ О его миссии см.: Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 194–198.

¹²⁷ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 163.

¹²⁸ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 195–196.

¹²⁹ Там же. С. 196.

И.Ф. Бларамберга, в августе 1840 г.¹³⁰. «Князь Массальский, молодой, очень образованный артиллерист, стал вскоре нашим всеобщим любимцем. На первых порах он с головой ушел в работу, как в арсенале, так и на плацу, где обучал расчёт батареи. Вскоре, однако, это занятие ему надоело: он увидел, что на каждом шагу ему создаются искусственные препятствия, а первый министр только и делает, что даёт обещания и не выполняет их. Зачастую солдаты батареи не приходили на плац; мастерам в арсенале не хватало леса, даже угля. К счастью, русские специалисты привезли с собой набор инструментов и потому, несмотря на все препятствия, соорудили макет зарядного ящика, а также лафета», – резюмировал И.Ф. Бларамберг их работу¹³¹. В приведенном отрывке из воспоминаний офицер не кривил душой. Судя по письмам самого Н.Ф. Масальского, он был на артиллерийском учении, из которого вынес, что артиллеристы «не знают ничего», «а про пехоту, что она знает немного»¹³², отчасти изучил иранскую армию, вынеся общее впечатление о слабости регулярных войск Каджарских правителей¹³³.

«Его постигла та же участь, что и всех его предшественников и последователей, – писал о миссии Н.Ф. Масальского, косвенно, видимо, оценивая и итоги своего пребывания, И.Ф. Бларамберг. – Все инструкторы (военные преподаватели), поступавшие на персидскую службу, очень быстро уезжали из Персии, несмотря на то, что их приглашало правительство или же официально вербовали полномочные персидские представители в Европе. Их

¹³⁰ Масальский Н.Ф. Письма русского из Персии. Ч.1-2. СПб.: Тип. штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. Ч. 1. [4]+IV+317 с.; Ч. 2. [2]+IV+335 с.

¹³¹ Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. С. 57. По сведениям А.Б. Ларина, пользовавшегося архивными материалами, «за целый год им удалось изготовить только два зарядных ящика для артиллерии» [Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 198]. И.Ф. Бларамберг говорил то 4, то 3-х мастерах [Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 163]. На самом деле их было четверо.

¹³² Масальский Н.Ф. Письма русского из Персии. Ч.1-2. СПб.: Тип. штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. Ч. 1. С. 255.

¹³³ Там же. С. 158–166.

принимали с большой предупредительностью, обращались с ними учтиво и поначалу ежемесячно выплачивали жалование. Однако у них не было постоянных занятий, и они на горьком опыте убеждались в том, что персы считали себя намного образованнее и опытнее, чем эти ференги (иностранцы)»¹³⁴. Можно согласиться с мнением А.Б. Ларина, что «именно этот опыт даёт понять российскому правительству, что практика направления отдельных военных специалистов в Персию на настоящем этапе малоэффективна ввиду царящего в Персии беспорядка. Происходит изменение политики российских властей в сторону усиления собственно российского военного присутствия в регионе (речь, видимо, идёт о наращивании военной силы на Кавказе и Каспийском море – О.Г.)»¹³⁵.

О.А. Никонов, характеризуя поездку Н.Ф. Масальского (хотя самого его имени он не упоминал), писал, что Россия проводила по отношению к Ирану политику, сдерживавшую модернизационные порывы части его правящей верхушки¹³⁶. Это, по его мнению, касалось и развития военного дела у южного соседа. «Императорская власть, – писал он, – опасалась (на фоне роста английского влияния на шахский двор) оказывать помощь в строительстве материальной базы, способной в будущем обеспечить создание современного военного производства. В депеше из Петербурга за 1839 г. графу И.О. Симоничу отмечалось, что желая оказать “дружественное расположение” император повелел направить в Иран своих специалистов (речь идёт о миссии Н.Ф. Масальского – О.Г.). Из казённых arsenалов отправили мастеровых лафетного, колёсного, сверлильного и кузнечного дела, под надзором артиллерийского офицера. Однако такая помощь в организации национального производства была ограничена рядом соображений государственного характера. Так, получила отказ просьба шаха направить в Иран специалистов горного дела. Николай I сослался на

¹³⁴ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, 1978. С. 163–164.

¹³⁵ Ларин А.Б. Российско-иранское военное сотрудничество в 30–40-е годы XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7. С. 39.

¹³⁶ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 15.

сложности технологического характера по добыче железной руды и руд других металлов, и их последующей переработки. Император убеждал шаха, что одних мастеровых для организации производства недостаточно, а необходимо иметь горных инженеров и соответствующую технологию для создания замкнутого производственного цикла. В качестве альтернативы канцлер Нессельроде сделал следующее предложение: “Буде же Персидское правительство изъявит желание получать из России чугун, железо и сталь, то оно может быть от нас снабжаемо сими металлами, а, равно, и весьма потребными из оных изделиями”. Императорская власть опасалась (на фоне роста английского влияния на шахский двор) оказывать помощь в строительстве материальной базы, способной в будущем обеспечить создание современного военного производства. В итоге в Иран не были откомандированы не только специалисты военного дела, но и мастеровые гражданской специальности¹³⁷. Автор заблуждался практически во всём. Как видно из архивных материалов, проанализированных А.Б. Лариным, и писем Н.Ф. Масальского, военно-инструкторская миссия всё же была отправлена в Иран, но нормально поработать там так и не смогла не по своей вине и не по «заданию» русского правительства. А через 2 года после её отъезда в Иран была направлена горно-инженерная миссия.

1.2. Поездки российских офицеров в Иран в 1840-х – 1850-х гг.

Не смотря на сворачивание активного военного сотрудничества, русские по-прежнему посещали Иран. Фактически, с начала 1840-х гг. посылка военных из России в Персию стала носить ограниченный характер. Как военный противник армия Персии не представляла серьёзной угрозы. Побывавшие в 1830-х – начале 1840-х гг. офицеры очень критично отзывались о вооружённых силах Ирана при Мохаммад-шахе, оценивая их

¹³⁷ Там же.

как слабого противника. По справедливому замечанию А.Б. Ларина, «иранское войско конца 1830-х гг. ассоциировалось у российских офицеров с хаосом, беспорядком и отсутствием какой-либо дисциплины, организации и боеспособности»¹³⁸. Возможно, поэтому ни военного агента после отзыва И.Ф. Бларамберга не было, ни временных командировок офицеров из России не производилось. Характерно, что военно-статистические описания Персии, изданные в 1846 и в 1868 гг.¹³⁹, были составлены людьми, никогда в этой стране не бывавшими, на основании русских и иностранных источников¹⁴⁰. Среди последних были, конечно, и русские архивные

¹³⁸ Ларин А.Б. Русские офицеры о государстве и армии Ирана шахов Каджаров URL: <http://armflot.ru/geopolitika/238-russkie-ofitsery-o-gosudarstve-i-armii-irana-shakhov-kadzharov?showall=1> (дата обращения: 11.10.2018).

¹³⁹ Изданное в 1853 г. «Статистическое обозрение Персии» И.Ф. Бларамберга было им написано в 1841 г. на основании личных наблюдений, от русских консулов в Персии (в Тебризе и Гиляне), от персидских армян, служащих таможен Бендер-Бушира и Бендер-Аббаса и печатных изданий [Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. С. 1–2].

¹⁴⁰ В частности, наиболее основательное из всех военно-статистических описаний Персии, изданное в 1868 г., было составлено на основе опубликованных материалов русских, английских, французских, немецких, официальных сведений, записок путешественников, работ Императорского русского географического общества, журналов, рукописных источников. Среди невоенных русских путешественников, направлявшихся в Иран через посредство Императорского русского географического общества (на Кавказе существовал Кавказский отдел этого общества, занимавшийся, в том числе, и изучением Персии) был, например, профессор Санкт-петербургского университета Вильям Францевич Диттель. В 1842 г. по ходатайству попечителя Казанского округа он со своим коллегой Ильёй Николаевичем Березиным был направлен в трёхгодичное путешествие по Азии [Русский биографический словарь СПб.: Общественная польза, 1905. Т. 6. С. 413]. Оба они оставили свои записки об этом путешествии, в ходе которого учёные посетили некоторые области Ирана (И.Н. Березин умер от холеры в 1848 г., и его записки были опубликованы посмертно [Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции. Л.: Ленинградский Гублит. Государственная учебно-практическая школа-типография им. тов. Алексеева, 1925. С. 285]) [Березин И.Н. Путешествие по Северной Персии. Казань: Типография губернского правления и университетская, 1852. 347+72 с.; Диттель В.Ф. Очерк путешествия по Востоку с 1842 по 1845 // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1846. Т. 83. № 331. С. 205–238; Т. № 332. С. 295–339]. При осаде Герата присутствовал и занимался оказанием медицинской помощи врач русской Миссии А.Х. Йениш, оставивший об это свои воспоминания [Йениш А.Х. Осада Герата в 1838 году // Военный сборник. 1899. Т. 249. № 10. С. 286–298]. В августе 1838 – апреле 1839 гг. вместе с А.О. Дюгамелем побывал в Иране дипломат и путешественник князь Алексей Дмитриевич Салтыков [Салтыков А.Д. Путешествие в Персию. Письма кн. А.Д. Салтыкова / с портретом Нассер-Эддин-Мирзы, валиата (наследника), ныне шаха Персии. М.: в Университетской типографии, 1849. [4], II, 77 с.]. Сведения также поступали от русских консулов в Иране и других дипломатических представителей России в

материалы, и российские и иностранные открытые источники¹⁴¹. Периодически в официальном издании Военного министерства в разделе «военное обозрение» публиковались известия о персидской армии, полученные из иностранных источников и носившие больше характер слухов¹⁴². На это обращал внимание составлявший обзор преподаватель

Персии [Поездка из Казбина в Буруджир (извлечение из письма второго драгомана императорской Миссии в Тегеране г. Гусева к Н.В. Ханькову) // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1853. Кн. 2. С. 262–268; РГВИА. Ф. 446. Д. 363. Донесение (копия) вр. управляющего Тавризмским генеральным консульством в Азиатский департамент о боевом состоянии войск в провинциях Азербайджана Персидского. 8 сентября 1854 г. 4 л.]. Наиболее известными из них были Александр Леонардович Ходзько, который с 1830 по 1842 гг. был переводчиком, секретарём генерального консула, консулом в Гиляне, Тебризе и Тегеране, и Николай Адрианович Аничков – с 1838 г. генеральный консул в Тебризе, с 1852 г. управляющий русской Миссией в Тегеране, а с 1854 до 1863 гг. – посланник [АКАК. 1878. Т. 8. С. 899–960; 1884. Т. 9. С. 551–578; 909–916; 1885. Т. 11. С. 717–752; 1888. Т. 11. С. 499–462; РГВИА. Ф. 446. Д. 30. Донесение русского генерального консула в Тавризе Аничкова в Министерство иностранных дел о концентрации персидских войск в Салмазе на персидско-турецкой границе. 26 сентября – 24 ноября 1842 г. 10 л.]. В 1840–1841 гг. некоторые области Персии посетил первый секретарь русской Миссии барон Клемент Аугустус Боде, результатом чего стал двухтомный труд о путешествии в Луристан и Арабистан с ещё несколько статей в разных журналах [Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции. Л.: Ленинградский Гублит. Государственная учебно-практическая школа-типография им. тов. Алексеева, 1925. С. 284; Боде К.К. Путевые заметки // Библиотека для чтения. 1854. Т. 123; Боде К.К. Путешествие в Луристан и в Аравистан // Библиотека для чтения. 1854. Т. 126; de Bode C.A.G.P.L. Travels in Luristan and Arabistan. London: J. Madden, 1845. Vol. 1. 466 p.; Vol. 1. 442 p.]. Доносили об армии Персии и посланники в Тегеране, а также их заместители [РГВИА. Ф. 446. Д. 34. Выписка из донесения русского посла в Персии Медема о состоянии вооруженных сил Персии. 22–24 января 1846 г. 4 л.; Ф. 446. Д. 35. Письмо русского посланника в Тегеране Лаговского директору Азиатского департамента Ковалевскому Е.П. о присылке в Персию русских военных агентов и об организации научной экспедиции в г. Герат, г. Кандагар и г. Кабул. 1 ноября 1857 г. 3 л.; Ф. 446. Д. 36. Донесение русского посланника в Тегеране Лаговского министру иностранных дел Горчакову А.М. о пребывании в Персии английских офицеров. 1857 г. 4 л.]. Представители Министерства иностранных дел могли сообщать как напрямую на Кавказ, так и опосредованно – в министерство, откуда сведения передавались в Военное министерство. Однако эти источники давали главным образом сведения географического характера, т.к. составляли их люди гражданские. В консульских донесениях иногда говорилось о вооружённых силах страны, но с точки зрения военных сведения эти имели поверхностный характер.

¹⁴¹ Сосредотачивались сведения по Персии в департаменте Генерального штаба Военного министерства, созданного в 1832 г. и просуществовавшего до 1863 г. [РГВИА. Ф. 446. Д. 15. 3 л.; Д. 32. Опись документов, хранившихся в Генштабе и заключающих в себе сведения о Персии с 1826 по 1841 гг. 54+3 л.].

¹⁴² Военный сборник. 1859. № 10. С. 549–550; Военный сборник. 1859. № 11 URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1840-1860/VS/1859_11.htm (дата обращения: 01.11.2018); Военный сборник. 1861. № 12. С. 569–570.

Императорской военной академии подполковник ГШ Николай Павлович Глиноецкий, который писал «потому, сообщая эти известия о военных преобразованиях в Персии, мы не придаем им особенно важного значения и полагаем даже, что вряд ли они могут способствовать действительному усилению влияния Персии на дела Азии»¹⁴³.

Можно в целом согласиться с мнением А.Б. Ларина, что «итоги Гератского кризиса 1837–1838 гг. были весьма существенны для дальнейшего развития российско-иранских отношений. Этот кризис стал ярким проявлением изменения их характера. Если в первой трети XIX века Иран выступал против России при поддержке Англии, то теперь Россия поддерживает иранскую политику, в то время как Англия стремится воспрепятствовать осуществлению намерений Ирана»¹⁴⁴. Российский военный аналитик и историк А.М. Колобакин, говоря о Гератском походе 1837–1838 гг., небезосновательно отмечал, что «экспедиция эта ... погубила лучшие войска Персии, с того времени уже не поднимавшиеся до той высоты, до которой они были доведены Аббас-мирзой»¹⁴⁵. Дальнейшая история персидского оружия ещё более бесславна»¹⁴⁶. Нельзя не отметить, что поражение шахской армии, фактически координируемой русским офицером, не могло не сказаться на авторитете российских военных представителей. Обороной Герата руководил английский офицер Генри

¹⁴³ Военный сборник, № 12. 1861. С. 570.

¹⁴⁴ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 17.

¹⁴⁵ Аббас-мирза Наиб ос-Солтане – второй сын Фатх Али-шаха Каджара. Был назначен наследником престола. С детства был наместником в Иранском Азербайджане. Пытался реорганизовать иранскую армию по европейскому образцу с помощью английских и французских инструкторов. Руководил управлением внутренней и внешней политики Ирана. Российское и британское посольства располагались при его дворе в Тебризе. Командовал иранскими войсками во время русско-персидской войны 1804–1813 гг., ирано-турецкой войны 1821–1823 гг., и русско-персидской войны 1826–1828 гг. После этого командовал походами против курдов. Умер 25 октября 1833 г. во время похода на Герат за несколько месяцев до смерти отца.

¹⁴⁶ Колобакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армии // СМА. 1884. Вып. 11. С. 42.

Поттинджер¹⁴⁷. И хотя неудача Мохаммед-шаха во многом не зависела от позиции русского консультанта, однако, как свидетельствуют дальнейшие события, поражение от англичан, вкпе с неудачной миссией Я.В. Виткевича в Кабул 1837–1838 гг. и провалом хивинского похода 1839–1840 гг.¹⁴⁸, не могли не оказать косвенного или прямого воздействия на восприятие мощи России персидскими сановниками, в том числе и шахом. В 1839–1843 гг. российские военные специалисты приезжали в Иран по приглашению персидского правительства, но были ориентированы на отстаивание русских интересов, да и работать полноценно на Иран персидская действительность им не позволяла. С 1840 г. до 1870-х гг. российские военные были отстранены от прямого воздействия на вооружённые силы Ирана. Думается, что причины этого лежали как в плоскости внешней политики Российской империи, которая в 1850-х–1860-х гг., смещается в сторону Европы и черноморских проливов, так и в сфере внутривполитических проблем Персии (17 сентября в 1848 г. в Тебризе, а затем 23 октября 1848 г. – в Тегеране на престол взошёл новый шах – Насреддин-шах, начало правления которого было ознаменовано попыткой реформ, бабидским восстанием и внутренней нестабильностью¹⁴⁹). Важным фактором было также личностное отношение. Проводивший военную реформу персидской армии Таги-хан¹⁵⁰ ориентировался не на российские образцы, а на преобразования в османской армии первой трети XIX в. и опосредованно – на австрийскую военную

¹⁴⁷ Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 139.

¹⁴⁸ Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1874. 268 с.; Косырев Е.М. Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8 URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1820-1840/Kosyrev/text.htm> (дата обращения: 01.11.2018); Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. С. 272–293.

¹⁴⁹ Анаркулова Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX века. М.: Наука, 1983. 159 с.; Иванов М.С. Бабидские восстания в Иране (1848–1952). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 176 с.

¹⁵⁰ Мирза Таги-хан Ферахани эмир-низам эмир-е кебир (буквально «тот, кто идёт впереди армии», «великий предводитель») – первый министр Персии в 1848–1851 гг., инициатор серии реформ светского характера.

организацию ¹⁵¹. Вне сомнения, это было обусловлено личными взглядами реформатора. Сказать точно, каково было его отношение к российской военной организации, и почему он отверг её в качестве ориентира, сложно. Отчасти причиной тому было стремление Таги-хана выйти из-под «опеки» Российской и Британской империй ¹⁵². За образец он взял австрийскую армию, пригласив австрийскую военную миссию.

В 1840-х – первой половине 1850-х гг. военные в Иране побывали неоднократно, но в основном – с представительскими функциями. Исключение составила военно-геологическая миссия.

В ноябре 1842 г. по просьбам персидской стороны было принято решение послать «для исследования тамошних руд» инженер-майора Корпуса горных инженеров Николая Ивановича Воскобойникова с 5 нижними чинами Златоустовских заводов: подмастерами Власом Катаевым и Петром Усачёвым, и Пермских – мастеровыми Дмитрием Кольчугиным, Петром Буриловым, а также штейгером или унтер-штейгером Луганского литейного завода ¹⁵³. Иранцам они нужны были для разведки полезных ископаемых, в первую очередь, горной руды для производства артиллерии. У миссии было и другое задание. Необходимым условием регулярного пароходного сообщения на Каспийском море для России было обеспечение пароходов углём. Но доставляемый в Астрахань английский уголь обходился дорого. Для решения этой проблемы правительство стремилось организовать обеспечение пароходов персидским углём. Чтобы обнаружить месторождения каменного угля, в состав вышеупомянутой миссии горного инженер-майора Н.И. Воскобойникова, был включён специалист, опытный в

¹⁵¹ Анаркулова Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX века. М.: Наука, 1983. С. 55–57; Анаркулова Д.М. Реформы Мирзы Таги-хана (1848–1851) их социальное и политическое значение: автореф. Дис. канд.ист. наук. М., 1978. 17 с.

¹⁵² Анаркулова Д.М. К вопросу о деятельности Амир-Кабера в современной иранской историографии // Иран. Экономика. История. Историография. Литература (Сборник статей). М.: Наука, 1976. С. 215; 221.

¹⁵³ АКАК. 1884. Т. 9. С. 577.

разведке угольных месторождений¹⁵⁴. Предполагалось разведать каменноугольные месторождения в прикаспийских провинциях Ирана, не оглашая преждевременно своих намерений относительно использования предполагаемого угля. Прежде всего, предстояло выяснить «есть ли в Персии каменный уголь, какого он достоинства, в какую цену будет обходиться, на каких условиях может быть приобретаем и с кем надлежит постановить сии условия, т.е. с самим Персидским Правительством или с частными лицами». Усилия россиян по обнаружению угля на южном Каспии не пропали втуне, хотя ни для Ирана, ни для России далеко идущих последствий не имели¹⁵⁵. Иранское правительство определило места в Астрабаде, Мазендеране и Гиляне, где Н.И. Воскобойников должен был искать уголь, и снабдило его фирманом (указом), по которому местные власти должны были оказывать инженеру содействие. Правда, на деле содействия он так и не получил, за исключением того, что ему разрешили передвигаться по изучаемому району. Н.И. Воскобойников всё же совершил поездку по Астрабадской и Мазендеранской провинциям, «начиная от Карадахского магала и города Тебриза (Азербайджанской провинции), до границы Хорасанской». Длилась она с 1 марта 1843 года по 18 сентября 1844 года. «На пути следования, – сообщал он, – я старался, сколько дозволяло мне на то свободное от занятий по делам Персии время и самые обстоятельства ознакомиться с геологическим составом страны и, между прочим, собрать, по возможности, коллекции горных пород и других предметов, по части ботаники, зоологии и нумизматики, и вообще, через посредство инструментальной съёмки, точнее определить положение многих мест»¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Воскобойников Н.И. Путешествие по Северной части Персии // Горный журнал. 1846. № 5. С. 171–228.

¹⁵⁵ Детальнее см.: Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 200, 207–208.

¹⁵⁶ Бакал С.Н. Николай Иванович Воскобойников – один из первых коллекторов иранской фауны (из истории орнитологических коллекций зоологического Музея Императорской Академии наук) // Русский орнитологический журнал. 2019. Т. 28. Экспресс-выпуск № 1805. С. 3650–3651.

Он был первым европейцем, посетившим эти места с целью геологических исследований. Н.И. Воскобойникову удалось составить топографическую карту Северного Ирана и дать орографическую характеристику этого региона. Он проследил на всём протяжении (около 900 км) и описал хребет Эльбурс. Офицер верно указал, что это горное сооружение, имеющее форму огромной дуги, выпуклой к югу, смыкается на северо-западе с Талышскими, а на северо-востоке – с Нишапурскими горами¹⁵⁷. К отчёту о своих работах Н.И. Воскобойников приложил петрографическую карту района исследований, на которую нанёс 11 различных типов пород и указал геологический возраст большинства из них. Это была первая геологическая карта Северного Ирана¹⁵⁸.

Остальные поездки имели представительский характер.

¹⁵⁷ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1985. Т. 4. С. 179.

¹⁵⁸ Тихомиров В.В. О региональных исследованиях русских геологов в середине XIX века // Очерки по истории геологических знаний. 1955. Вып. 3. С. 39.

В декабре 1844 г. было учреждено Кавказское наместничество¹⁵⁹. Первым наместником был назначен генерал от инфантерии Михаил Семёнович Воронцов. В начале 1845 г. он отправил в Персию посольство с письмами к шаху и персидским сановникам о своём вступлении в должность. Возглавил его полковник князь Александр Иванович Гагарин, а сопровождали его коллежский ассессор Николай Владимирович Ханьков,

¹⁵⁹ Кавказское наместничество как орган управления Кавказским краем, было впервые создано указом императрицы Екатерины II 5 мая 1785 г. Первое наместничество существовало до декабря 1896 г., когда было заменено генерал-губернаторством. Второе наместничество было учреждено 27 декабря 1844 г. и просуществовало до 22 ноября 1881 г. Возглавлялось оно наместником, которого назначал император. Наместник осуществлял всю полноту гражданской власти (кроме законодательной) и подчинялся непосредственно царю. С 6 декабря 1862 г. до 22 ноября 1881 г. во главе наместничества стоял представитель царской фамилии, брат царя – великий князь Михаил Николаевич. В ходе реформы военно-окружной системы в 1860-х гг. военный министр Д.А. Милютин именно поэтому аккуратно отнёсся к Кавказскому краю, поскольку наместник «пытался противиться распространению окружной системы на Кавказ, ссылаясь на особые условия региона и сложившиеся традиции военного управления в крае» [Безугольный А. Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалёв В.Е. История военно-окружной системы в России, 1862–1918. М.: Литрес, 2002. URL: <http://mreadz.com/read-249082> (дата обращения: 01.11.2018)]. В результате, через 3 года после создания первых военных округов, высочайшим указом от 6 августа 1865 г. были образованы Кавказский, Оренбургский, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа и принято соответствующее дополнение к Положению о военно-окружных управлениях (указ был объявлен приказом военного министра от 10 августа 1865 г.) [Именной указ об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских военных округов от 6 августа 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 40. Отд-е 1-е. Кн. 2-я. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1867. С. 851–874]. Кавказский военный округ получил целый ряд своеобразных привилегий, а брат царя остался не только кавказским наместником, но стал также командующим войсками округа и наказным атаманом всех казачьих войск Кавказа, напрямую подчинённым императору. После ликвидации наместничества в 1881 г. здесь существовала Кавказская администрация во главе с Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе. А 26 февраля 1905 г. вместо неё было создано 3-е наместничество, просуществовавшее до 9 марта 1917 г. [Густерин П. Российская империя и Кавказ. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 64 с.; Кондрашёва А.С. Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003. 319 с.; Малахов Д. А. Наместничество как фактор внутренней и внешней политики России на Северном Кавказе в XVIII – начале XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 30 с.; Малахов Д. А. Наместничество как фактор внутренней и внешней политики России на Северном Кавказе в XVIII – начале XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 220 с.; Сихаджок З.Р. Правовой статус кавказского наместника в законодательстве Российской империи. Дисс. ... канд. юридич. наук. Ставрополь, 2011. 199 с.].

коллежский секретарь князь Семён Михайлович Воронцов, доктор коллежский ассессор Карл Христианович Ноодт и 2 курьера¹⁶⁰.

В сентябре 1848 г. на персидский престол взшёл новый шах – Насреддин. А в декабре 1848 г. из России было послано посольство с поздравлениями от российского императора и личным письмом Николая I новому иранскому монарху. Посольство возглавил генерал-лейтенант от кавалерии Яков Васильевич Шиллинг. С ним были адъютанты нового кавказского наместника генерала от инфантерии Михаила Семёновича Воронцова полковник Юлий Фёдорович Монкевиц (Минкевиц) и штаб-ротмистр князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, доктор Соколов, переводчик Ахундов, есаул Мансурадзе и 6 казаков¹⁶¹. Миссия с успехом выполнила свою задачу и в марте 1849 г. вернулась в Россию¹⁶².

А в феврале 1855 г. уже на российский престол вступил новый император – Александр II. Теперь из России было послано в Персию посольство с извещением об этом событии и письмами к шаху и высшим персидским сановникам. Кавказский наместник Николай Николаевич Муравьёв, которому было поручено доставить письма, выбрал в качестве главы миссии начальника полевого аудитората генерал-майора от кавалерии Алексея Николаевича Брусилова. Для доставления писем о своём вступлении в управление Кавказом¹⁶³ Н.Н. Муравьёв назначил состоявшего при нём гвардии полковника Ивана Алексеевича Бартоломея и своего племянника и адъютанта гвардии подпоручика Александра Семёновича Корсакова¹⁶⁴. К ним были приданы доктор Шнейдер, переводчик штаб-ротмистр Артемий Иванович Юзбашев, хорунжий Зерндзе и 7 казаков из собственного конвоя, а чуть позже – директор канцелярии наместника титулярный советник Адольф

¹⁶⁰ АКАК. 1888. Т. 11. С. 533. А.И. Гагарин оставил в результате этой поездки описание персидского Курдистана [Гагарин А. Персидский Курдистан // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1852. Кн. 1. С. 256–260].

¹⁶¹ АКАК. 1885. Т. 10 С. 726; АКАК. 1888. Т. 11. С. 533.

¹⁶² Там же. С. 725–726.

¹⁶³ Н.Н. Муравьёв сменил на посту кавказского наместника Николая Андреевича Реада 29 ноября 1854 г.

¹⁶⁴ АКАК. 1888. Т. 11. С. 552.

Петрович Берже¹⁶⁵. Во всех указанных случаях миссии возили с собой и подарки шаху и его сановникам в Тебризе и Тегеране. Миссия выехала из Тифлиса в апреле 1855 г., посетили Тебриз и Тегеран, где были с почестями приняты губернатором Тебриза и шахом соответственно. 5 июля члены миссии сделали прощальные визиты шаху и персидским сановникам, и с ответными письмами и подарками 9 июля отправились в Россию, а в августе прибыли в Тифлис¹⁶⁶.

В феврале–мае 1857 г. Иран снова посетила представительская миссия. Отправил её новый кавказский наместник, назначенный 26 июля 1856 г., генерал от инфантерии князь Александр Иванович Барятинский. Цель миссии – отвезти шаху письмо и подарки с сообщением о вступлении А.И. Барятинского в должность, а также с пожеланием урегулировать пограничные вопросы¹⁶⁷. Во главе миссии был поставлен состоявший по армейской пехоте генерал-майор князь Лев (Леван) Иванович Меликов, а сопровождали его адъютанты князя корнет лейб-гвардии конного полка граф Аркадий Александрович Италийский, князь Суворов-Рымникский и майор Владимир Александрович Давыдов, а также несколько других офицеров и чиновников. Действовала она по схеме предыдущих: посетила Тебриз, где была принята высшими лицами азербайджанской администрации, потом Тегеран, где имела аудиенцию у шаха и высших сановников. В обоих случаях вручены были письма и подарки. Обратная миссия привезла письмо от шаха к кавказскому наместнику¹⁶⁸.

Наконец, в августе 1859 г. в Персию был направлен управляющий Мингрелией генерал-майор Михаил Петрович Колубакин. Он был командирован для приветствия Насреддин-шаха по случаю посещения им

¹⁶⁵ Там же. С. 553.

¹⁶⁶ Там же. С. 552–559.

¹⁶⁷ АКАК. 1904. Т. 12. С. 586–587.

¹⁶⁸ Там же. С. 586–588.

Азербайджана. Генерал посетил Тебриз, где имел аудиенции у правителя Азербайджана, шаха, и встречался с высшими персидскими сановниками ¹⁶⁹.

Кроме указанных поездок русских военных в 1840-х – 1850-х гг. в Персию с 1848 г. здесь работала группа офицеров и топографов на постоянной основе. Организована она была в связи с ирано-османским разграничением. Переговоры велись в Эрзеруме. Российскую сторону представлял комиссар-посредник, служивший по ГШ в Главном штабе Отдельного кавказского корпуса полковник ГШ Осип Франкович Дайнези (Иосиф Францевич Дайнезе) ¹⁷⁰. 2 июня 1847 года договор был подписан представителями Ирана и Турции, а российский и британский представители выступили в качестве его гарантов. На основании договора была создана демаркационная комиссия из представителей четырёх государств. Комиссия начала работу в ноябре 1848 г. и закончила её в 1852 г. Российским комиссаром был назначен полковник (позже – генерал-майор) ГШ Егор Иванович Чириков. Ему помогали: надворный советник Матвей Авелевич Гамазов – секретарь и переводчик, штабс-капитан (со временем – подполковник) Корпуса военных топографов Яков Степанович Проскуряков, поручик (затем – штабс-капитан) Корпуса военных топографов Пётр Фёдорович Цикорев (Цикарев), прапорщик Корпуса военных топографов Иван Алексеевич Огранович ¹⁷¹. Деятельность комиссии хорошо изложена в историографии и источниках ¹⁷². Результатом её стали карты ирано-турецкой

¹⁶⁹ Там же. С. 607–609.

¹⁷⁰ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 277; Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И.Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1875. Т. 9. С. XXI.

¹⁷¹ Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И.Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1875. Т. 9. С. XXI. С. XXIII. После окончания работы комиссии, для обработки материалов привлекались другие офицеры и рядовые Корпуса военных топографов [ЗВТД 1860. Ч. 21. Отд. 1. С. 7].

¹⁷² Асланов Р.Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1983. С. 71–110; Гамазов М.А. Плавание по Тигру и Шатт-эль-Арабу URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/persien.html> (дата обращения: 11.09.2018); Записки военно-топографического депо Главного штаба (с 1864 г. по 1865 г. (ч. 25–26) —

границы, планы городов, военно-маршрутные съёмки и «Описание турецко-персидской границы»¹⁷³. Систематизация материалов была закончена только в 1864 г.¹⁷⁴. Характерно, что работы по Персии, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, делали, главным образом, приезжавшие из Петербурга офицеры и рядовые Корпуса военных топографов, а также

«Записки Военно-топографической части Главного управления Генерального штаба», а с 1866 г. (ч. 27) – «Записки Военно-топографического отдела Главного штаба»). 1855. Ч. 17. Отд. 1. С. 14; 1957. Ч. 19. Отд. 1. С. 7–8; 1858. Ч. 20. Отд. 1. С. 9–10; 1860. Ч. 21. Отд. 1. С. 7; 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 11; 1862. Ч. 23. Отд. 1. С. 9–10; 1863. Ч. 24. Отд. 1. С. 11; 1866. Ч. 27. Отд. 1. С. 19; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 225–230; Минорский В.Ф. Турецко-персидское разграничение. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. 42 с.; Хуршид-эфенди М. Сияхэт-Намэ-И-Худуд. Описание путешествия по Турецко-Персидской границе. Составил Хуршид-Эфенди, бывший секретарь турецкого комиссара по разграничению между Турцией и Персией. С приложением отчета Персидского комиссара о том же путешествии. Пер. М.А. Гамазова. СПб. Тип. О.И. Бакста, 1877. 9+8,+575 с.; Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И.Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1875. Т. 9. 101+803 с.; Sabri Ateş, Ottoman-Iranian Borderlands: Making a Boundary, 1843–1914. New York: Cambridge University Press, 2013. P. 139–186.

¹⁷³ РГВИА. Ф. 446. Д. 92. Описание турецко-персидской границы. 1857 г. 68 л.; Д. 129. План г. Бендер-Бушер с описанием. Сост. штабе-капитан корпуса топографов Проскуряков. 1850 г. 1 л.; Д. 130. План г. Буруджирда с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и прапорщика Ограновича. Черт. Бакунов. 1850. 1 л.; Д. 131. План г. Гамадана с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и прапорщика Ограновича. Черт. Большов. 1850 г. 1 л.; Д. 132. План г. Польпагайна с описанием. Съёмка капитана Проскурякова и прапорщика Ограновича. Черт. Байков. 1850 г. 1 л.; Д. 133. План г. Дисфуля с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и поручика Ограновича. Черт. прапорщик Егоров. 1850 г. 1 л.; Д. 136. План г. Исфгани с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и поручика Ограновича. Черт. поручики Большов и Бакунов. 1851 г. 1 л.; Д. 137. План г. Керманшаха с описанием. Съёмка капитана Проскурякова и прапорщика Ограновича. Черт. Большов. 1850 г. 1 л.; Д. 144. План г. Сенна (Сеннендич) с описанием. Съёмка прапорщика Ограновича. Черт. Бакунов. 1851. 1 л.; Д. 145. План развалин г. Сузы. Черт. прапорщик Васильев. 1850 г. 1 л.; Д. 146. План г. Султан-Абада с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и прапорщика Ограновича. Черт. Бакунов. 1851 г. 1 л.; Д. 153. Военно-топографическое описание г. Тегерана и его окрестностей. Сост. капитан корпуса топографов Цикарев. Середина XIX в. 14 л.; Д. 158. План г. Хуррремабада с описанием. Сост. подполковник Проскуряков. Черт. прапорщик Байков. 1850 г. 1 л.; Д. 159. Байков. План г. Шираза. 1850 г. 1 л.; Д. 161. План г. Шустера с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и поручика Ограновича. Черт. прапорщик Байков. 1850 г. 1 л.; Д. 305. Описание маршрута Алеппо-Тавриз; Кирман-Исфган. 1850 г. 2 л.; Д. 306. Описание маршрута Александретта-Исфган через г. Гамадан. 1850 г. 4 л.; Д. 364. Карта острова Джезире Гобан у реки Карун в Хузистане с обозначением мест кочевья арабов племени чааб. Рис. прапорщик Байков. Подп. генерал-майор Чириков. 1 л.

¹⁷⁴ ЗВТО. 1866. Ч. 27. С. 19.

прикомандированные к нему. В Отдельном кавказском корпусе сначала при штабе состояли офицеры и топографы, которыми руководил оберквартирмейстер. После преобразования 6 декабря 1857 г. корпуса в Кавказскую армию при командующем её был создан Главный штаб. В его составе организован Военно-топографический отдел, начальник которого руководил работами своих подчинённых. В 1865 г. был образован Кавказский военный округ, в составе штаба которого находился Военно-топографический отдел. Однако до 1870-х гг. его офицеры и топографы изучали преимущественно территорию Кавказа и пограничные районы с Османской империей и Персией. Для составления карт ими использовались копии с маршрутов и съёмок по Персии, доставленными из Петербурга, Главного штаба ¹⁷⁵.

1.3. Миссия А.С. Санковского

В ходе Крымской войны (Восточной войны) 1853–1856 гг. ¹⁷⁶ среди российских чиновников Министерства иностранных дел и Кавказского наместничества впервые в XIX в. возникла идея привлечь Иран на свою сторону, чтобы отвлечь часть османских сил ¹⁷⁷. Шахское правительство само

¹⁷⁵ ЗВТД. 1870. Ч. 31. Отд. 1. С. 11. Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И.Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1875. Т. 9. С. IX; РГВИА.Ф. 446. Д. 345. Карта Астрабадского залива. Сост. Подпоручик Комаров. 1852 г. 1 л.

¹⁷⁶ Так же «Восточная война» [Кривопапов А. Крестовый поход Неистового Орландо Figes O. Crimea. The last Crusade. L., 2011 // Русский Сборник: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2015. Т. 18. С. 234–296; Толстой С.Г. Отечественная историография Крымской войны, вторая половина XIX – первая половина XX в. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2002. 272 с.]

¹⁷⁷ С ходом русско-иранских переговоров и изменениями в позициях сторон можно ознакомиться в: Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 745–752; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 221–244.

в июне 1853 г. выдвинуло предложение о союзе против Стамбула. Однако изначально наметилась разница в понимании сотрудничества, сыгравшая решающую роль в том, что военного союза не получилось. Персы (прежде всего в лице садразама (садр-и-азама, садр-е азама) мирзы Ага-хана Нури Эттемад од-Доуле ¹⁷⁸, сумевшего убедить в своём мнении Насреддин-шаха) настаивали на подписании союзного договора на определённых условиях. Российская же сторона не была заинтересована в чёткой фиксации своих обязательств. Объяснялось это как неудовлетворительным состоянием иранской армии, так и надеждами Николая I решить разгоравшийся конфликт с Османской империей без крупномасштабной войны. Поэтому Министерство иностранных дел России настаивало не на полноценном союзе, а на диверсии со стороны иранской армии на турецкие территории, обещая простить остаток долга по Туркманчайскому договору 1828 г. ¹⁷⁹ и учесть интересы Тегерана при заключении мира.

Насреддин-шах являлся сторонником военного содействия России и, в принципе, на первых порах соглашался с российскими условиями. Было достигнуто соглашение, что персидские войска в числе 60 000 человек (позже их численность была сокращена до 40 000), двинутся к Хою. При этом посланник России действительный статский советник Дмитрий Иванович Долгоруков озвучил условие, что «никакое наступательное действие не будет предпринято без предварительного соглашения с

¹⁷⁸ В различных публикациях встречается неверное написание Ага Нури-хан. Вторую часть его имени составлял титул, пожалованный шахом. «Все сановники Персии получают, помимо других наград, личные титулы по усмотрению шаха в роде «стрелы, меча, отваги, надежды государства» и т. п., и в общежитии эти прозвища почти устраняют употребление собственных имен», – отмечал М. Алиханов-Аварский [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 26].

¹⁷⁹ Туркманчайский трактат, подписанный 10 февраля 1828 г., подвёл итоги русско-персидской войны 1826–1828 гг. [Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном. 10 февраля 1828 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/turkman.htm> (дата обращения: 11.09.2018)]. Помимо всего прочего, на Персию, согласно его текста, налагалась контрибуция в 10 куруров туманов (20 000 000 рублей серебром), которую Тегеран до начала 1850-х гг. ещё не выплатил.

главнокомандующим императорскими войсками (на Кавказе – О.Г.)»¹⁸⁰. В октябре 1853 г., по желанию персидской стороны, Петербургом на Михаила Семёновича Воронцова была возложена задача подобрать нескольких опытных офицеров «для лучшего руководства стратегических движений» иранского корпуса и отправить их в Иран¹⁸¹.

К началу ноября 1853 г. военная миссия была сформирована. Возглавил её генерал-майор Корпуса инженеров путей сообщения А.С. Санковский. Это был опытный офицер, служивший на Кавказе с 1826 г., участвовавший в русско-персидской 1826–1828 гг. и русско-турецкой 1828–1829 гг. войнах¹⁸². В помощь ему были назначены гвардии полковник Иван Алексеевич Бартоломей и подполковник ГШ Петр Карлович Услар. В качестве переводчика и «для облегчения ... сношения с местными властями» в составе миссии был включён статский советник Николай

¹⁸⁰ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 746.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Андрей Степанович Санковский (?–1859) – сын Феодосийского градоначальника С. А. Санковского. Происходил из дворян Полтавской губернии, службу начал в 1814 г. в полиции коллежским регистратором, в 1815 г. получил чин губернского секретаря, а в 1818 г. – коллежского секретаря. В 1820 г. подал прошение об увольнении его с гражданской службы и зачислении на военную. Это прошение было удовлетворено и в том же году А. С. Санковский был принят юнкером в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду. В 1821 г. произведён в прапорщики и в 1824 г. – в подпоручики. В 1826 г. А. С. Санковский получил чин поручика и был переведён в 1-ю батареиную роту Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, в рядах которой принял участие в войне против Персии. Сражался при Шамхоре, Гяндже, Аббас-Абаде, Сардар-Абаде и Эривани. В 1827 г. за отличие был произведён в штабс-капитаны. 25 января 1828 г. ему была пожалована золотая шпага с надписью «За храбрость». Вслед за тем А. С. Санковский принял участие в кампании против турок, был в делах под Карсом, Ахалкалаками, Ахалцыхе, Катанлы, Милли-дюзе, Эрзеруме и Харте. За отличия во время войны в 1829 г. получил чины капитана и подполковника. По окончании военных действий в Закавказье А.С. Санковский продолжал службу в Кавказской гренадерской артиллерийской бригаде и неоднократно принимал участие в походах против горцев. В 1834 г. он был назначен состоять по артиллерии без должности, с 1837 г. переведён в Корпус инженеров путей сообщения и отчислен в распоряжение командира Отдельного Кавказского корпуса для особых поручений, в 1838 г. произведён в полковники. 26 ноября 1850 г. А. С. Санковский за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах был награждён орденом св. Георгия 4-й степени. Скончался 4 сентября 1859 г. в чине генерал-майора [Санковский Андрей Степанович URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Санковский,_Андрей_Степанович (дата обращения: 11.09.2018)].

Владимирович Ханыков¹⁸³. Целью русских военных было обеспечение руководства персидским отрядом и координации его действий с корпусом российских войск, специально выделенным для действий на турецкой границе, которым командовал генерал-майор князь Василий Осипович Бебутов. Помимо этого, в задачи главы военной миссии входило решение «курдского вопроса». Дело в том, что курдские племена, жившие как в Османской империи, так и в Персии, рассматривались российским командованием как реальная военная угроза. Власть правительств указанных держав над ними была номинальной. Однако сложные взаимоотношения с правительствами Ирана и Турции при определённом подходе могли превратить их и в друзей, и во врагов России¹⁸⁴. Английский и турецкий консулы в Тебризе развернули активную пропагандистскую деятельность среди персидских курдов, направленную против России. Возглавил её шейх Салех, поселившийся на персидской территории. Петербург выдвинул Персии требование ареста шейха и «усмирения войсками подвластных ей курдов»¹⁸⁵. Имперских представителей волновала, прежде всего, безопасность русско-турецкой и русско-персидской границ, для чего необходимо было военное содействие Ирана в виде демонстрации войсками и контроля над курдами. Выполнение этой задачи также должен был контролировать А.С. Санковский.

9 ноября военная миссия двинулась из русских пределов в Тебриз. Однако в 20-х числах ноября последовало распоряжение М.С. Воронцова генерал-майору «остановиться впредь до других наставлений в дороге под

¹⁸³ Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. С. 96–97.

¹⁸⁴ Детальнее о борьбе за курдов и об их роли в Крымской войне см.: Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900. С. 80–143; Халфин Н.А., Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 68–81.

¹⁸⁵ Асланов Р.Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Баку: Б. м., 1983. С. 96.

каким-либо предложением»¹⁸⁶. Связано это было с изменением позиции персидского правительства. В литературе прочно утвердилось мнение, что каджарский двор в ходе войны колебался то в одну, то в другую сторону, «неволью запутывая всех, кому приходилось в то время иметь» с ним дело¹⁸⁷. На наш взгляд, оно абсолютно неверно. Детальное доказательство нашей позиции требует отдельной статьи. Здесь же остановимся на наиболее важных аргументах.

Указанное представление об иранской политике основывалось исключительно на донесениях российских агентов. Они исходили из интересов России и, естественно игнорировали наличие таковых у шахского правительства. В ходе русско-иранских переговоров и консультаций июля–ноября 1853 г. чётко выявились три позиции. Российская, заключалась в использовании Ирана для безопасности собственной границы с османской стороны и диверсии для отвлечения части турецких войск, но без заключения обязующих документов. Иранское правительство изначально предлагало военный союз, оформленный в виде международного договора. Когда оказалось, что Петербург не собирается его подписывать, в Тегеране взгляды разделились. Молодой Насреддин-шах, которого русские фактически закрепили на престоле в 1848 г. и который имел приятные отношения к Николаю I, был, видимо, искренне (по неопытности, или исходя из личных чувств, которые он испытывал к российскому императору) настроен на помощь России даже без её документального оформления. Его вполне устраивало письменное обещание императора учесть интересы Персии при подписании мирного трактата с Османской империей. Однако шахский первый министр Ага-хан Нури был намного опытнее и дальновиднее своего

¹⁸⁶ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 747.

¹⁸⁷ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 228. В разной степени эту позицию разделяли и советские и российские авторы [Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. С. 232–251; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 235].

повелителя. Держа в своих руках внешнюю политику Ирана, он «раскусил» игру русских. Не понятно, по каким причинам в историографии закрепились точка зрения, что империя Романовых была заинтересована в военном союзе с шахским двором, а тот не хотел связываться с такими обязательствами¹⁸⁸. На самом деле, всё было в точности до наоборот. Именно это стало неудачей военной миссии А.С. Санковского и политики Петербурга относительно каджарской державы в 1853 г. в целом. Посланник в Тегеране Д.И. Долгорукий, обвиняя персов в лживости и двуличии, жаловался, что от него «требуют полного и письменного согласия на все условия программы», предложенной персидским двором 25 июля¹⁸⁹. Однако документы свидетельствуют, что изначально политика России сводилась к тому, чтобы, лавируя и обнадеживая, подтолкнуть персов к военному содействию без военного союза – движениям против Турции, но без конкретных обязательств с российской стороны. В инструкции посланнику от 6 октября 1853 г. руководитель российского Министерства иностранных дел (а фактически – император, поскольку именно он определял политику России, а министр просто был передаточным звеном) К.В. Нессельроде рекомендовал «благодарить шаха от имени государя за дружеские предложения, избегая, впрочем, всякого положительного отзыва насчёт высказанных условий так, чтобы ответ его не был принят ни за обещание, связывающее нас, ни за оскорбительный отказ». Д.И. Долгорукову поручалось возобновить переговоры и, «не касаясь мысли о заключении оборонительного и наступательного трактата, предложить, что мы, взамен военной диверсии,

¹⁸⁸ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 227; Ибрагимбеيلي Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. С. 232–251; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 235.

¹⁸⁹ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 747.

которая будет сделана для нас со стороны Персии, отказываемся от должного нам остатка курура туманов»¹⁹⁰.

В результате жёсткой позиции садразама¹⁹¹, который сумел убедить Насреддин-шаха, персы стали требовать письменного договора и изменения направления действий иранской армии с русско-турецкой границы на более выгодный для Ирана район Багдада. Здесь находились шиитские святыни и за которые долгое время велась борьба между Тегераном и Стамбулом. В России и лично императором такое поведение было воспринято как нарушение шахом своего слова¹⁹². Распоряжением М.С. Воронцова русская военная миссия была остановлена в Эривани. Здесь она оставалась в течение дальнейших переговоров между сторонами. В российском правительстве (или непосредственно у императора) с декабря 1853 г. возобладала мысль о том, чтобы добиваться нейтралитета Персии¹⁹³. Как ни парадоксально, она

¹⁹⁰ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 746.

¹⁹¹ В литературе существует мнение, что Ага-хан Нури был подкуплен англичанами и вообще являлся англофилом (оно негласно проходит через всю «Записку...») [Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 745–752] и, видимо, повлияло на отношение учёных: например, [Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. С. 175–176]. Однако мнение это высказано без приведения доказательств, а подтверждений этого утверждения в источниках и литературе не содержится. Скорее всего, первый министр шаха действовал из государственных интересов, поскольку война с Турцией без фиксированного союза с Россией могла повлечь вмешательство Англии. С ней у Ирана были чрезвычайно натянутые отношения из-за Герата [Ахмеджанов Г. А. Английская экспансия на Среднем Востоке и Гератский вопрос в 40–50 гг. XIX в. // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. 1960. Вып. 152. Кн. 33: Некоторые вопросы международных отношений на Востоке. С. 39–62; Ахмеджанов Г.А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент: Фан, 1971. 131 с.; Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 249 с.]. К тому же с октября 1852 г. между государствами были разорваны дипломатические отношения [Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 43].

¹⁹² Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 747. Исходя из особенностей личности Николая I [См.: Выскочков Л. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с.] можно не сомневаться, что он действительно рассматривал изменение позиции Насреддин-шаха, как личное оскорбление и несоблюдение данных обязательств. Подтверждением этого может служить то, что император потребовал возвращения своего письма, в котором он обещал шаху «не забыть» Персию в случае подписания мирного договора.

¹⁹³ Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 236.

полностью совпадала с желаниями части правящих кругов Англии¹⁹⁴. И в Петербурге, и в Лондоне опасались, что Иран окажется на противоположной им стороне, но, осознавая его военную слабость, не считали возможным привлекать Тегеран к полноценному союзу.

В результате, 6 января 1854 г. Иран провозгласил нейтралитет относительно разгоравшейся Крымской войны¹⁹⁵. Это был шаг, призванный успокоить англо-индийские власти¹⁹⁶. В конце 1853 – начале 1854 гг. англо-иранские отношения обострились из-за ситуации вокруг Герата. Лондонское правительство даже хотело оккупировать остров Харак в Персидском заливе¹⁹⁷. Провозглашение нейтралитета ослабило накал страстей. На тот момент такой исход устроил все стороны. Военная миссия, находившаяся в Нахичевани, была отозвана, а Н.В. Ханьков назначен временно

¹⁹⁴ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 498.

¹⁹⁵ Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 51. А.Б. Ларин указывал дату 14 января [Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. С. 237]. Но в тексте, на который он ссылался, этим числом датирована депеша Д.И. Долгорукова, где тот сообщал об объявлении нейтралитета, как состоявшемся событии. «Персидское правительство, – писал посланник, – ... решилось, однако же, объявить и опубликовать в официальной газете свой строгий нейтралитет» [Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 748]. К сожалению, на фоне громадного количества неточностей в специальной литературе относительно вопроса о русско-иранских отношениях в 1853–1854 гг., любая дата и событие, изложенные историками, нуждаются в проверке. На их фоне исследование П.П. Бушева выполненное на высоком научном уровне, заслуживает большего доверия.

¹⁹⁶ В историографии существует мнение, что «шах был скорее склонен к сотрудничеству с англичанами, французами и турками против русских, чтобы пересмотреть унижительные условия Туркманчайского мира ... пытался создать альянс с британцами с целью вернуть Ирану потерянные кавказские земли из-под власти России» [Kaveh Farrokhi. Iran at War 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. P. 209–210]. Однако источниками оно не подтверждается. Возможно, в окружении Насреддина и имелись сторонники таких взглядов. В частности, русские обвиняли в этом садразама. Но в действительности главными векторами внешней политики персидского правительства на тот момент являлись османский и гератский. С Россией же оно бороться не собиралось.

¹⁹⁷ Детальнее см.: Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 50–51. Как верно отмечал современный исследователь, «основными целями Великобритании считались: недопущение иранского шаха в Гератское ханство, и превращение Хорасана в плацдарм для экспансии в Среднюю Азию [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 46]. Как показали события последующих десятилетий, первую задачу ей решить удалось, а вторую нет.

исправляющим должность русского консула в Тебризе. Здесь он сменил Н.А. Аничкова, который, в свою очередь, был определён поверенным в делах в Тегеран вместо Д.И. Долгорукова¹⁹⁸.

Одновременно с провозглашением нейтралитета, иранское правительство тайно предложило России возобновить переговоры о союзе¹⁹⁹. Тегеран был заинтересован в поддержке империи Романовых в возможном конфликте с Великобританией, тем более, что шахское правительство лелеяло планы экспансии, как против Османской империи, так и против Герата. Царское правительство приняло приглашение в начале марта 1854 г. Связано это было со вступлением в войну Англии и Франции и опасности, угрожавшей российским владениям на Кавказе со стороны Чёрного моря²⁰⁰. Теперь заинтересованность в Иране проявила Россия и речь шла уже о подписании трактата или конвенции о союзе. Несмотря на переговоры о возможном союзе, основной целью императорского правительства было достижение от Тегерана диверсий против османской армии, или, на худой конец, благожелательного нейтралитета²⁰¹. Подтверждением важности позиции Персии для Петербурга стала смена в конце апреля посланника Д.И. Долгорукова, поссорившегося с садразамом, на поверенного в делах Н.А. Аничкова. Тот долгое время служил консулом в Тебризе и имел хорошие отношения как с шахом, так и с его первым министром²⁰². В рамках

¹⁹⁸ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 748; Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханьков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. С. 98–99.

¹⁹⁹ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 748.

²⁰⁰ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 187–220.

²⁰¹ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 750.

²⁰² Н.А. Аничков с 1838 г. находился в Тебризе при наследнике шахского престола в качестве русского консула и имел постоянный контакт с Насреддин-мирзой и его окружением. Он также сыграл ведущую роль в воцарении Насреддина, который хотя и был утверждён Туркманчайским договором наследником престола, но в действительности мог его и не получить. После смерти в 1848 г. Мухаммед-шаха «дали тотчас знать в Тавриз русскому консулу Аничкову, – писал Мисль-Рустем, – чтобы он немедленно доставил Насреддина в Тегеран для возведения на освободившийся престол из опасения,

указанных переговоров весной 1854 г. исполнявшему с марта должность командующего Отдельным кавказским корпусом генералу Николаю Андреевичу Реаду российским Министерством иностранных дел были даны полномочия на подписание конвенции с персами. В случае соглашения и выдвижения иранских войск против Османской империи, было рекомендовано послать упоминавшихся русских офицеров в персидский лагерь для руководства ими и координации действий с российскими частями²⁰³.

Тем не менее, союз так и не состоялся. Причинами этого были несоответствия условий, выдвигавшихся шахским и царским дворами друг к другу, успехи российских войск на Кавказе в июне–июле 1854 гг. и позиция кавказского начальства, считавшего Персию слабым союзником. В июне 1854 г. по поручению императора Николая I канцлер Российской империи и министр иностранных дел К.В. Нессельроде сообщил Н.А. Реаду и Н.А. Аничкову новую инструкцию относительно переговоров с Ираном. Ею предписывалось добиваться от Тегерана благожелательного нейтралитета, «имея в виду отвлечь» его «от соединения с нашими соперниками»²⁰⁴. Завершились переговоры заключением 29 сентября 1854 г. между Россией и Персией тайной конвенции о дружественном нейтралитете Ирана²⁰⁵.

чтобы дядя Насреддина не воцарился раньше. Русский консул ... немедленно разбудил Насреддина ночью, поздравил его шахом и предложил немедленно с ним ехать в Тегеран для воцарения» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 65]. Поскольку у наследника не было денег для поездки, Н.А. Аничков добился у греческих и персидских купцов ссуды для оплаты проезда нового шаха в Тегеран и его коронации [Алиев А. Иран vs Ирак. История и современность. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. С. 480]. Насреддин получил, таким образом, заём, вовремя приехал в столицу и был провозглашён шахом. По свидетельству Мисль-Рустема, расписка о получении денег в 1880-х гг. оставалась непоплаченной и сохранялась в русской дипломатической Миссии [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 65–66]. Естественно, такая поддержка со стороны консула и русской стороны вообще не осталась без последствий.

²⁰³ Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 750.

²⁰⁴ Там же. С. 751.

²⁰⁵ Там же. С. 752; В томе 11 [АКАК. 1888. Т. 11. С. 499] указывается дата 27 сентября, а в других источниках – 29.

Вопреки распространённому в историографии мнению о том, что уже в декабре Насреддин-шах «высказал Петербургу сожаление о том, что поспешил подписать этот документ»²⁰⁶, и даже чуть ли не разорвал её²⁰⁷, данная конвенция соблюдалась Ираном до конца Крымской войны²⁰⁸.

Таким образом, утверждение, что «в этот период Иран пользовался военной помощью России. Прежде всего, эта помощь выразилась в присылке в Тегеран русских офицеров для организации и подготовки войск к войне с Турцией»²⁰⁹ не соответствует действительности. Военная миссия из империи Романовых так и не достигла персидской армии, а уж тем более не занималась её обучением и руководством. И всё же в одном А.С. Санковский преуспел. В ноябре 1853 г. шейх Салех был выслан из Персии, а «для надзора за персидскими курдами на границе с Турцией были выставлены персидские войска»²¹⁰.

Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. сильно ослабило позиции империи не только в Европе. В то же время, английский престиж в результате победной англо-иранской войны 1856–1857 гг. возрос²¹¹. Как

²⁰⁶ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 228.

²⁰⁷ Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. С. 242–243.

²⁰⁸ Версия о разрыве конвенции основана на неправильном прочтении документов, опубликованных Кавказской археографической комиссией. «Записка...», на которую ссылаются её сторонники, была подготовлена генерал-лейтенантом В.О. Бебутовым для нового кавказского наместника и главнокомандующего Николай Николаевич. Муравьёва в октябре 1855 г. [АКАК. 1888. Т. 11. С. 543]. В конце её имеется приписка: «конвенция эта была ратификована обеими державами и доселе на точное наблюдение оной жалоб не возникало» [Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // АКАК. 1885. Т. 10. С. 752].

²⁰⁹ Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. С. 248.

²¹⁰ Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900. С. 83.

²¹¹ Из Великобритании даже планировалась посылка военных инструкторов в иранскую армию [РГВИА. Ф. 446. Д. 36. 4 л.], однако в силу активного противодействия российской Миссии, которую в тот момент временно возглавлял А.Е. Лаговский, она не состоялась.

свидетельствует исследование Н.Е. Абловой, во время англо-иранской войны 1856–1857 гг. Россия фактически оказалась под угрозой потери влияния в Иране²¹². Сохранить его удалось только большим напряжением сил русских дипломатов – Николая Андриановича Аничкова, Александра Ефимовича Лаговского²¹³. В отчёте Министерства иностранных дел за 1856 г. указывалось, что «Персия сохраняет свою самостоятельность, уничтожение которой усилило бы Англию и было бы крайне опасно для наших азиатских владений»²¹⁴. Здесь была сжато выражена основная цель империи Романовых относительно южного соседа в рассматриваемое время. «Это слабая держава, – констатировалось в том же документе, – не может быть нам ни надёжной союзницею, ни опасным врагом. Но её независимость охраняет нас от сближения с владениями Англии и от столкновения с этою державой; благоустройство Персии служит залогом успехов нашей торговли с нею, а с её внутренним спокойствием связано и спокойствие нашей границы»²¹⁵. Таким образом, российское правительство желало сохранить Иран как буфер между двумя великими державами, не допуская здесь усиления британского влияния. Это было актуальным в силу того, что в среде британских политиков периода Крымской войны и первых лет после неё преобладали взгляды, подобные выраженным Чарльзом Вудом. Он ясно высказался в декабре 1853 г. по поводу будущих целей английской политики относительно Каджарской монархии: «избавить Персию от русской хватки и

²¹² Аблова Н.Е. Русско-иранские отношения в годы англо-иранской войны (1856–1857) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1982. № 2. С. 43–52.

²¹³ Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 29–88; Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 42. Вопреки утверждению западных учёных [Ру Ж.-П. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней. СПб.: Евразия, 2012. С. 327; The Cambridge History of Iran. From Nadir shah to the islamic republic. Cambridge University Press, 1991. Vol. 7. P. 394], Россия не подталкивала шаха к походу на Герат, а напротив, противилась этому [Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 63–64].

²¹⁴ Аблова Н.Е. Русско-иранские отношения в годы англо-иранской войны (1856–1857) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1982. № 2. С. 52.

²¹⁵ Там же. С. 44.

пресечь в зародыше все её (России – О.Г.) замыслы в Азии»²¹⁶. Именно поэтому Петербург активно поддержал Тегеран в его переговорах, завершавших войну с Англией. Не смотря на в целом неудачный их исход для России и Персии, последней удалось сохранить независимость в результате подписания Парижского мира 1857 г.²¹⁷.

Тем не менее, определённую опасность для России в случае войны с Турцией Каджарская монархия представляла. «Сколь не мало опасен для нас отряд необученного войска, – писал наместнику на Кавказе М.С. Воронцову русский консул в Тебризе Николай Адрианович Аничков, – но всё же по неизвестности намерений персидского правительства и опасению вероломства с его стороны оно может заставить нас отвлечь на здешнюю границу часть наших сил, действующих против Турции»²¹⁸. Отношение России к Ирану обуславливалось также его стратегическим положением. Как отмечал советский историк А. Попов, «всё богатое историческое прошлое Персии ... определялось, в конечном счёте, её географическим положением в центре соединения трёх континентов, той ролью проходной дороги, которую она играла по отношению к передвижению народов различных рас, направлявшихся с востока на запад»²¹⁹. С постепенным расширением империи Романовых в Азии указанный фактор превращался в один из важнейших. Через Иран можно было быстрее всего достичь Персидского залива и Британской Индии²²⁰. С другой стороны, Иран как союзник Великобритании мог существенно осложнить положение на южных границах империи Романовых. Возможно, именно поэтому среди российских

²¹⁶ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. С. 189.

²¹⁷ Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 249 с.; Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе. В 16–19 вв. М.: Наука, 1982. 190 с.

²¹⁸ Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. Москва: Наука, 1971. С. 223.

²¹⁹ Попов А. Англо-русское соперничество на путях Ирана // Новый Восток. 1926. Кн. 12. С. 127.

²²⁰ К слову, эти же причины стали своего рода побудительными мотивами политики Британской империи относительно Ирана.

правлящих кругов и военных постепенно всё большую силу приобретает мнение о необходимости контролировать некогда могучего соседа. Методы контроля и задачи в течение века менялись, развиваясь и соотносясь с международными целями царского правительства. Однако именно с 1830-х гг. между Россией и Ираном начинает развиваться такое новое явление, как военное сотрудничество²²¹. Правда, носило оно ограниченный характер в силу фактического нежелания по разным причинам обеих сторон развивать его более глубоко. Кроме того, российские военные всё чаще стали использоваться в качестве дипломатов-порученцев.

FOR AUTHOR USE ONLY

²²¹ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.; Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 283 с.; Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М. Наука. 1967. 174 с. Детальнее о русско-иранских отношениях 1-й половины века см.: Бугаева А.Г. Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2009. 229 с.; Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2007. 184 с.

ГЛАВА 2

РУССКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ В КОНЦЕ 1850-Х – СЕРЕДИНЕ 1870-Х ГГ.

2.1. Изменения в военных структурах России и военном изучении Ирана в 1860-х – первой половине 1870-х гг.

Результатом Крымской войны стал постепенный отказ рассматривать внешнюю политику на Востоке через призму европейских дел и осознание, что единственный шанс обуздать Великобританию – это движение в Азию в сторону Индии²²². Правда цельной позиции по этому вопросу на тот момент не имелось. По словам министра иностранных дел А.М. Горчакова, в этот период русское правительство «не имело прочной программы действий в отношении Средней Азии и продолжало руководствоваться более обстоятельствами и случайностями, чем постоянной и твёрдой системой, на которой оно еще не решалось остановиться»²²³.

Переориентация с конца 1850-х – первой половины 1860-х гг. имперской политики на Восток обусловила изменение роли Ирана. После войны значение Ирана в регионе сильно упало и он стал превращаться в объект колониальной экспансии европейских держав, в том числе и России. Прежде всего, было решено восстановить экономические позиции в северо-иранских провинциях и по возможности расширить российское присутствие за пределы «сферы русского влияния». Это стало возможным в связи с очередными попытками шахского правительства модернизировать экономику страны. В отличие от «никлаевского» периода, когда императорские власти намеренно отказывались от участия в развитии

²²² Отсюда целый ряд проектов «индийских походов», появившихся во второй половине 1850-х гг.

²²³ Киняпина Н.С. Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50–80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 36–37.

туземного производства (тяжёлая индустрия), теперь участие специалистов из России в организации фабричного производства стало поощряться. При этом использовался британский опыт²²⁴. В силу стратегических соображений борьбы с Великобританией и, отчасти, экономических потребностей Россия начинает проводить активную завоевательную политику в Центральной Азии, где Персия (несмотря на её кажущуюся слабость) представляла потенциальную опасность. Мыслившиеся угрозы носили не военный характер и исходили не столько от самого Ирана, сколько от возможности включения его с орбиту влияния Британской империи и использования против России. Войны первой половины XIX в. продемонстрировали прогрессирующий упадок военной мощи Каджарского государства. Тем не менее, военные специалисты считали, что персы и иранские турки представляли собой «хороший военный материал»²²⁵, но нуждавшийся в усовершенствовании под руководством опытных инструкторов. Естественно, что среди российских армейских чинов и внешнеполитических деятелей (как, впрочем, и среди британских) существовало опасение, что этот «материал» попадёт в чужие руки, тем более, что опыт использования европейских военных инструкторов к середине века Иран имел богатый.

К тому же в рамках геополитических планов борьбы с Великобританией Ирану вплоть до окончательного покорения т. н. среднеазиатских территорий отводилось важное место. Не случайно на 1857 г. приходится разработка наместником на Кавказе князем Александром Ивановичем Барятинским первого из когорты проектов российского похода на Индию второй половины XIX в. Хотя реально ни один из проектов не был воплощён в жизнь, тем не менее, события 1878 г., речь о которых пойдёт

²²⁴ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 18–20.

²²⁵ Белозерский. Н.Н. Письма из Персии от Баку до Испагани // СМА. 1887. Вып. 25. С. 41–42; Блюмер. Состояние Тавризского гарнизона в мае 1891 г. // СМА 1891. Вып. 49. С. 40; Колобакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // СМА. 1883. Вып. 4. С. 53, 71; Уильс. Современная Персия. Картинки современной персидской жизни и характера. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. С. 178–180.

ниже, свидетельствовали, что они играли важную роль во внешнеполитическом планировании и рассматривались частью российских высших и военных кругов как реализуемые. Русская угроза Индии воспринималась в политико-военных сферах империи как лучший способ нейтрализации Великобритании в Европе и Азии, особенно в условиях слабости позиций России на европейском континенте после 1856 г. Иран в планах Военного министерства рассматривался одновременно и как дорога на Индию в случае столкновения с Британской империей, и как плацдарм, с которого англичане могли нанести удар по русским границам в Азии. «Для нашей политики – отмечал директор Азиатского департамента российского Министерства иностранных дел Пётр Николаевич Стремоухов в 1864 г., – необходимо существование Персии, как государства независимого и по возможности благоустроенного и сильного ... во-первых, как щита, защищающего русские владения от англичан, и «во-вторых, для уравновешения английского преобладающего влияния в Азиатской Турции». «Персия, – писал он, – может всегда служить полезною для нас опорю при каких-либо недоброжелательных, под влиянием западных государств, действиях Турции». Именно поэтому П.И. Стремоухов опасался, чтобы «Персия от страха и недоверия к нам не предалась вполне влияниям английских агентов»²²⁶. Политическое и экономическое значение Персии для России было детально проанализировано генерал-майором ГШ И.Ф. Бларамбергом в его «Записке о значении для России Каспийского моря, как торгового пути в Центральную Азию» (февраль 1857 г.)²²⁷. Автор «Записки» долгое время служил на Кавказе и на среднеазиатском пограничье империи, был в Иране, возглавлял экспедиции по исследованию побережья Каспийского моря. Основываясь на своём опыте, он пришёл к выводу, что

²²⁶ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1975. С. 41.

²²⁷ РГВИА. Ф. 446. Д. 37.

«Россия должна обратить свой взор на Азию, как рынок важный и обширный», а центром для российской торговли следует сделать Персию²²⁸.

Однако в 1850-е – 1860-е гг. политика России в отношении Персии не предполагала подчинения последней российскому влиянию. В «Отчете МИД» России за 1858 г. говорилось о Персии: «Эта слабая держава не может быть нам ни надежной союзницей, ни опасным врагом. Но ее независимость охраняет нас от сближения с владениями Англии и от столкновений с этой державой»²²⁹. Скорее она была направлена на то, чтобы действиями в Азии не спровоцировать шаха на принятие покровительства англичан, которые рассматривались как основной противник в развернувшейся «Большой игре». Управляющий делами российской Миссии в Тегеране²³⁰ коллежский секретарь Александр Ефимович Лаговский в 1857 г., после пребывания в Персии английских офицеров, он писал директору Азиатского департамента Егору Петровичу Ковалевскому: «Присылка сюда (в Персию – О.Г.) офицеров может быть чрезвычайно полезною, внушая персиянам к нам доверие, ибо видя наше желание усилить их страну ... они перестанут мечтать и верить наущениям наших противников о наших намерениях подчинить себе эту страну»²³¹. Особое внимание, по мнению А.Е. Лаговского, необходимо было уделить морально-профессиональным качествам направляемых в страну офицеров, а также знанию ими персидского языка²³². Несмотря на то, что на его письме имеется приписка «Интересно, надо обдумать», предложения эти не были реализованы вплоть до второй половины 1870-х гг. Причинами этого, как нам представляется, были экономическая слабость России и результаты Крымской войны 1853–1856 гг., временно ограничившие внешнеполитические возможности

²²⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 37. Л. 1.

²²⁹ Медведик И.С. Англо-русское соперничество в Персии во второй половине XIX – начале XX вв. URL: <https://sibac.info/conf/social/xii/28168> (дата обращения: 01.11.2018).

²³⁰ Поверенный в делах действительный статский советник Николай Адрианович Аничков отсутствовал в Тегеране [Кавказский календарь на 1858 год. Тифлис, типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1857. Отд. 2. С. 502].

²³¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 35. Л. 2.

²³² Там же.

государства. Проект, предложенный А.Е. Лаговским, мог повлечь новое столкновение с Англией. К нему империя Романовых при отсутствии союзников в Европе и внутриэкономических проблемах была не готова.

С 1860-х началось создание плацдарма в Центральной Азии для угрозы британскому могуществу²³³. Прологом к этому стали 3 миссии 1858–1859 гг. – Н.В. Ханькова в Иран, Герат и Афганистан, Николая Павловича Игнатъева в Хиву и Бухару, а также Чокана Чингосовича Валиханова в Кашгар²³⁴, после чего началось соединение Сырдарьинской и Сибирской пограничных линий с целью ликвидации почти 800 километрового разрыва между ними²³⁵. Окончание Кавказской войны 1817–1864 гг. и польский кризис 1863–1864 гг., активизировали российскую политику в Средней Азии. В 1864–1868 гг. Россией были покорены 2 из 3-х крупных государств региона – Кокандское ханство и Бухарский эмират, в 1867 г. было учреждено новое

²³³ Вопрос причинах движения России в Центральную и уже – в Среднюю Азию, имеет давнюю традицию [Данков А. Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии: XIX – начало XXI вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 248 с.]. Одни историки называли главными факторами экономические, другие – политические. Исконная агрессивность русских, рок, Божья воля, цивилизаторская миссия и др. – все эти причины в той или иной степени упоминались историками, и даже назывались в качестве ведущих. На наш взгляд, можно вполне согласиться с российским учёным Олегом Рудольфовичем Айрапетовым, выделившим 4 мотива движения России в Среднюю Азию. Первым и главным он определил «усиливавшееся англо-русское противостояние, дававшее Петербургу возможность имитировать угрозу британским позициям в Индии». Действительно, англичане своими действиями сами провоцировали русское движение на юг. Кроме того, исследователь выделил в качестве причин окончания Кавказской войны, освободившее часть войск с Кавказа, освоение подступов к Средней Азии и расширение знаний о ней, и, наконец, кризис хлопковых поставок в Россию [Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 289]. По отношению к политике России в Средней Азии вполне применим термин Наили Ермухановны Бекмахановой «оборонительный экспансионизм», предполагавший экспансию для защиты собственных границ [Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с. URL: <http://vipbook.info/nauka-i-ucheba/istory/256661-prisoedinenie-centralnoy-azii-k-rossiyskoy-imperii-v-xviiiixix-vv.html> (дата обращения: 21.02.2020)].

²³⁴ Халфин Н. А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 50-х годов XIX века // Труды среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 78. Исторические науки. 1956. Кн. 13. 86 с.

²³⁵ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 288.

Туркестанское генерал-губернаторство, а в 1871 г. русские войска заняли Илийский край ²³⁶. Параллельно с этим решался вопрос и о месте Персии в политике России. В декабре 1864 г. Министерство иностранных дел была подготовлена записка, в которой предлагалось заключить секретную конвенцию с Ираном, в которой признавалось бы право собственности шаха на о. Ашур-Аде и на туркменские земли вплоть до реки Атрек. Кроме того, империя брала на себя обязательство не возводить южнее Балханского (Красноводского) залива своих крепостей и предлагала совместное использование Каспийского моря военными флотами обеих держав ²³⁷. Однако военные такой проект не одобрили, поскольку помимо русско-иранских отношений необходимо было решать ещё и «хивинский вопрос». В 1869 г. в Балханской бухте высадился отряд войск с Кавказа под командованием полковника ГШ Николая Григорьевича Столетова. Им было вновь создано укрепление Красноводск, которое вместе с укреплением Александровским на о. Мангишлак, основанном в 1846 г., стало базой для движения российских войск на Хиву и в туркменские земли ²³⁸.

Продвижение России на южных рубежах при неопределённости границ между ней и Ираном вызвали трения по поводу вопросов о разграничении в Туркмении ²³⁹. Несмотря на соглашение в декабре 1869 г. о том, что граница

²³⁶ Там же. С. 289–295.

²³⁷ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 50.

²³⁸ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 295; Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972. С. 40.

²³⁹ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XXв.). Ташкент: Фан, 1975. 132 с.; Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 46–47. Персы считали туркмен своими подданными, в то время, как сами туркмены в большинстве своём рассматривали себя не зависимыми ни от кого. Попытки покорить их персидскими властями оканчивались постоянными неудачами. Наиболее знаменитым в этом отношении был поход 1860 г. (или 1861 г. – в источниках даты разнятся [Аннанепесов М. Каджарская война 1860 г. URL: <http://www.turkmeniya.narod.ru/gajar-war.html> (дата обращения: 01.11.2018); Бартольд В.. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Изд-во Восточной литературы 2003. С. 69; Гродеков Н. И. Война в Туркмении. СПб, 1883. Т. 1. С. 40; История Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во НИ ТуркмССР, 1957. Т. 1. Кн. 2. С начала

влияния двух государств будет проходить по реке Атрек²⁴⁰, напряжённость в отношениях из-за «туркменского вопроса» сохранялась до середины 1870-х гг. Характерно, что именно в 1860-х гг. – 1863–1864 и 1868 гг. – появляются наиболее полные и развёрнутые описания персидской армии и военно-статистическое описание Персии²⁴¹, а также донесение генерал-лейтенанта

XIX в. до Великой октябрьской социалистической революции. С. 91; Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении: (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1899. 235 с.; Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. С. 26; Мухаммед Али-ал-Хусейни. Мервская битва С. 3 // «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад: Ылым. 1990 URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/m.asien.htm> (дата обращения: 11.10.2018)] на Мерв. Армия шаха насчитывавшая более 20 000 человек с 34 (или 33-мя) орудиями «и с многочисленной иррегулярной конницей» (цифры эти также нужно принимать с оговоркой: в разных источниках численность указана различная – 12 или 13 000 пехоты, 10 000 кавалерии, но не менее 20 000 войска [Мухаммед Али-ал-Хусейни. Мервская битва // «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад: Ылым, 1990. С. 28] были разгромлены текинскими туркменами. «Поражение ... было ужасное, – характеризовал итоги войны российский офицер. – Едва около трёхсот всадников спаслись в бегстве с главнокомандующим; всё остальное бежало, побросав оружие и артиллерию, и было или перебито, или взято в плен. Преследуя жалкие остатки персидских воинов, но главное в погоне за принцем (Султан-Мурад-мирзой – начальником персидских войск – О.Г.), текинская конница с небольшим в сутки проскакала с лишним 120 вёрст и достигла Серахса, где были сделаны громадные заготовления для армии, и, что называется, стёрла этот пункт с лица земли в то самое время, когда пешие собратья этих туркмен чинили самый беспощадный разнос с войсками и запасами, остававшимися в Порсу. Таков был конец этого злополучного нашествия персов. В Мерве сосредоточилась после этого такая масса пленных и оружия, что цена на невольника-перса спала с 500 рублей на 5, а за ружьё едва платили два–три крана» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 230–231]. Неудачи в войнах привели к тому, что персидские власти стали активно использовать принцип «разделяй и властвуй» в отношении туркмен. Они искусственно поддерживали старую вражду между отдельными туркменскими племенами, а также разжигали новые очаги противостояния, используя всё это в своих целях. Особенно активно такая политика стала проводиться после покорения Россией Ахал-Теке и Мерва [Артамонов Л.К. Современное положение туркмен в Астрабадской и Бужнурдской провинциях Персии // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 63–135].

²⁴⁰ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1975. С. 45.

²⁴¹ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 1–32; РГВИА. Ф. 446. Д. 39. Записка о состоянии вооруженных сил Персии. 16 декабря 1863 г. – 30 января 1864 г. 14 л.

Ивана Алексеевича Бартоломея о реорганизации персидской армии²⁴². Это, скорее всего, было связано с напряжением в отношениях между Россией и Ираном.

В 1870-е гг. ситуация изменилась. Разворачивается новый этап «Большой игры». В 1871–1876 гг. Россия укрепляет свои позиции в Центральной Азии, окончательно подчинив своему влиянию Хиву, Бухару и Коканд, заняв Кульджу²⁴³, а Англия стремится ограничить это продвижение, при этом, расширяя сферу своего влияния от границ Индии. Как отмечал в несколько ином контексте современный российский исследователь Евгений Юрьевич Сергеев, «русские бросили вызов англичанам в странах Востока, вынудив их решать одновременно три взаимообусловленные задачи – сохранения баланса сил в Европе, обеспечения безопасности Индии как главного источника благосостояния метрополии и защиты стратегических торговых путей, связывавших бассейн Средиземного моря с Индийским и Тихим океанами»²⁴⁴. Персия стала важным элементом в этой борьбе. Обе стороны испытывали определённые опасения относительно планов друг друга. Это обусловило их активную политику относительно Каджарской империи. Не смотря на утверждения части исследователей²⁴⁵, вряд ли экономические интересы играли в это время ведущую роль. Они носили, скорее, подчинённый характер. Английское проникновение в Иран в 1850-х – 1870-х гг. имело стратегический характер, и объяснялось политическими

²⁴² РГВИА. Ф. 446. Д. 40. Донесение генерала Бартоломея вице-канцлеру Горчакову о реорганизации персидской армии. 1863 г. 1 л. Впрочем, это донесение могло быть приписано ему ошибочно, т.к. генерал находился на Кавказе. В Персии же был его однофамилец Михаил Федорович Бартоломей, который с 1862 по 1865 гг. являлся секретарем русской миссии в Тегеране.

²⁴³ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 294–295; Горшенина С. Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): Автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана // *Ab Imperio*. 2014. № 2. С. 102–165.

²⁴⁴ Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // *Российская история*. 2011. № 5. С. 3.

²⁴⁵ Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Нартанг, 2006. С. 57; История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 256–262.

мотивами. Исследование Л.М. Кулагиной убедительно свидетельствует, что в концентрированной форме программа относительно Ирана была изложена в меморандуме 1868 г.²⁴⁶, подготовленном для членов парламента Генри Кресвиком Роулинсоном – военным разведчиком, известным к тому времени специалистом по Среднему Востоку и идеологом «наступательной политики» Британии в регионе. Суть её сводилась к достижению максимума политического влияния в Персии и установление контроля над тегеранским двором²⁴⁷.

²⁴⁶ Rawlinson H.C. Memorandum on the Central Asian Qoestion, dated juli, 1868 // Rawlinson H.C. England and Russia in the East: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. London: John Murray, 1875. P. 263–292.

²⁴⁷ Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 89–101; Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. С. 5; Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. С. 14. Следует отметить одну важную особенность внешней политики Великобритании на Среднем Востоке и в Иране, в частности. Хотя основные вопросы внешнеполитической стратегии решались в Лондоне, однако большое влияние на их выработку и реализацию оказывали представители английской короны в Индии. До начала XIX в. сношения с Персией велись главным образом через Ост-Индскую компанию [Фурсов К.А. Державо-купец: отношения английской – Ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 364 с.]. После подписания 13 ноября 1814 г. тайного Тегеранского союзного договора Великобритании с Каджарской монархией дипломатические отношения были официально переданы из Индии в Англию, и была учреждена постоянная дипломатическая Миссия во главе с поверенным в делах [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 31–32]. В резиденции наследника шахского престола в Тебризе была учреждена постоянная британская дипломатическая миссия, которая представляла не Ост-Индскую компанию, а британскую корону [Семёнов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 24–27]. Тем не менее, тесная связь между Лондоном и Калькуттой продолжала сохраняться. В начале 1823 г. отношения с Ираном были вновь возвращены английским правительством в ведение Компании [Там же. С. 83–84], а в 1824 г. Миссия была преобразована в Посольство во главе с министром-резидентом [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. С. 45]. Окончательно Лондон вернул себе право дипломатических сношений с Тегераном в середине века. С августа 1858 г. управление Индией по «Акту о лучшем управлении Индией» было взято Центром в свои руки (из компетенции Министерства по делам Индии передано в Форин офис), а в 1876 г. королева Виктория была коронована императрицей Индии [Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 95]. Англия фактически силами сначала Ост-Индской компании, а затем индийского правительства проводила собственную внешнюю политику на Среднем Востоке. Во второй половине XIX в. существовало

Правда подходы к достижению указанной цели среди британской правящей элиты и в обществе несколько различались²⁴⁸. Представители Консервативной партии («тори») преимущественно были сторонниками «наступательной политики» Великобритании на Среднем Востоке, предполагавшей активное противодействие России²⁴⁹. Многие из военных также разделяли эту позицию. В её основе лежал тезис о «русской угрозе Индии»²⁵⁰, которой необходимо было противопоставить жёсткие меры.

своеобразное разделение сфер ответственности: Форин офис отслеживал ситуацию в северных провинциях Ирана и в столице, а правительство Индии – на юге страны и в Персидском заливе [Там же. С. 209]. Поэтому, когда речь идёт об английской (британской) политике, подразумеваются позиции различных политических кругов империи в целом.

²⁴⁸ Детальнее о различных подходах к политике на Среднем Востоке в английском обществе на протяжении второй половины XIX в. см.: Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. С. 70–148.

²⁴⁹ «По большей части эти комментаторы и критики были русофобами с ярко выраженными «ястребиными» взглядами, – характеризовал основных распространителей указанной точки зрения П. Хопкирк. – Они утверждали, что единственный способ остановить продвижение русских заключается в проведении наступательной политики. Это означало, что следует действовать первыми – либо вторжением, либо созданием покладистых буферных государств – сателлитов на вероятных путях вторжения. К сторонникам наступательной политики относились и честлюбивые молодые офицеры индийской армии и политического департамента, включившиеся в новый бодрящий спорт в пустынях и на перевалах Высокой Азии. Участие означало приключения и продвижение по службе, а возможно, даже место в истории империи. Альтернативой была скука полковой жизни на душных и знойных равнинах Индии» [Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. С. 31–32].

²⁵⁰ Дронова Н.В. Тезис о «русской угрозе» как фактор российско-британского имперского соперничества в 70-е годы XIX века URL: <http://indonet.ru/Statya/Gde-nahoditsya-%E2%80%99Cklyuch-k-Indii> (дата обращения: 01.11.2018). П. Хопкирк утверждал: «Что бы ни говорили историки сегодня, в то время русская угроза Индии представлялась весьма реальной. В конце концов она казалась очевидной для любого, бросающего взгляд на карту. Четыре столетия подряд Российская империя неуклонно расширялась со скоростью примерно 55 квадратных миль в день или около 20 000 квадратных миль в год. В начале девятнадцатого века Российскую и Британскую империи разделяло в Азии более 2 000 миль. К концу столетия это расстояние сократилось до нескольких сотен миль, а в отдельных районах Памира оно не превышало двух десятков. Поэтому ничего удивительного, что многие боялись, что казаки всего лишь сдерживают своих лошадей, пока в Индии делается то же самое» [Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. С. 32]. Однако с ним можно согласиться лишь отчасти. Жаль, что П. Хопкирк не приводил также и показатели расширения Британской империи и ничего не говорил о её политике на русских рубежах. Тогда бы картина была более полной и не такой однозначной, и было бы понятно, почему в России (да и не только) агрессором и захватчиком воспринималась Великобритания. Однако, в Лондоне реальной угрозы Индии казаться действительно могла с Индийского похода 1801 г. [о нём

Указанный подход активно пропагандировался и муссировался особенно в период внешнеполитических акций царского правительства в Центральной и Западной Азии. Приверженцы Либеральной партии («виги»), наиболее ярким представителем которых был Уильям Гладстон, придерживались более сдержанной политики в разрешении вопросов отношений с Россией как на Востоке, так и вокруг Ирана. Проповедуя политику «закрытой границы»²⁵¹, они призывали к более осторожным действиям в отношении России, не отклоняя возможность достижения желанных целей путём переговоров с русским правительством²⁵². Одним из важных компонентов «закрытой границы» являлось создание пояса «буферных» держав (или «нейтральной зоны»)

см.: Безотосный В. Наполеоновские планы Николая Петровича // Родина. 2008. № 7. С. 45–51; Захаров В.А. Индийский поход Павла I // Старый Кирибей [П.Н. Шабельский-Борк]. Павловский гобелен: Сб. ст. М., 2011. С. 66–79, 95–104 URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Zaxarov_00.pdf (дата обращения: 01.05.2017); Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. С. 17–18], но реальной стала только с последней трети XIX в., когда Россия развернула активную экспансию в сторону на юг от своих границ. С этого времени российские политики и военные стали рассматривать возможность вторжения в Индию не только гипотетически но и в практическом плане [Алпеев О.Е. «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России, 1885–1914 гг. // Русский сборник. 2018. Т. 26. С. 320–387; Снесарев А.Е. Афганистан. С. 16 URL: www.cawater-info.net/afghanistan/pdf/cnesarev.pdf (дата обращения: 01.05.2017)]. Хотя проекты их различались, но цели их (если отбросить имперское самолюбие) можно обозначить точно: давление на Англию в решении вопросов Ближнего Востока и Европы. В то же время завоевание «жемчужины» Британской империи и включение её в состав России оценивались как невозможные или невыгодные.

²⁵¹ «Сама доктрина «закрытой границы» не отвергала намерения англичан укрепиться на приграничных с Индией территориях (в частности в Афганистане), – отмечала Н.Н. Лисицина. – Её действительная сторона заключалась не в осуществлении «прямых и наступательных» акций, а в проведении политики «жёсткой руки в бархатной перчатке» и в подготовительных мерах к возможным наступательным операциям» [Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 58]. Указанную доктрину также принято называть доктриной «искусной бездеятельности» [Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2007. С. 5].

²⁵² Детальнее про различие в подходах британских общественных и военных деятелей к политике на Среднем Востоке см.: Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. 166 с.; Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях :1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. С. 56.

между Россией и Британской Индией с целью препятствия продвижению империи Романовых на юг.

Однако, несмотря на наличие указанных концепций, суть политики относительно Ирана, изложенная Г.К. Роулинсоном, оставалась неизменной. Она лишь корректировалась в зависимости, от того, представители какой партии находились у власти в Англии и сторонники какой концепции заправляли делами в Индии. Удачнее всего истинные причины борьбы России и Англии в Иране обобщил российский военный исследователь Михаил Иванович Венюков. Он же отразил косвенно те побудительные мотивы, которые обусловили российскую политику относительно Персии в 1870-х – 1880-х гг. Отмечая, что Россия и Англия являются соперниками в Азии и в Каджарской державе, М.И. Венюков писал, что «корень недоброжелательности» англичан к русским «скрывается вне этой страны и состоит в опасении Англии потерять Индостан, куда дорога с северо-запада лежит через Персию ... Попади они (Хорасан, Герат и Боланский проход – О.Г.) из рук слабой Персии в руки сильной России, британскому владычеству в Индии, по сознанию англичан, настанет конец». «Вот почему, – констатировал автор, – употребляются ими все усилия, чтобы посеять между Россией и Персией раздор, или же при невозможности этого, навести на персиян страх перед английским могуществом, забрать экономические средства Персии в свои руки и затем распоряжаться политикой Тегеранского двора так, чтобы она, по крайней мере, как можно менее зависела от России»²⁵³. Во многом в своих выводах относительно английской политики российский аналитик был прав²⁵⁴. Но анализа с обратной стороны он не делал, то ли не видя её наличия, то ли в силу существовавшей цензуры, ограничивавшей возможности объективного рассмотрения международных отношений вокруг Ирана. Тем не менее, в последней цитате М.И. Венюков

²⁵³ Венюков М.И. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 447.

²⁵⁴ О политике англичан в Средней Азии и Персии см.: Сухоруков С.А. Англо-персидские отношения в середине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 227 с.

обобщил представления российских кругов, связанных с Азией, касательно угроз здесь русским интересам²⁵⁵.

Именно в рамках указанных обобщений нужно рассматривать внешнеполитический курс России относительно Персии с 1870-х до первой половины 1890-х гг., ярким выразителем и сторонником которого был Иван Алексеевич Зиновьев (посланник России в Иране в 1876–1883 гг., а затем – директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел в 1883–1891 гг.). «Главная цель, которая преследовалась нами, в зависимости от исторических условий, – указывалось в инструкции от 30 сентября 1904 г. новому посланнику российского царя при персидском шахе Алексею Николаевичу Шпейеру, – различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних признаков её самостоятельности, так и внутреннего её строя»²⁵⁶. В рамках этих задач в 1871–1875 гг. Россия включилась в активную борьбу с Великобританией за

²⁵⁵ С начала 1860-х гг. в рамках «Большой игры» началось своеобразное контрнаступление России в Азии. Помимо экономических причин, обусловлено оно было политическими факторами. Действия империи Романовых особенно в Средней Азии, а также на Среднем и Дальнем Востоке в целом стали ответом на длительную агрессивно-подрывную политику Великобритании на азиатских рубежах России. Апогеем её стала спровоцированная дипломатическим представителем Лондона в Стамбуле Чарльзом Стрэтфордом Каннингем русско-турецкая война, переросшая в Крымскую войну России против европейской коалиции в 1853–1856 гг. Именно осознание уязвимости границ империи в Азии подвинуло российское руководство после войны к продвижению в Центральной Азии, а затем и к стремлению поставить Персию под свой контроль. Если задачей британской политики было создание вокруг России пояса враждебных ей, но дружественных Англии стран и территорий, то российская политика исходила из обратного: сформировать вокруг азиатских границ «буфер» от Британии из дружественных или подконтрольных государств и территорий.

²⁵⁶ К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 13. В работе Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 125 эта цитата неверно приписана перу И.А. Зиновьева, хотя в целом она полностью соответствовала взглядам указанного дипломата.

концессии в Персии²⁵⁷, одновременно укрепляя свои позиции на южном берегу Каспийского моря²⁵⁸. В свою очередь, англичане, действуя через агентов, пытались поднять племена и правителей Центральной Азии на борьбу против России и спровоцировать кризис в русско-иранских отношениях²⁵⁹. 1875–1879 гг. – время некоторого ослабления противоречий. Но перемещение центра англо-русской борьбы на Балканы не оставило Персию в стороне от указанных событий.

Деятельность Военного министерства относительно Ирана в рассматриваемый период ограничивалась военной разведкой²⁶⁰. В рамках военных реформ, проводившихся Д.А. Милютиным²⁶¹, существенно

²⁵⁷ Детальнее см.: Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. 544 с.

²⁵⁸ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XXв.). Ташкент: Фан, 1975. 132 с.

²⁵⁹ Там же. С. 52–90; Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 116–118.

²⁶⁰ Под разведкой в широком смысле этого слова в рассматриваемое время подразумевали «сбор сведений о положении, средствах, силах и намерениях неприятеля и о местности», которые должны были собираться как в военное, так и в мирное время. Впрочем, судя по определению словаря, акцент в понимании термина всё же делался на старое его понимание (узкое) в смысле войсковой разведки офицерами или специальными отрядами во время войны [Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1883. Т. 6. С. 243–245]. Во 2-й половине XIX в. в науке преобладал позитивистский взгляд на мир, который предполагал, что истинно (объективно) только то знание, которое достигается посредством чувственного или личного опыта (наблюдение и эксперимент), а всё подлинное (позитивное) знание – совокупный результат специальных наук. В рамках этой методологии большое развитие получила статистика. В первой половине XIX в. возникло 3-е направление статистической науки. Оно получило название статистико-математического. Приверженцы этого направления дошли до теоретического обобщения практики учётно-статистических работ и создания теории статистики. Особый вклад в развитие этого направления внес известный бельгийский статистик Адольф Кетле (1796–1874). Он называл статистику «социальной физикой», т.е. наукой изучающей законы общественной системы с помощью количественных методов [Бутенко И.В., Бутенко Д.А. Основные направления развития статистики URL: orelgiet.ru/docs/pdf/94_10_12_12.pdf (дата обращения: 01.11.2018)]. Это предопределило широкое использование статистики методов наблюдения в военном деле. В результате основное наполнение военной разведки составили сведения военной статистики и военной географии, а также геодезии [Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1885. Т. 2. С. 196–199, 439–440].

²⁶¹ Габелко Д.Е. Д.А. Милютин – государственный деятель и историк русской армии: Диссертация ... кандидата исторических наук. Воронеж, 2002. 194 с.; Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 375 с.; Шалашная В.М. Д.А. Милютин и военные реформы в России в 60–70-е гг. XIX в. URL:

менялась система сбора информации военного характера о соседних государствах²⁶². Сбор военно-разведывательных сведений по Ирану во второй половине XIX в. сосредотачивался в 3-х центрах. 1-й находился в Тифлисе. Это был Главный штаб Кавказской армии, а с августа 1865 г., после его преобразования в военный округ – штаб округа. 2 других располагались в Петербурге. Это было сначала Главное управление ГШ (с 27 сентября 1863 г. до 31 декабря 1865 г.), а затем Главный штаб. Как отмечалось в «Положении о Военном министерстве» от 1 января 1869 г., «он заведует геодезическими

<http://izvestia.asu.ru/2009/4-4/hist/TheNewsOfASU-2009-4-4-hist-53.pdf> (дата обращения: 12.10.2018); Menning B.W. Bayonets before Bullets. The Imperial Russian army 1861–1914. Indiana University Press, 1992. 354 p.; Rich D.A. The Tsar's colonels: professionalism, strategy, and subversion in late Imperial Russia. Harvard, 1998. 330 p.]

²⁶² Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Д.А. Милотин и военная разведка России // Пётр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 691–701; Schimmelpenninck van der Oye D. Reforming military intelligence // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. Cambridge University Press, 2004. P. 133–150]. Примечательно, что, вопреки утверждению П. Хопкирка, что «сбор военных сведений вёлся (до начала 1880-х гг. – О.Г.) от случая к случаю и мало походил на хорошо организованную и эффективную российскую систему» [Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. С. 491], в начале 1860-х гг. в Дехрадуна британцами была создана «Большая тригонометрическая служба», в которой стали готовить агентов для изучения обстановки к северу от Амударьи и в других регионах Среднего Востока [Халфин Н.А. Связи, контакты, сотрудничество // Азия и Африка сегодня. 1986. № 4. С. 61] (вернее, начало созданию Большой тригонометрической службы Индии было положено в 1797 г., начала действовать с 1802 г., сформирована как институт в 1818 г. С 1860-х гг. в её рамках британские офицеры стали готовить специальных лазутчиков из местного населения – пундитов (пандитов) – для изучения Среднего Востока и Центральной Азии [Chang Juinn Yih. Some remarks on the Pundit project British indian government URL: <http://nccur.lib.nccu.edu.tw/bitstream/140.119/9453/1/105%20unfiled.pdf> (дата обращения: 11.09.2018); Sarkar O. Great Trigonometrical Survey: Histories of Mapping 1790–1850 URL: http://indiansss.org/pdf/pdfset-8/issue-9/Art_018.pdf (дата обращения: 11.09.2018); Waller D.J. The Pundits: British exploration of Tibet and Central Asia. Lexington: University Press of Kentucky, 1990. 327 p.; Ward M. The Survey of India and the Pundits The Secret Exploration of the Himalaya and Central Asia URL: http://www.alpinejournal.org.uk/Contents/Contents_1998_files/AJ%201998%2059-79%20Ward%20Pundits.pdf (дата обращения: 11.09.2018)]). В России системной агентурной работы на Среднем Востоке не было, как долгое время не существовало и постоянной и целенаправленной подготовки агентов для разведки. Картографированием и изучением страны и территорий вне её пределов занимались Императорское русское географическое общество, Корпус военных топографов и офицеры ГШ. Но системной, т. е. организованной и постоянной, разведывательной работа на Среднем Востоке не велось. Специальные же структуры в азиатских военных округах стали создаваться позже – с 1880-х гг. Впрочем, с 1880-х происходят изменения и в британской разведке Индии [Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. С. 491–492].

работами военного ведомства, составлением карт, планов и военно-статистических описаний местностей как внутри Империи, так и на границах её в отношении к видам военным. Он содержит все карты и планы, как России, так и иностранных государств, а также подробные сведения о средствах сил последних в военном отношении»²⁶³. Непосредственно координация военной разведки была возложена на 3-е (Военно-учёное) и 2-е (Азиатское) отделения Главного управления ГШ, а после его ликвидации – на 7-е Военно-учёное отделение, преобразованное с января 1867 г. в Военно-учёный комитет (непосредственно разведкой занималась канцелярия комитета), и Азиатскую часть Главного штаба (такое наименование также получила с 1867 г.)²⁶⁴. С утверждением в 1869 г. нового «Положения о Военном министерстве» за упомянутыми органами были окончательно закреплены их функции²⁶⁵. До середины 1880-х гг. канцелярия Военно-учёного комитета формально координировала разведку в целом, и по Европе в частности, а Азиатская часть – по странам Азии²⁶⁶. Сюда стекалась информация от военных агентов различного рода: военных атташе, военных наблюдателей, командированных по различным поручениям за границу офицеров и топографов, из дипломатического и других ведомств и из штабов военных округов. Астрономическими, геодезическими, топографическими и картографическими работами заведовало Военно-топографическое депо. Оно было упразднено 16 октября 1863 г. с передачей его функций Военно-

²⁶³ Положение о Военном министерстве // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1873. Т. 44. Отд. 1. № 46611. С. 14.

²⁶⁴ Алексеев М. Военная разведка в Российской империи. М.: Вече, 2010. С. 202–203, 206–207; Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М.: Евразия плюс, 1998. Т. 1. С. 60, 65, 66.

²⁶⁵ Алексеев М. Военная разведка в Российской империи. М.: Вече, 2010. С. 208–209; Положение о Военном министерстве // Полное собрание законов Российской империи Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1873. Т. 44. Отд. 1. № 46611. С. 15–17.

²⁶⁶ Так, например, в 1880 г. в Азиатской части была подготовлена к печати «Записка о Туркменском театре военных действий и наших на оном действиях в течение первого десятилетия с 1869 по 1879 год» [История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1997. С. 152–153].

топографической части Главного управления ГШ, а после ликвидации преобразовано в Военно-топографический отдел Главного штаба ²⁶⁷. В штабах военных округов существовали собственные Военно-топографические отделы, информация из которых поступала и в центральный орган ²⁶⁸.

В зону ответственности штаба Кавказского военного округа входили азиатская часть Османской империи, Персия и отчасти туркменские земли. До 1870-х гг. специального органа для ведения военной разведки в штабе не существовало. Офицеры ГШ округа, которыми руководил помощник начальника штаба, занимались преимущественно исследованием внутреннего театра и приграничной полосы как театров вероятных военных действий ²⁶⁹. Кроме того, здесь существовал Военно-топографический отдел, геодезисты и топографы которого производили военно-геодезические работы с целью составления карт Кавказского края и пограничных территорий ²⁷⁰. Однако в конце 1871 г. на Кавказе была разработана программа по сбору и обработке сведений об Азиатской Турции, которые должны были лечь в основу новой концепции войны против Османской империи. В феврале 1872 г. кавказский штаб ходатайствовал перед военным министром о необходимости посылки в Османскую империю секретных военных агентов решением местного начальства, без предварительного согласования с министерством. Объяснялось это тем, что переговоры с Петербургом при несовершенстве связи занимали много времени, что отражалось на оперативности добычи

²⁶⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Типография И.О. Шеншеля, 1828. Т. 44. Отд. 1. № 46611. С. 15–16.

²⁶⁸ Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). Дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2003. 457 с.

²⁶⁹ Алексеев М. Военная разведка в Российской империи. М.: Вече, 2010. С. 210; Высочайший указ об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирского военных округов // Полное собрание законов Российской империи Собр. 2. СПб.: Типография И.О. Шеншеля, 1867. Т. 40. 1865. Отд. 1. № 42368. С. 859.

²⁷⁰ Высочайший указ об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирского военных округов // Полное собрание законов Российской империи Собр. 2. СПб.: Типография И.О. Шеншеля, 1867. Т. 40. 1865. Отд. 1. № 42368.

информации²⁷¹. Одновременно Михаил Николаевич написал письмо к государственному канцлеру Александру Михайловичу Горчакову с аргументированной просьбой разрешить прикомандировывать кавказских офицеров к консульствам на консульские должности²⁷². Идея эта была, видимо, согласована с российским дипломатическим представителем в Константинополе Николаем Павловичем Игнатьевым, который, как военный (он был генерал-лейтенантом ГШ), всё время пребывания на посту (1864–1877 гг.) покровительствовал офицерам и топографам, прибывавшим из России в Османскую империю и вообще способствовал её изучению военным ведомством²⁷³.

Программа была утверждена царём во второй половине февраля 1872 г. и предусматривала создание в Азиатской Турции должностей негласных военных агентов, командирование в Турцию офицеров ГШ и военных топографов, организацию сбора, обработки и издания военно-географических и военно-статистических сведений в штабе Кавказского военного округа. Конечной целью программы должна была стать разработка концепции войны против Турции на Кавказско-Азиатском театре²⁷⁴. Со временем основная схема её была распространена и на Персию. Программа включала в себя 5 составляющих: 1. Общее географическое описание всей страны или отдельной области; 2. Население; 3. Пути сообщения в смысле проходимости страны, общая сеть дорог и телеграфных линий; 4. Военные средства страны: устройство вооружённых сил, пополнение армии и её мобилизация, продовольственные и перевозочные средства, укреплённые пункты и разного рода склады; 5. Топографические описания отдельных участков и подробные маршруты и описания путей²⁷⁵. Согласована

²⁷¹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. Св. 662. 1872. Д. 52. Л. 1–3.

²⁷² Там же. Л. 11.

²⁷³ Там же. Л. 11; Алексеев М. Военная разведка в Российской империи. М.: Вече, 2010. С. 246–261; Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. М.: Квадрига, 2009. 392 с.

²⁷⁴ Армянский вопрос в Турции в материалах русского Генерального штаба. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. С. 289–290.

²⁷⁵ СМА. 1883. Вып. 4. С. IV.

программа была и с Министерством иностранных дел. А.М. Горчаков в секретном отношении к послу от 22 февраля указывал, что все вопросы относительно посылки постоянных негласных военных агентов он должен решать непосредственно через великого князя; ему же через консулов агенты должны были доставлять сведения ²⁷⁶.

К реализации программы в 1872–1875 гг. были привлечены все офицеры ГШ, проходившие службу в войсках Кавказского военного округа. Общее руководство работами по составлению концепции войны против Турции было возложено на состоящего в распоряжении командующего Кавказской армии генерал-майора ГШ Сергея Михайловича Духовского ²⁷⁷. Составленный под его руководством план войны на Азиатском театре был реализован в войну 1877–1878 гг. Поскольку главная роль в сборе сведений об Османской империи в азиатской её части отводилась постоянным негласным военным агентам, после окончания войны их количество было увеличено до 4-х, а после продолжало расти. В июне 1879 г. в штабе Кавказского военного округа был разработан документ, регламентирующий деятельность негласных военных агентов, – «Общая инструкция секретным военным агентам, назначаемым с Кавказа в Азиатскую Турцию» ²⁷⁸.

²⁷⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 2. Св. 662. 1872. Д. 52. Л. 10. Первыми негласными военными агентами были назначены: капитан ГШ Яков Дмитриевич Малама в Эрзерум на вакантную должность секретаря при консульстве (в конце 1872 г. [Там же. Л. 40]), и штабс-капитан Иедигаров (Едигаров) в 1873 г. на должность консульского агента в Карс. В Карсе не было консульства, поэтому первоначально в Министерстве иностранных дел не хотели отправлять туда офицера. Однако Военному министерству и штабу округа были нужны сведения об этой важной крепости, поэтому компромисс был найден – создана новая должность [Там же. Л. 21; Армянский вопрос в Турции в материалах русского Генерального штаба. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. С. 290)].

²⁷⁷ Армянский вопрос в Турции в материалах русского Генерального штаба. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. С. 290. За отличное выполнение этой работы 30 августа 1876 г. был удостоен ордена св. Станислава 1-й степени, а 11 ноября 1876 г. С.М. Духовской был назначен начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса, действовавшего на кавказско-турецкой границе [о плане см.: Шеманский А. Русско-турецкая война 1877–78 гг. на Черноморском побережье Кавказа // Военно-исторический вестник. 1911 г. № 3–8, 11/12].

²⁷⁸ Армянский вопрос в Турции в материалах русского Генерального штаба. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. С. 295.

Что касается Ирана, то здесь в силу объективных причин (в первую очередь – слабости иранской армии, а также Кавказской войны, окончившейся в 1864 г. и вызвавшей необходимость детального изучения Кавказа) развитие военной разведки в сравнении с Азиатской Турцией после Крымской войны несколько запаздывало. Сведения о нём поступали через временно командированных офицеров и топографов, членов разграничительной комиссии ²⁷⁹, учёных-путешественников, от русских дипломатических представителей – Миссии и консулов, от военного агента в Лондоне, от военно-научных экспедиций и из иностранных печатных изданий – прессы и книг путешественников, посещавших Иран ²⁸⁰. На основе изучения отдельных районов и областей военные составляли военно-статистические и военно-топографические работы, дополнявшиеся описаниями маршрутов для движения войск. На их основе, с привлечением других источников, создавались обобщающие военно-статистические (и географические) описания стран. Относительно Персии последняя такая работа была проделана И.Ф. Бларамбергом ещё в 1840-х гг. ²⁸¹. Что до

²⁷⁹ Турецко-иранское разграничение проводилось в 1843–1852 гг. при англо-русском посредничестве.

²⁸⁰ Как отмечал советский исследователь Н.А. Халфин, «все путешественники, купцы, представители различных ведомств, направляясь на Восток, обязаны были собирать информацию «к выгодам коммерции и к доставлению сведений о стране сей, Европе мало известной» [Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. С. 62]. РГВИА. Ф. 446. Д. 35. Письмо русского посланника в Тегеране Лаговского директору Азиатского департамента Ковалевскому Е.П. о присылке в Персию русских военных агентов и об организации научной экспедиции в г. Герат, г. Кандагар и г. Кабул. 1 ноября 1857 г. 5 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 36. Донесение русского посланника в Тегеране Лаговского министру иностранных дел Горчакову А.М. о пребывании в Персии английских офицеров. 1857. 4 л. РГВИА. Ф. 446. Д. 40. Донесение генерала Бартоломея вице-канцлеру Горчакову о реорганизации персидской армии. 1863 г. 1 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 91. Карта юго-восточного побережья Каспийского моря (Персия). Сост. топографы Шинкевич и Емчинов. 1857 г. 1 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 92. Описание турецко-персидской границы. 1857 г. 68 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 138. План г. Кирмана. Черт. Жаринов. 1859 г. 1 л.; РГВИА. Ф. 446. Д. 363. Донесение (копия) вр. управляющего Тавризмским генеральным консульством в Азиатский департамент о боевом состоянии войск в провинциях Азербайджана Персидского. 8 сентября 1854 г. 6 л.

²⁸¹ Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. 359 с. К.Д. Ушинский в журнале «Современник» дал критический отзыв на работу И.Ф. Бларамберга. Он обвинял его в плагиате, поскольку тот

состояния армии, то наиболее новыми были сведения 1863 г.²⁸². После военной миссии А.С. Санковского, судя по материалам РГВИА, информация об иранских вооружённых силах и стране поступала эпизодически.

В период с конца 1850-х до 1876 г. в силу отсутствия более совершенных средств изучения возможных театров военных действий и составления карт в русской военной разведке значительное место занимали военно-геодезические работы (т. е. астрономо-геодезические, топографические и картографические)²⁸³. Ими занимались офицеры, геодезисты (с 1866 г. по 1883 г. офицеры, окончившие геодезическое отделение Николаевской академии ГШ, зачислялись в Корпус военных топографов с наименованием «геодезисты»²⁸⁴) и топографы Корпуса военных топографов²⁸⁵. На Кавказе

воспользовался материалами К. Риттера («Землеведение Азии») и Фрэзера без ссылок на источник. В рецензии было дано текстовое сличение названных работ, после чего следовало ироническое пожелание того, что, «если бы Бларамберг дал ссылки на книги названных авторов, то тем самым спас от забвения новые сведения, доставленные им географии, которая дорожит каждым известием и с каждым из них прочно соединяет имя того, кому она им обязана» [Овсянников В. И. Проблемы Востока и общественно-политическая мысль России (середина XIX в.). М.: МГЗПИ, 1989. С. 38; Ушинский К. Д. Рецензия на книги «Статистическое обозрение Персии» И.Ф. Бларамберга и «Путешествие по Северной Персии И. Березина // Современник. 1852. № 10. Отд. III. С. 82]. В данном случае, правда, на наш взгляд, рецензент не учёл специфику работы военных аналитиков, которые свои работы писали на основе личных наблюдений, иных документов и уже изданных трудов путешественников и других учёных. Поэтому ссылки здесь были далеко не всегда (правда, для работ начиная с 1870-х гг. они присутствуют, но научно-справочный аппарат оставался явно неразработанным), а зачастую встречались откровенные заимствования. Однако И.Ф. Бларамберг опубликовал своё сочинение в научном издании с претензией на вклад в науку, поэтому замечания рецензента в целом были оправданы. Что до составления военно-статистических обозрений Персии, то активная и систематическая работа в указанном ключе началась с 1880-х гг. [Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. 193 с.; Золотарёв А.М. Военно-статистический очерк Персии. СПб.: Типолитография А.Е. Ландау, 1888. 205 с.; Медведев А.И. Персия. Военно-статистическое обозрение. СПб.: В. Березовский, 1909. 624+4 с.; Риттих П.А. Политико-статистический очерк Персии. СПб.: Типография Н. Финдейзена, 1896. 293 с.]

²⁸² [Бревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 1–32; РГВИА. Ф. 446. Д. 39. Записка о состоянии вооружённых сил Персии. 16 декабря 1863 г. – 30 января 1864 г. 14 л.

²⁸³ Впрочем такое положение сохранялось до конца века.

²⁸⁴ Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). Дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2003. С. 177–178, 215; Шибанов Ф.А. Подготовка картографических кадров в России в XIX и начале XX вв. // Учёные записки Ленинградского государственного университета. 1958. № 226. Серия географических наук. Вып. 12. С. 87.

значительную роль в изучение и картографирование Кавказского края и сопредельных территорий внёс Иероним Иванович Стебницкий (с 1864 г. подполковник, с 1867 г. полковник, а с 1873 г. генерал-майор ГШ). С 1858 г., после окончания Николаевской академии ГШ, он служил по военно-топографической части сначала в Петербурге, а с 1860 г. – на Кавказе. С 1867 г. он возглавил Военно-топографический отдел штаба Кавказского военного округа и занимал эту должность до 1885 г. Именно под его руководством военные топографы штаба округа занимались военно-топографическим изучением сопредельных территорий Ирана²⁸⁶. Под его же руководством была разработана карта Персии с пограничными частями Турции и Афганистана²⁸⁷, составлена 20-вёрстная карта Персии на 12 листах²⁸⁸, а также карта персидского Азербайджана в 1871 г.²⁸⁹. В октябре 1874 г. – январе 1875 г. И.И. Стебницкий с состоявшим по армейской пехоте на вакансии классного топографа в Корпусе военных топографов штабс-капитаном Семёном Яковлевичем Кирпичниковым и энтомологом Густавом

²⁸⁵ Работали они как отдельными группами, так и в составе различных миссий – военных, дипломатических, научных.

²⁸⁶ В частности, вычерчивались и наносились на карты маршрутные съёмки в Персии 1876–1878 гг. ЗВТД. 1880. Ч. 37. Отд. 1. С. 35.

²⁸⁷ Шибанов Ф.А. И.И. Стебницкий – геодезист-картограф и географ, выдающийся деятель Географического общества (к 150-летию со дня рождения) // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. Т. 114. Вып. 5. Л.: Наука, 1982. С. 416–424; ЗВТД 1866. Ч. 27. Отд. 1. С. 11. Закончена она была в 1864 г.

²⁸⁸ Работа была начата в 1870 г. ЗВТД. 1873. Ч. 33. Отд. 1. С. 28. Значение этих карт можно понять, проанализировав имеющиеся в РГВИА карты Персии, изданные до этого. Во-первых, все они были либо неполными, либо составлены невоенными. Во-вторых, это были иностранные карты. В-третьих, большинство из них были составлены в XVIII в. – 1820-х гг. К 1870-м гг., судя по фонду «Персия», в наличие Петербурга имелось только 2 карты Персии 1850-х гг. изданные в Германии и Англии [РГВИА. Ф. 446. Д. 87. Карта Персии, Ирака, Афганистана, Белуджистана. Берлин. 1852 г. 2 л.; Д. 89. Карта Персии, Бухары, Кабула. 1854 г. 1 л.].

²⁸⁹ РГВИА. Ф. 446. Д. 105. Карта персидского Азербайджана. 1871 г. 1 л. До этого карты отдельных частей Ирана также были либо XVIII – первой половины XIX в. (до 1830-х гг.) либо иностранного производства [РГВИА. Ф. 446. Д. 103. Карта персидского Азербайджана и Курдистана. Берлин. Изд. Шроп. 1858 г. 1 л.; Д. 104. Профиль высот и небольшая карта юго-западной части Персии с обозрением процесса горообразования по схемам и данным Т. Коли и другие вспомогательные материалы. Хознаккер Р.Ф. 1846 г. 1 л.; Д. 116. Карта Фарсисстана (Персия). Берлин. Изд. Раймер. 1843 г. 1 л.; Д. 117. Карта части Хорасана, района Астрабад-Шаруд-Мешхед. 1 л.; Д. 119. Карта Хорасана (Северная Персия). Сост. Циммерман. Берлин. Изд. Раймер. 1841 г. 1 л.; Д. 343. Карта Персидского залива. 1932 г. 1 л.].

Ивановичем Сиверсом, по инициативе российской Академии наук, поддержанной Министерством иностранных дел, находился в командировке в Персии для астрономических и картографических наблюдений, результатом которых стал сбор материалов для описания местности от Решта до Тегерана²⁹⁰.

Значительное количество работ по Ирану оставил ещё один топограф – Иван Алексеевич Огранович (Огронович). В 1860 г. он подпоручиком был назначен в Военно-топографический отдел Главного штаба Кавказской армии и служил на Кавказе до конца 1870-х гг. Он изучил персидский язык, интересовался историей ислама, суфийскими орденами, а также сектой бабидов в Персии. В октябре 1863 г. – январе 1864 г. был командирован из Тифлиса в Персию в составе русского посольства для официального уведомления персидского шаха о назначении великого князя Михаила Николаевича Наместником кавказским и командующим Кавказской армией²⁹¹. Свои впечатления и наблюдения изложил в публикации в

²⁹⁰ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 225–227 (Здесь же содержится полный перечень его публикаций); Астрономические и геодезические работы, произведённые окружными Военно-топографическими отделами. Кавказского военного округа // ЗВТД. 1877. Ч. 35. Отд. 1. С. 10; Стебницкий И.И. Приготовления к наблюдениям прохождения планеты Венера; Наблюдение солнечного затмения; Наблюдение прохождения планеты Венера перед диском солнца // Известия Императорского русского географического общества. 1874–1875. Вып. 3. С. 95–134; Стебницкий. Отчёт начальника Военно-топографического отдела Кавказского военного округа ГШ генерал-майора Стебницкого об экспедиции для наблюдения прохождения Венеры перед диском Солнца 26 ноября (8 декабря) 1874 года в г. Тегеран // ЗВТД. 1878. Ч. 36. Отд. 3. С. 87–212]. Тегеран был выбран намеренно. Во-первых, это было самое ясное место в Азии (в Европе такое явление не наблюдалось вообще). Во-вторых, это было своего рода вызовом на постоянные утверждения министра иностранных дел мирзы Хусайн-хана, что «персидское правительство всегда с радостью принимает цивилизованных людей, распространяющих науки и просвещение» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 63].

²⁹¹ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 175. 6 декабря 1862 г. Михаил Николаевич был назначен наместником его императорского величества на Кавказе и командующим Кавказской армией, а 19 апреля 1864 г. он был переименован в главнокомандующего Кавказской армией, а в 1865 г. – в командующего войсками Кавказского военного округа.

«Военном сборнике» в 1866 г.²⁹² Это посольство было отправлено в ответ на приветствие новому наместнику от наследника персидского престола со вступлением в должность. Как и в предыдущих миссиях такого рода, главную роль здесь играли офицеры. Главой посольства был назначен начальник 6-го округа корпуса жандармов в Тифлисе генерал-лейтенант Юлий Фёдорович Минкевиц (Монкевиц), который должен был передать письмо шаху. Его сопровождали: состоящий по армейской кавалерии полковник Евгений Михайлович Понсе (Понсэ), которому было поручено вручить письмо наследнику шахского престола от Михаила Николаевича, первый драгоман при посольстве в Тегеране статский советник Адриан Лаврентьевич Граф, секретарь Бегляров, состоящий для особых поручений в распоряжении начальника Главного штаба и генерал-квартирмейстера Кавказской армии подполковник ГШ Николай Дмитриевич Салацкий (должен был передать сардар-е коллю (главе войск) Азербайджана и части Курдистана и воспитателю персидского наследника Азис-хану письмо с приветствиями от начальника Главного штаба кавказской армии), состоявший при штабе кавказской артиллерии штабс-капитан барон Винспир (Винспир)²⁹³, адъютант тифлисского генерал-губернатора штабс-капитан Николай Дмитриевич Копьёв (Копиев), лекарь Виноградов, личный переводчик Минкевица коллежский ассесор Джалаль-бек Визиров, его адъютант поручик Переяславского драгунского полка Иван Николаевич Рейтер, губернский секретарь Карташёв, И.А. Огранович, 2 фотографа, курьер дипломатической канцелярии, жандарм, 2 урядника и 8 казаков конвоя наместника под командой штабс-капитана Гватуа²⁹⁴.

²⁹² Огранович И. Поездка в Персию в 1863 году. СПб.: б. и., 1866. Оттиск из Военного сборника. 1866. Т. 52. Отд. 2. С. 149–184; 353–385.

²⁹³ К сожалению, человека с такой фамилией нами не обнаружено. Скорее всего, И.А. Огранович ошибся в написании фамилии. Возможно имелся в виду начальник кавказской крепостной артиллерийской школы капитан Вильгельм Адольфович Веверн-второй, который также состоял при штабе начальника артиллерийского управления Кавказской армии.

²⁹⁴ Огранович И. Поездка в Персию в 1863 году. СПб.: б. и., 1866. Оттиск из Военного сборника. 1866. Т. 52. Отд. 2. С. 149–150. С военной точки зрения были описаны пути

В 1869 г. И.А. Огранович был назначен комиссаром для разбора претензий жителей приграничных с Персией районов²⁹⁵, а в 1870 г. участвовал в составлении генеральной карты турецко-персидской границы²⁹⁶. Его перу принадлежали несколько работ военно-географического и отчасти военно-статистического характера, написанные как по личным наблюдениям, так и по русским и иностранным источникам²⁹⁷.

В конце 1860-х гг. Иран посещал офицер ГШ штаба Кавказского военного округа Николай Григорьевич Столетов. В 1860 г. он начал службу на Кавказе, состоял помощником старшего адъютанта штаба, затем – для особых поручений при начальнике штаба, был начальником Закатальского военного отдела. В 1867–1869 гг. он был переведён в штаб Туркестанского военного округа правителем канцелярии военно-народного управления Туркестанской области (05.01.1867), а затем был произведён в полковники ГШ с назначением в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора (30.08.1867). В его послужном списке имеется запись, что Н.Г. Столетов в июне 1867 г. по Высочайшему повелению командирован (временно) в разные азиатские государства. Из командировки он вернулся в октябре 1868 г.²⁹⁸. Очевидно, что ездил он с разведывательной целью и инкогнито. Командирован офицер был по настоянию военного министра в июне 1867 г. в «разные азиатские государства» через Закавказье на южный берег

поездки миссии, виденные её членами персидские воинские части, арсеналы Тебриза и Тегерана, военное училище.

²⁹⁵ Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов. 1822–1872 гг. СПб., 1872. Список № 1. С. 48.

²⁹⁶ Басханов М. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 175.

²⁹⁷ Огранович И.А. Провинции Ардабильская и Серабская. Материалы для географии Персии. Тифлис: Тип. И. Чанцева и Ко. 1876г. 2+95 с.; Огранович Н.А. Провинции Персии Ардабильская и Серабская // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1876. Кн. 10. Вып. 1. С. 141–235; Огранович И.А. Сведения о шахсевенах // Кавказский календарь на 1871. Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1870. Отд. 3. С. 68–84.

²⁹⁸ Сведения сообщены М. Басхановым.

Каспийского моря, якобы по собственным делам. Российскому консулу в Астрабаде (Персия) В.В. Гусеву было сообщено: целью поездки Н.Г. Столетова является изучение восточных языков. Но подчеркивалось, что главное намерение Н.Г. Столетова – ознакомление с положением дел в Средней Азии»²⁹⁹. Для него был оформлен паспорт на имя татарина, а целью поездки обозначено «изучение персидского языка»³⁰⁰. По мнению М.К. Басханова, Н.Г. Столетов занимался сбором сведений о туркменских племенах восточного побережья Каспия и географии и коммуникаций приграничных районов персидско-туркменской полосы в связи с готовившимся занятием Красноводского залива³⁰¹. Е.К. Андреевский, близко знавший Н.Г. Столетова, утверждал, ссылаясь на официальное уведомление о его назначении в 1869 г. начальником экспедиционного отряда для занятия Балханского (Красноводского) залива, что он, «зная восточные языки, посетил в прежнее время часть Персии и Афганистана, а затем, состоя при туркестанском генерал-губернаторе, близко ознакомился с положением дел в Прикаспийском крае и вообще в Средней Азии»³⁰². «В самом начале своей службы Н.Г. Столетов брал три раза отпуск для поездки то в Персию, то в Афганистан и там проживал частным человеком по шесть недель», – отмечал тот же автор.

²⁹⁹ Сулина О. Николай Столетов – военный разведчик. «Путешествие» в Персию URL: <https://vedom.ru/news/2016/10/25/22924-nikolay> (дата обращения: 11.11.2018)).

³⁰⁰ К слову, Н.Г. Столетов изучил и владел персидским и турецким языками, общался и на туркменском. Изучил он их будучи на Кавказе. Его образовательный уровень для того времени был достаточно высоким: он окончил Московский университет по математическому отделению физико-математического факультета со степенью кандидата и Николаевскую академию ГШ [Альманах современных русских государственных деятелей. СПб: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С. 1213; Генерал-майор Н.Г. Столетов // Иллюстрированная хроника войны. Приложение к Всемирной иллюстрации. 1878. № 83. С. 263].

³⁰¹ Сведения сообщены М. Басхановым. Правда, остаётся открытым вопрос, почему для этого необходимо было посылать офицера из Туркестанского военного округа. Восточный Каспий находился в зоне ответственности Кавказского военного округа, из которого планировали и руководили операцией. Возможно, такая комбинация с переводом была сделана для прикрытия поездок Н.Г. Столетова по региону.

³⁰² Андреевский Е.К. Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. 1912. № 10. С. 49.

В Иране Н.Г. Столетов был не дважды – в 1867 г. и в 1868 г.³⁰³, а один раз. По заданию 1867 г. он должен был отправиться через Астрабад в Герат (Афганистан) и, если окажется возможным, в Кашгар (Восточный Туркестан). В конфиденциальном письме говорилось: «путешествие это господин Столетов предпринимает на свой личный страх и ответ, – без прямого участия правительства. Тем не менее, ввиду значительной пользы, которую могут нам принести собранные господином Столетовым сведения во время этого путешествия, правительство наше готово оказать ему возможное содействие»³⁰⁴. Н.Г. Столетов достиг Мешхеда, где пробыл 3 месяца, потом посетил Тегеран, откуда вернулся в Россию. К концу сентября 1868 г. офицер уже находился в Петербурге. После этого, в 1869 г. он был возвращён на Кавказ и возглавил Красноводскую экспедицию. 5 ноября 1869 г. отряд русских войск с Кавказа под командованием Н.Г. Столетова высадился на восточном побережье Каспийского моря под предлогом возведения базы для русских купцов³⁰⁵. Здесь было вновь заложено новое укрепление, получившее название Красноводск (по этому названию были названы залив и экспедиция)³⁰⁶. Красноводск стал в первую очередь, военной

³⁰³ Генерал-майор Н.Г. Столетов // Иллюстрированная хроника войны. Приложение к Всемирной иллюстрации. 1878. № 83. С. 263.

³⁰⁴ Сулина О. Николай Столетов – военный разведчик. «Путешествие» в Персию URL: <https://vedom.ru/news/2016/10/25/22924-nikolay> (дата обращения: 11.11.2018).

³⁰⁵ Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. С. 160; Терентьев М. Хивинские походы русской армии. М.: Вече 2010. С.161–170.

³⁰⁶ Эти территории считали своими как хивинский хан, так и персидский шах, хотя фактически туркмены были независимы от обоих владетелей [Андреевский Е.К. Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. 1912. № 10. С. 48; Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. С. 160]. Персидское правительство считало всех туркмен, живших на восточном побережье в междуречье Атрека и Карасу, своими подданными, а южный берег Каспийского моря до Астары (пров. Гилян) на западе – персидскими владениями. Туркмены же подчиняться власти шаха не желали. Реальный контроль Ирана, Хивы, бухарского и афганского эмиров над туркменскими оазисами определялся способностью соответствующих правителей осуществлять победоносные походы для демонстрации силы или сбора дани [Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. М.: Агент-пресс, 2011. С. 108]. Поэтому долгое время демаркация русско-иранской границы здесь не проводилась [Ниязатов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское

базой для контроля над побережьем, ближними туркменами и как плацдарм для дальнейшего продвижения в глубь Туркмении, а также к Хивинскому ханству. Экспедиция эта имела, помимо всего прочего, военно-научный характер. В течение 1869–1870 гг. Красноводским отрядом производилась рекогносцировка путей до Кизыл-Арвата, в ходе которой был собран богатый материал военного и политического характера. В 1871–1872 гг. район рекогносцировок значительно расширился, и они велись теперь уже по трём направлениям: на северо-восток до Балхан и Сарыкамьшской впадины, на юг в район Атрека и на восток до Кизыл-Арвата. В ходе этих рекогносцировок производился сбор сведений о туркменах, в частности об особенностях жизни и быта кочевников-скотоводов в районе Атрека и Гургана, о маршруте их кочевий, устанавливались связи с туркменским населением, изучались пути сообщения. Из Красноводского отряда также поступали сведения о действиях персидских властей относительно Туркмении³⁰⁷. Территория восточного берега Каспийского моря была разделена между двумя отрядами – Красноводским под руководством Н.Г. Столетова (15 сентября 1869 г. – 16 июля 1871 г.) , и подполковника (а с 1872 г. полковника) ГШ Василия Ивановича Маркозова (командовал 1 год и 8 месяцев, примерно с сентября

востоковедение, 2014. С. 557]. В результате экспедиции 1869 г. между Россией и Персией (как и с Хивой) возникла напряжённость в отношениях.

³⁰⁷ Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 7, 46, 50–60, 63–71, 79–83, 87–91, 95–100, . Сведения также поступали от начальника Астрабадской морской станции и от русского консула в Астрабаде. О Красноводском отряде см.: Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. С. 262–279; Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960; Красноводский отряд в 1869–1870 годах // Военный сборник. 1872. № 3. URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1860-1880/Krasnovod_otriad/text1.php (дата обращения: 01.11.2018); Маркозов В. Красноводский отряд. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря по 1873 г. включительно. СПб.: В. А. Березовский; типография Э. Арнгольда, 1898. 309 с. Персидское правительство заявило российскому посланнику протест. Учитывая сложную политическую обстановку (обострение англо-русских отношений в Центральной Азии, напряжённость в отношениях с Хивой), российское правительство пошло на переговоры. В результате их в 1869 г. было заключено соглашение, по которому Россия определила сферу своего влияния до Атрека и обязалась не возводить никаких военных укреплений в этой местности [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 81].

1871 г. по май 1873 г.)³⁰⁸, и Мангышлакским³⁰⁹, который возглавляли сначала подполковник Николай Михайлович Рукин³¹⁰, а после его гибели и создания отдела и переподчинения кавказскому начальству – подполковник ГШ Павел Ипполитович Кутайсов (с 6 апреля по 10 сентября 1870 г.), состоявший до этого для особых поручений при главнокомандующем кавказской армией и подполковник, а затем полковник ГШ Николай Павлович Ломакин (с 26 мая 1870 г. до 2 мая 1874 г.), состоявший до этого для особых поручений при командующем войсками Дагестанской области. В сферу Мангышлакского отряда, подчинённого начальнику Дагестанской области, входила северная половина – Мангышлакский район, а южная половина – Красноводский район – был в ведении непосредственно штаба Кавказского военного округа, к которому прямо относился начальник Красноводского отряда. «В северном районе меры начальства устремлены были к устройству мирными средствами порядка среди мангышлакского населения; в южном же все действия отрядного начальника ограничивались исключительно военными мерами, без особых усилий достигнуть сближения с туземным населением. Оба эти района действовали совершенно независимо. Даже в таком важном случае, как подготовка Хивинской экспедиции, самостоятельность обеих частей сохранялась вполне, и это отразилось невыгодно на снаряжении и действии отрядов со стороны восточного берега Каспийского моря»³¹¹. Поэтому 15 марта 1874 г. было

³⁰⁸ С марта 1870 г. по май 1872 г. он формально числился старшим адъютантом штаба Кавказского военного округа, а с мая по июнь 1872 г. – начальником штаба 39-й пехотной дивизии. После провала его отряда в мае 1873 г. похода на Хиву в 1873 г. был отстранён от должности и ушёл в отставку.

³⁰⁹ 2 февраля 1870 г. мангышлакское приставство присоединено было к кавказскому наместничеству [Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Тип. П.П. Меркулева, 1875. С. 103].

³¹⁰ Потто В.А. Гибель отряда Рукина в 1870 году // Исторический вестник, № 7. 1900 URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Potto/gibel_rukina.htm (дата обращения: 01.11.2018).

³¹¹ 18 октября 1873 г. Рапорт полковника Генерального штаба А. Проценко начальнику главного штаба генерал-адъютанту Ф. Л. Гейдену о ненормальности существующего административного деления восточного побережья Каспия и необходимости объединения Красноводска и Мангышлака в один отдел // Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 124.

введено в действие приказом военного министра «Временное положение о военном управлении в Закаспийском крае»³¹². Согласно ему Мангышлакский и Красноводский отделы были преобразованы в приставства и объединены в Закаспийский военный отдел. Последний был ограничен территорией от Мёртвого Култука на юг до реки Атрек (границы России с Персией) и от восточного берега Каспийского моря до западной границы Хивинского ханства, а также включал в себя острова, лежащие вблизи его берегов и полуостровов Бузачи и Мангышлак (Кулалы, Святой, Подгорный, Кирел, Долгий и др.) и юго-восточного побережья (острова: Челекен, Огурчинский и др.). Закаспийский военный отдел был причислен к Кавказскому военному округу и подчинён главнокомандующему Кавказской армией как в военном, так и в административном отношении³¹³. Переписку начальник отдела вёл с начальником Кавказского горского управления. Закаспийский военный отдел возглавил полковник ГШ Н.П. Ломакин. С этого времени разведка прикаспийских территорий, туркменских и сопредельных иранских земель перешла в ведение отдела.

Помимо этого, сведения об Иране поступали и от учёных-путешественников. Впрочем, многие из них напрямую были связаны с дипломатическим ведомством. Наибольшую известность из них получил уже упоминавшийся Н.В. Ханыков. В 1852 г., он совершил сравнительно непродолжительную поездку в курдские районы Ирана. Она принесла большую пользу: в то время об этих районах, быте и нравах их население почти ничего не было известно³¹⁴. В 1853 г. он был назначен на должность управляющего генеральным консульством в Тебризе, где пробыл до 1857 г. В сентябре 1857 г. Н.В. Ханыков получил должность драгомана (переводчика)

³¹² 6 марта 1874 г. Временное положение о военном управлении в Закаспийском крае // Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 142–151.

³¹³ Там же. С. 142.

³¹⁴ Ханыков Н. Поездка в персидский Курдистан (из письма к А.В. Головнину) // Вестник императорского русского географического общества. 1852. Ч. 6. Кн. 5. Отд. 5. С. 1–18.

при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел с откомандированием к наместнику кавказскому. Будучи в это время в Петербурге, подал великому князю Константину Николаевичу, управлявшему Морским министерством и Императорским русским географическим обществом, обстоятельную записку о необходимости снаряжения учёной экспедиции в Хорасан³¹⁵. Эта записка «попала в струю»: как раз в это время обсуждался вопрос о посылке через Персию российской миссии в Афганистан. 18 октября 1857 г. царь утвердил проект научно-дипломатической экспедиции. Начальником её был назначен Н.В. Ханьков. В состав экспедиции, помимо учёных³¹⁶, входили 2 военных топографа – унтер-офицеры Павел Игнатъевич Жаринов³¹⁷ и Петров. Экспедиция продолжалась с марта 1858 г. до августа 1859 г. Она посетила Хорасан, Афганистан. Двигаясь через Йезд, Исфахан, Кум, она в начале июня 1859 г. возвратилась в Тегеран, завершив, таким образом, за полтора года путь по замкнутой кривой, охватившей северные, восточные и южные области Ирана³¹⁸. Научные результаты экспедиции были значительными. На карту был нанесен маршрут протяженностью свыше 6 000 вёрст, а топографические съемки, включавшие планы городов и отдельных

³¹⁵ «Относительно же юго-восточной части Персии ни персидская литература, ни исследования иностранцев не представляют нам ничего удовлетворительного», – отмечал Н.В. Ханьков, обосновывая свой проект [Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханьков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. С. 124].

³¹⁶ В частности, астрономическими и магнитными наблюдениями занимался Роберт Эмильевич Ленц [Ленц Р.Э. Исследования в Восточной Персии и в Хератском владении. СПб.: Тип. Акад. наук, 1868. Ч. 1. 158 с.].

³¹⁷ В 1860 г. топограф П. Жаринов вновь посетил Иран, поднявшись на вершину Демавенд (5604 м) хребта Эльбрус [Спутник альпиниста. М.: Физкультура и спорт, 1970. С. 11].

³¹⁸ Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М.: Высшая школа, 1974. С. 230–241; Семёнов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества. 1845–1895. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1896. Т. 1. С. 307–326; Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханьков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. 280 с.; Халфин Н. А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 50-х годов XIX века // Труды среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 78. Исторические науки. 1956. Кн. 13. 86 с.; Ханьков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука 1973. 216 с.

провинций, охватывали площадь 350 000 кв. вёрст³¹⁹. По словам Н.В. Ханькова, «Хорасанская экспедиция первая проникла в эти страны, так сказать, с мерою и весами в руках и первая могла точно нанести на карту эту колыбель иранской национальности». Впервые территория Ирана на значительном ее пространстве была исследована с точки зрения геологического строения, климата, животного и растительного мира³²⁰. Впрочем, результаты экспедиции, обработанные Н.В. Ханьковым, в России он издать не смог: у Русского географического общества не оказалось средств на это, а высшие чины империи и меценаты денег не дали³²¹. Поэтому книга о Хорасанской экспедиции вышла позже в Париже.

Ещё одним учёным-дипломатом, побывавшим в Персии был Пётр Иванович Пашино. После окончания Восточного факультета Петербургского университета, он в 1857 г. поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, подрабатывал преподавателем в Лесном институте, занимаясь параллельно исследованиями и публицистикой. В 1861 г. П.И. Пашино был отправлен в Персию вторым секретарём посольства. Через полтора года пребывания в Персии он взял отпуск и вернулся в Петербург. Он избрал себе путь через Северную Персию, воспользовавшись этим случаем, чтобы с нею ознакомиться. Вернувшись в 1862 г. в Петербург, он начал печатать свои очерки о Персии в различных периодических

³¹⁹ Ханьков Н. Записки по этнографии Персии. М.: Глав. ред. вост. лит. 1977. С. 15. В частности, топографами был проделан большой объём работы [РГВИА. Ф. 446. Д. 124. План г. Астрабада. Съёмка топографов Жаринова и Петрова. 1858 г. 1 л.; Д. 125. Карта окрестностей Астрабада. 1 л.; Д. 135. План города Йезда. Черт. Топографы Жаринов и Петров. 1859 г. 1 л.; Д. 138. План г. Кирмана. Черт. Жаринов. 1859 г. 1 л.; Д. 142. План г. Мешхеда. Черт. топограф Жаринов. 1858 г. 1 л.]

³²⁰ Ханьков Н. Записки по этнографии Персии. М.: Глав. ред. вост. лит. 1977. С. 15–16.

³²¹ Ханьков Экспедиция в Хорасан С. 14–16.

изданиях столицы³²². В 1875 г. П.И. Пашино ещё раз побывал в Персии, на этот раз в южной и как простой путешественник³²³.

В 1860–1861 гг. по инициативе Кавказского отделения Русского географического общества академик Иоганн Альбрехт Бернгард (в России Борис Андреевич) Дорн с доцентом Григорием Ивановичем Мельгуновым предприняли лингвистическую экспедицию в Закавказье и районы Гиляна и Мазандерана для исследования кавказских наречий иранского корня. Маршрут их лежал от Твери по Волге до Астрахани, затем по Каспийскому морю в Баку, а оттуда вглубь Кавказа и Персии³²⁴.

Следует отметить также Павла Ивановича Огородникова, бывшего офицера, уволенного со службы в 1860-х гг.³²⁵. После этого он стал путешествовать, был избран Императорским русским географическим обществом в сотрудники и командирован в северо-восточную Персию. Весной 1874 г. снаряжался торговый караван в Афганистан. По словам самого П.И. Огородникова, предприниматели его обратились с предложением к Географическому обществу, командировать от себя кого-нибудь из членов-сотрудников для научных наблюдений, обязуясь при этом доставить такому лицу все удобства на пути³²⁶. В мае 1874 г. член императорского географического общества П.И. Огородников был отправлен

³²² Пашино П.И. Из воспоминаний секретаря посольства. (О тегеранской жизни) // Колосья. 1887. № 7/8. С. 94–114.

³²³ Гневушева Е.И. Путешествия П.И. Пашино по Персии и Индии // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Издательство АН СССР, 1953. Вып. 2. С. 83–95; Гневушева Е.И. Забытый путешественник. Жизнь и путешествия П.И. Пашино. М.: Географгиз, 1958. 112 с.; Назаров О. Забытый странник // Вокруг света. 1995. № 12 URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1300/> (дата обращения: 01.09.2018).

³²⁴ Иодко О.В. Академик Б.А. Дорн в Петербурге URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-176-3/978-5-88431-176-3_04.pdf. С. 77 (дата обращения: 01.11.2018). Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции. Л.: Ленинградский Гублит. Государственная учебно-практическая школа-типография им. тов. Алексеева, 1925. С. 285–286.

³²⁵ В 1862 г. он был на втором году обучения уволен из Николаевской академии ГШ по политическим мотивам.

³²⁶ Огородников П.И. Страна солнца. Персия: Путевые очерки. СПб.: Тип. В. Демакова, 1881. С. 1.

в составе торгового каравана по маршруту Астрабад – Шахруд – Мешхед – Герат в Кабул, и оттуда обратно в Россию через ущелье Кандуз – Балх – Бухару – Хиву – туркменскую степь в Красноводск. Экспедиция для «естественно-исторических, и этнографических исследований» была рассчитана на 2 года. Выполнить намеченные изыскания в полном объёме не удалось, как отмечал сам П.И. Огородников, по причине крайне плохих условий: отсутствия нормального жилья («одни дырявые сараи, где могут жить только привычные к местному климату люди»), и отсутствия развитой транспортной сети. П.И. Огородников отмечал, что на отрезке Бендер-Гязь – Шахруд «даже верхом не проедешь», и по местным дорогам могут двигаться только ослы и вьючные лошаки. Не проявили интереса к экспедиции и местные власти, не предоставив ей никакой помощи. Поэтому экспедиция, с трудом добравшись до Мешхеда, повернула домой³²⁷. Тем не менее, результатом поездки стало несколько работ, в которых детально описывалась важная для России провинция Ирана – Хорасан³²⁸.

2.2. Миссия В.А. Франкни в Иран

В 1875–1878 гг. произошло новое обострение «Восточного вопроса»³²⁹. Персия оказалась втянута в него не сразу. В отличие от прежних кризисов вопрос о позиции Тегерана встал на повестку дня лишь в начале русско-турецкой войны 1877–1878 гг. К сожалению, политика России и

³²⁷ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 63.

³²⁸ Огородников П. На пути в Персию и Прикаспийские провинции её. СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. 4+331 с.; Огородников П.И. Очерки Персии. СПб.: Ред. журн. Всемирный путешественник, 1878. 4+2+396 с.; Огородников П.И. Страна солнца. Персия: Путевые очерки. СПб.: Тип. В. Демакова, 1881. 4+6+2+355 с.

³²⁹ Историография «Восточного кризиса» 1875–1878 гг. обширна. Своеобразный свод её содержит работа В.А. Золотарёва [Золотарёв В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз Восточного кризиса. М.: Animi fortitudo, 2005. 568 с.]. Из последних работ следует отметить: Косев К., Дойнов С. Освобождение (1877–1878). София: Академично издателство Марин Дринов, 2003. 231 с.

Великобритании относительно Ирана в годы «Восточного кризиса» 1870-х гг. изучена очень слабо³³⁰. Это затрудняет формулировку чётких выводов относительно их методов и задач здесь. Однако очевидно, что в России рассматривали возможность привлечения Персии как союзника в ходе войны с Османской империей, начавшейся в апреле 1877 г. 1877 г. можно рассматривать как начало нового этапа в русско-иранских отношениях. Он характеризовался постепенной всеобъемлющей экспансией России в Иран, стремлением иранского правительства, в силу своей слабости не имевшего возможности к открытому сопротивлению, использовать Россию в качестве противовеса экспансии Великобритании с целью сохранения хотя бы частичной независимости путём игры на противоречиях держав.

В начале 1870-х гг. персидский шах Насреддин в очередной раз решил провести реформу армии по европейскому образцу³³¹. Однако, как и большинство предыдущих попыток, реформирование это дало мало. К 70-м гг. XIX в. персидские вооружённые силы отражали все пороки общества. Невысокая боевая подготовка низшего и командного состава дополнялись коррупцией, что делало армию малопригодной для исполнения возлагаемых на неё функций³³². Тем не менее, амбиции иранского правителя относительно соседних государств и территорий (прежде всего – Османской империи, туркменских и афганских земель) требовали соответствующего

³³⁰ Впрочем, и сам кризис, и война, его завершившая, не смотря на огромное количество исследований, нуждаются в синтетических работах, в которых рассматривались бы все аспекты и отсутствовал европоцентризм.

³³¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 42–44. Детальнее о реформе до 1878 г. и деятельности иностранных военных инструкторов см.: Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 210–213; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 167–171; Тер-Оганов Н.К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1984. 28 с.; Cronin S. Building a new army: military reform in Qajar Iran // War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present. Londres et New York, Routledge, 2008. P. 47–87.

³³² [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 1–32.

военного подкрепления³³³. С началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. появилась возможность реализовать их хотя бы отчасти.

Для России желания шаха оказались как нельзя кстати. Во второй половине марта 1877 г. прибыл в Петербург с поручением от великого князя Михаила Николаевича начальник кавказского горского управления генерал-майор от артиллерии Виктор Андреевич Франкини, «чтобы лично настоять на разрешении провести задуманную кавказским начальством экспедицию от Красноводска к текинцам, на что не последовало высочайшее соизволение в прошлом феврале месяце»³³⁴. В экспедиции вновь было отказано, чтобы не тревожить англичан. 27 марта состоялась аудиенция генерал-майора у императора Александра II, где ему было сообщено об этом решении, а командующему Кавказской армией было послано письмо с указанием на недопустимость какого-либо движения на юг³³⁵. В.А. Франкини же было решено отправить в Иран³³⁶. В конце марта 1877 г.³³⁷ из Министерства

³³³ Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. С. 244.

³³⁴ Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1949. Т. 2. С. 31. Эта экспедиция с одобрения главнокомандующего Кавказской армией была разработана В.А. Франкини в январе 1876 г. Обосновывая её необходимостью «сомкнуть нашу границу и оградить нашу промышленность и торговлю», начальник Горского управления считал необходимым «водворить ныне же в Ахалтекинском оазисе русское правление и оказать той части народа, которая расположена к нам, материальную помощь» [Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. С. 335].

³³⁵ Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1949. Т. 2. С. 38, 263. От имени царя военный министр заявил, что это предприятие может привести к вооружённым столкновениям не только с населением этого оазиса, но и с мервскими туркменами, и сопряжено с крупными расходами. Кроме того, подчеркивал Д.А. Милютин, движение к Ашхабаду сопряжено с «немаловажными политическими неудобствами», так как Ашхабад расположен всего в 360 верстах от Мерва, «этого больного места новейшей среднеазиатской политики Великобритании» [Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. С. 335].

³³⁶ Гоков О.А. Российская военная миссия 1877 г. в Персию // Наука и образование: Материалы VI международной научной конференции. Белово, 2006. Ч. 3. С. 279–282; Гоков О. А. Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // Canadian American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 4. P. 395–414; Гоков О.А. Создание Персидской казачьей бригады // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Харьков, 2003. С. 65–71; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 51.

иностранных дел в Военное министерство было направлено уведомление о том, что император решил «командировать в Тегеран офицера Генерального штаба, который состоял бы при нашем посольстве в качестве военного агента»³³⁸. Офицер должен быть избран главнокомандующим Кавказской

³³⁷ Точная дата не установлена, но известно, что вопросы о посылке военного агента в Тегеран и о снабжении инструкциями посланника в Персии в контексте готовящейся войны с Османской империей обсуждался на севещании при императоре 30 марта 1877 г. и были возложены на военного министра Д.А. Милютина [Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1949. Т. 2. С. 153].

³³⁸ В силу неоднозначности толкования термина «военный агент», следует остановиться на нём детальнее. Понятие это вошло в российский лексикон во второй половине XIX в., когда в Европе появляется военно-дипломатическая должность военного атташе при дипломатической миссии, то есть, офицера, официально прикрепленного к дипломатическому представительству в той или иной стране в качестве военного наблюдателя и советника [Алексеев А. Лексика русской разведки. М.: Международные отношения, 1996. С. 44–47]. В России с 1860-х гг. под военным агентом понимали в первую очередь военного атташе. Место это занимали главным образом, офицеры ГШ. Военные атташе пользовались всеми правами дипломатического корпуса, в политических вопросах зависели от главы дипломатического представительства, а в своей служебной деятельности – от военного министра, а точнее – от главы Военно-учёного комитета Главного штаба, курировавшего деятельность военных агентов в Военном министерстве. Военными агентами именовали также военных представителей, посылавшихся в другую страну для наблюдения за военными действиями, манёврами и т.п. официально. Кроме того существовали т.н. негласные, тайные или секретные военные агенты (термин «секретные» использовался с 1870-х гг, а «негласные» и «тайные» – с 1890-х гг.). Это были офицеры, которые действовали на территории других стран главным образом под видом работников дипломатических представительств России, т.е. неофициально [Болтунов М. Душа разведчика под фраком дипломата. М.: Вече, 2012. С. 19–48; Гоков О.А. Корреспонденты в российско-турецкой войне 1877-1878 гг на Балканском полуострове // Canadian American Slavic Studies. 2007. Vol. 41. № 2. P. 127–186; Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1884. Т. 4. С. 134–135; Ильина Т.Н. Военные агенты Российской империи // Война и оружие: новые исследования и материалы. СПб.: ФГУКиИ «ВИМАИВиВС» МО РФ, 2010. Ч. 1. С. 311–336; Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 701–737; D'Angelo G.A. The Contemporary Role of the Military Attaché: And Problems Relating to the Attainment of a Quality Corps. Texas Tech University, 1972. 240 p.; Persson G. The Russian Army and foreign wars 1859–1871. PhD thesis. London: School of Economics and Political Science, 1999. 208 p.; Persson G. Russian Military Attaches and the Wars of the 1860s // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. Cambridge University Press, 2004. P. 151–167; Vagts A. Military Attache. Princeton: University Press, 1967. P. 3–36]. Именовали военных атташе, преимущественно военными агентами или агентами (корреспондентами) Военного министерства. В международных же документах, написанных на французском языке, в силу французской традиции официальных военных агентов именовали «l'attaché militaire», отсюда и второе их название, прочно закрепившееся в русском языке уже в 1920-е гг. – военный атташе. В советской и постсоветской исторической литературе часть исследователей применяет термин «военный агент» исключительно как синоним военного

атташе. Это понимание отражает практику XX в., но никак не XIX-го и создаёт определённую путаницу и искажение реальной работы российских спецслужб. Так, например, в документах Военного министерства военные представители России в Персии, начиная с 1877 г., именуются военными агентами, хотя полномочиями атташе они не обладали. То же касается негласных военных агентов, которые были на консульских должностях в Османской империи. С другой стороны, понятийной неопределённости способствует и множественность терминов, использовавшихся для определения военных разведчиков в XIX–XX вв., а также перенос учёными понятий XX в. на более раннее время. В итоге, в историографии значение словосочетания «военный агент» стало зависеть исключительно от компетентности и личных предпочтений исследователей. Во избежание неточности в понимании, мы предлагаем следующее определение и градацию, которые основаны на функционально-статусном принципе. Под «военным агентом» мы понимаем военное лицо, посланное официально или неофициально в другую страну с задачами военного характера. Последние не исключают и иных задач (дипломатических, научных), однако являются основным компонентом при отнесении того или иного офицера к военным агентам. Исходя из положения и функций, последние разделяются нами на официальных (гласных, действовавших на основе международного законодательства или межгосударственных соглашений) и неофициальных (тайных, негласных, действовавших под прикрытием другой должности, неофициально). В свою очередь, в каждой из категорий можно выделить по две подкатегории, связанные, главным образом, с длительностью пребывания в стране – постоянные и временные. В данном случае разделение до некоторой степени носит условный характер, однако основано на реальном положении вещей во второй половине XIX в. Среди гласных военных агентов на постоянной основе действовали военные атташе – официальные военные представители России при дипломатических миссиях. С 1863 г. они были выведены из-под контроля Министерства иностранных дел и подчинены военному ведомству [Алексеев А. Лексика русской разведки. М.: Международные отношения, 1996. С. 46]. В 1864 г. офицеры, прикомандированные к внешнеполитическим представительствам получили официальный статус, соответствовавший дипломатическому рангу советника или первого секретаря миссии, и стали числиться в составе дипломатического корпуса [Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М.: Кучково поле, 2007. С. 138; Сергеев Е., Улунян А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М.: Реалии-Пресс, 2003. С. 38; об особенностях их деятельности см., напр.: Каширин В.Б. Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М. Вилком-М, 2014. 632 с.; Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М.: Кучково поле, 2007. 478 с.; Фомин М.М. Русское военно-дипломатическое представительство. Франции в 1870–1914 годах. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 315 с.; Фалько С.А. Российская военно-дипломатическая служба в Китае в эпоху правления Александра III (1881–1894 гг.) // Клио. 2015. № 2 (98). С. 136–145]. Непостоянные гласные военные агенты – это главы или участники военных, дипломатических и прочих миссий и экспедиций, отправлявшихся в различные страны на официальном уровне. К ним также относятся офицеры, командированные на театр боевых действий вне России для наблюдения за их ходом. Постоянные тайные военные агенты, как правило, находились на официальных постах, не связанных внешне с Военным министерством (например, консулы). В рассматриваемое время под ними понимали также иностранцев, согласившихся тайно работать на русскую разведку. Во второй половине XIX в. такие агенты из военных успешно действовали в Османской империи и Персии. Попытка внедрить их в Европе и Китае в 1890-х гг. окончилась неудачей [Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., Евразия плюс, 1998. Т. 1. С. 90–95;

армией». Предлагалось указать рекомендованные кандидатуры и предоставить справку о них³³⁹.

Практически сразу из Военного министерства за подписью Д.А. Милютина была отправлена зашифрованная телеграмма главнокомандующему Кавказской армией великому князю Михаилу Николаевичу, в которой военный министр писал следующее: «высочайше повелеваю командировать в Тегеран в качестве военного агента опытного офицера ГШ, уже знакомого с соседними азиатскими странами и восточными делами. Кого угодно будет Вашему Высочеству избрать из числа состоящих при Кавказской армии будет дана посланнику нашему в Тегеране инструкция относительно ... назначения означенного офицера»³⁴⁰. 3 апреля последовал ответ: «главнокомандующий назначил бы командировать в Тегеран вместе с генералом Франкини ГШ капитана Гибера, который мог бы там оставаться, когда сей последний должен был ожидать приказаний и инструкций»³⁴¹. В Главном штабе такое предложение нашло поддержку. Как сообщал в начале апреля 1877 г. его начальник начальник Главного штаба генерал от инфантерии Фёдор Логгинович Гейден товарищу министра иностранных дел и управляющему Азиатским департаментом Николаю Карловичу Гирсу, В.А. Франкини было решено направить в Иран «только на короткое время». После его отъезда предполагалось оставить при дипломатической миссии сопровождавшего его офицера Генштаба³⁴². Александр II одобрил

Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке, 1895–1904 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 213 с.; Добычина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 годах // Отечественная история. 2000. № 4. С. 161–170; РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 530. О командировании в Маньчжурию негласного военного агента ГШ полковника Скерского. 29 февраля 1899 г. – 5 октября 1902 г. 95 л.]. Непостоянные тайные военные агенты – это офицеры, временно пребывавшие в той или иной стране с военным заданием, но под чужим видом или под своим именем, но не афишируя цель поездки.

³³⁹ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Проект инструкции Военно-ученого комитета военному агенту в Тегеране Франкини о доставлении им сведений о персидской армии; докладная записка Франкини о состоянии вооружённых сил Персии. Л. 1.

³⁴⁰ Там же. Л. 4–5.

³⁴¹ Там же. Л. 6.

³⁴² Там же. Л. 14.

назначение, о чём Д.А. Милютин сообщил в Тифлис: «предложение Его Высочества относительно командирования военного агента в Тегеран высочайше одобрено. От Министерства иностранных дел дана посланнику инструкция»³⁴³.

Военную миссию составили начальник кавказского горского управления генерал-майор от артиллерии Виктор Андреевич Франкини и капитан ГШ Владимир Иванович Гибер фон Грейфенфельс. В помощь им были прикомандированы поручик Велибегов и подпоручик Корпуса военных топографов Дмитрий Михайлович Лупандин³⁴⁴.

Остановимся несколько подробнее на личности главы миссии – генерал-майоре В.А. Франкини. Предки В.А. Франкини (1820 (1823)–1892) имели итальянские корни. Сам он родился в России, был воспитанником артиллерийского училища, по его окончании служил в гвардейской артиллерии (с 1844 г.), участвовал в военных действиях в Крыму (оборона Севастополя) во время Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. «За отличие в сражении» в апреле 1856 г. произведён штабс-капитаном. После окончания войны, в июне 1856 г. был назначен состоять при Императорской миссии в Константинополе корреспондентом военного ведомства, то есть официальным представителем российского Военного министерства³⁴⁵. В.А. Франкини участвовал в летней экспедиции 1859 г. на Кавказе, штурме аула Гуниб, присутствовал при пленении Шамиля. Свою должность он занимал до 1870 г., дослужившись до генерал-майора (с 1868 г.), фактически курируя российскую военную разведку в Османской империи. В частности,

³⁴³ Там же. Л. 7. Таким образом, впервые был поднят вопрос о создании при русской дипломатической Миссии должности постоянного военного агента [Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 110].

³⁴⁴ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Проект инструкции Военно-ученого комитета военному агенту в Тегеране Франкини о доставлении им сведений о персидской армии; докладная записка Франкини о состоянии вооружённых сил Персии. Л. 6.

³⁴⁵ Официально его должность именовалась «корреспондент Военного министерства при Императорской Российской миссии в Константинополе», то есть, согласно предложенной нами градации, В.А. Франкини был постоянным негласным военным агентом.

он занимался сбором сведений о Малой Азии, в том числе и через назначенных в города Анатолии консулов и корреспондентов, получая от них сведения через Миссию в Тегеране³⁴⁶. Успешной работе В.А. Франкини способствовало знание им восточных языков³⁴⁷. С 1871 г. он был переведен в распоряжение главнокомандующего Кавказской армии, а с 1872 г. назначен заведующим Кавказским горным управлением на Кавказе. Назначение В.А. Франкини на Кавказ состоялось по инициативе Д.А. Милитюна, лично знавшего и хорошо осведомлённого о его деятельности в Турции на посту военного агента. Направление В.А. Франкини на Кавказ усиливало кадры специалистов по Турции, что было важно в связи с развертыванием программы штаба Кавказского военного округа по изучению сопредельных территорий Османской империи и Персии³⁴⁸.

Как видим, вся биография В.А. Франкини свидетельствует, что, выбирая его в качестве главы военной миссии, кавказское начальство во главу угла ставило профессионализм и интересы дела. То же можно сказать и относительно второго по значимости офицера, намеченного в качестве военного агента – В.И. Гибер фон Грейфенфельса³⁴⁹. Он, как и В.А. Франкини, был артиллеристом – учился в Михайловском артиллерийском училище, служил во Второй резервной конно-

³⁴⁶ Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 30. Здесь он ошибочно именуется Франклином.

³⁴⁷ Исторический вестник. 1893. Т. 50. № 10. С. 280. Точно известно, что он знал турецкий язык.

³⁴⁸ Сведения сообщены М.К. Басхановым. Исторический вестник. 1893. Т. 50. № 10. С. 279–280; Скрицкий Н.В. Балканский гамбит. Неизвестная война 1877–1878 гг. М.: Вече, 2006. 432 с. С. 73. После возвращения из Персии в январе 1878 г. В.А. Франкини был назначен губернатором новоприобретённой Карсской области, и эту должность занимал до 1881 г., когда покинул её, уехав в Италию. Здесь он проживал до самой смерти в 1892 г. [Письма Н. П. Ломакина консулу Ф. А. Бакулину (о среднеазиатских делах). 1874–1878. С примечаниями В. А. Алексеева. СПб.: Тип. П. Усова, 1914. Примечание 9].

³⁴⁹ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. Особое приложение. С. 168. Поскольку имя-отчество его нигде не было указано, а фамилия в документе была написано неразборчиво, то первоначально мы атрибутировали его неверно, как Алексея Григорьевича Гибер фон Грейфенфельда [Гокос О.А. Россия, Иран и «Восточный вопрос» в 1850-х–1870-х гг. URL: [http://tricolor.org/history/voen/form/18_03_2103/2/\(дата обращения: 01.11.2018\)](http://tricolor.org/history/voen/form/18_03_2103/2/(дата%20обращения:01.11.2018))].

артиллерийской бригаде. В 1874 г. окончил Николаевскую академию ГШ, после чего в 1875 г. был зачислен состоять по ГШ. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В.И. Гибер фон Грейфенфельс занимал должность штаб-офицера над вожатыми при штабе Действующего корпуса на кавказско-турецкой границе, то есть был начальником военной разведки³⁵⁰.

В апреле 1877 г. офицеры отправились в Персию. Общие их задачи были определены в «Проекте инструкции военному агенту в Тегеране», составленной в Военном министерстве. «Военному агенту в Персии, – было зафиксировано в ней, – доставлять наивозможно точные и положительные сведения о ... : 1) числе, состоянии, устройстве и расположении сухопутных сил Персии; 2) о силе и количестве, качестве иррегулярной кавалерии различных племён, подчинённых Персии, и особенно племён (курдов) турецко-персидской границы; 3) о способах производства к пополнению и усилению вооружённых сил ... и снабжения войска оружием и другим военным (неразборчиво – О.Г.); 4) о различных передвижениях войск ... и истинные их цели; 5) о качествах и недостатках устройства тактического обучения всех трёх родов оружия ... б) о духе войск и о влияниях, которым подчиняются главные воинские начальники, а равно и о лицах в персидской армии, которые пользуются наибольшим доверием войска и по своим контактам могли бы быть употреблены с наибольшей пользою для командования войсками или для военного управления; 7) о состоянии различных частей военного управления, как то: артиллерийской, инженерной, интендантской и медицинской, их качествах и недостатках; 8) о всех ... полезных для составления стратегического обзора и исправления карты Персии, составленной в топографическом отделе Кавказского военного округа. Эти сведения должны иметь в виду одну страну и пути пограничной с Россией и Турцией полосы, а именно: а) театр против России (весь Азиатский), в) северный театр против Турции ... с) южный театр против

³⁵⁰ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. Особое приложение. С. 168.

Турции ... Сюда должны относиться и данные для составления сборника маршрутов по Персии, преимущественно от наших сухопутных пределов и каспийских к Тегерану; 9) о продовольственных и перевозочных средствах пограничного театра Персии с Россией и Турцией; 10) о персидско-турецком Курдистане, его племенах, их численности и относительной важности их шейхов и аг; 11) о деятельности иностранцев в Персии, в особенности же англичан. Затем, на случай возможного разрыва Персии с Турцией, на военного агента возлагается собирание и доставление ... сведений: 1) о числе войск, которые Персия может выставить для действий наступательных, о распределении сил войск на отряды и о их начальниках; 2) о численности и передвижении турецких войск в пограничной с Персией полосе, а именно в районах Баязидском, Ванском и Багдадском, в особенности в тех видах, чтобы можно было судить, насколько разрыв с Персией отвлечёт турецкие силы от наших пределов»³⁵¹. Донесения офицер должен был писать на русском языке. «Из них должны быть доставляемы: а) в Главный штаб и штаб Кавказского военного округа в определённые сроки к 1 января, к 1 марта и к 1 сентября – общие ведомости о составе, численности и расположении армии и, по мере собирания сведений, донесения о всех изменениях в армии, затрагивающих внимание; б) на имя военного министра и главнокомандующего Кавказской армией с подписью секретно по предметам политическим или административным, заслуживающим особого внимания»³⁵². «Все означенные сведения должно собирать с самую строгую осмотрительностью и тщательно избегать всего, что могло бы навлечь малейшее подозрение местного правительства во всём, что не касается прямой его пользы», – предписывалось «Инструкцией»³⁵³. В.А. Франкини следовало ознакомиться с состоянием каджарской армии, «ожидать приказаний и инструкций» а после – возвратиться в Россию для

³⁵¹ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Проект инструкции Военно-ученого комитета военному агенту в Тегеране Франкини о доставлении им сведений о персидской армии; докладная записка Франкини о состоянии вооружённых сил Персии. Л. 11–12.

³⁵² Там же. Л. 12–13.

³⁵³ Там же.

предоставления отчёта о проделанной работе. С его отъездом место военного агента должен был занять В.И. Гибер фон Грейфенфельс³⁵⁴.

В.А. Франкини успешно справился с поставленной перед ним задачей. По приезде в Иран он был представлен Насреддин-шаху российским посланником А.И. Зиновьевым. По словам офицера, шах попросил его изучить недостатки своей армии и представить ему проект её переустройства. Генерал-майор детально ознакомился с персидскими вооружёнными силами. «Дальнейшее своё знакомство по настоятельной просьбе шаха с организацией персидской армии, – писал он в своём рапорте на имя помощника командующего Кавказской армией генерал-адъютанта князя Дмитрия Ивановича Святополк-Мирского от 29 августа 1877 г.³⁵⁵, – частые поездки в расположенный под Тегераном лагерь ... осмотр арсенала ... убедили меня, что персидская армия ... существует только на бумаге, и что вся деятельность военных властей направлена на то, чтобы держать шаха в заблуждении, между тем, как отпускаемые на содержание армии суммы бессовестно расхищаются»³⁵⁶. В своём рапорте В.А. Франкини высказал предположение, что шах скорее всего попросит его участвовать дальнейшей реализации проекта военной реформы. Генерал спрашивал, как ему поступить, если таковое предложение последует³⁵⁷. Давая рекомендации на случай положительного ответа, В.А. Франкини отмечал, что «участие наше в устройстве вооружённых сил Персии и должно само по себе упрочить наше влияние ... реформа, предпринятая особо руководством русских офицеров не может потерпеть неудачи; она должна быть ведена с настойчивостью и последовательностью»³⁵⁸.

Его предположение подтвердилось – шах действительно предложил генерал-майору составить проект о переустройстве вооружённых сил Персии, что и было сделано. Однако прямого ответа на вопрос русского

³⁵⁴ Там же. Л. 14.

³⁵⁵ Все даты в тексте даны по старому стилю.

³⁵⁶ Там же. Л. 17.

³⁵⁷ Там же. Л. 17–18.

³⁵⁸ Там же. Л. 18.

военного представителя в документах, изученных нами, не содержится. Известно, что «Записка о состоянии вооружённых сил Персии и о необходимости реорганизации персидской армии» была составлена и подана на рассмотрение шаху Насреддину 20 октября 1877 г.³⁵⁹ Однако В.А. Франкини после выполнения своего задания в Персию не вернулся. Что касается качества проделанной генерал-майором работы, то вот как характеризовал его деятельность в своём донесении военному министру от 24 января 1878 г. великий князь Михаил Николаевич (опиравшийся, помимо прочего, на мнение российского посланника И.А. Зиновьева): «Выгодное впечатление, произведённое с первого раза на шаха, крайне облегчило ему доступ к исследованию военной организации Персии ... (В.А. Франкини – О.Г.) принёс существенную пользу в отношении объяснений, которые он давал шаху и его министрам, о ходе военных событий (речь идёт о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – О.Г.). Объяснения эти ... постоянно поддерживали шаха убеждённым в несомненном торжестве русского оружия, парализуя все попытки недоброжелателей наших убедить шаха в неудачах ... Деятельность генерал-майора Франкини подготовила почву для будущих военных агентов наших в Персии, т. к. выгодное впечатление, произведённое его пребыванием в Тегеране, служит залогом того, что военные агенты наши будут встречаться с полным доверием»³⁶⁰.

³⁵⁹ РГВИА. Ф. 446. Д. 42. Записка генерал-лейтенанта Франкини шаху Назр Эдину о состоянии вооружённых сил Персии и о необходимости реорганизации персидской армии.

³⁶⁰ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Проект инструкции Военно-ученого комитета военному агенту в Тегеране Франкини о доставлении им сведений о персидской армии; докладная записка Франкини о состоянии вооружённых сил Персии. Л. 21–23. Работа, проделанная В.А. Франкини, была по достоинству оценена и на Кавказе, и в Петербурге. Ходатайство великого князя от 24 января 1878 г. о присвоении ему звания генерал-лейтенанта [Там же. Л. 23] было в том же году (4 апреля 1878 г.) удовлетворено [Список генералам по старшинству. Исправлен по 1-е июля 1878 г. СПб.: Военная типография, 1878. С. 433; Список генералам по старшинству. Исправлен по 1-е сентября 1880 г. СПб.: Военная типография, 1880. С. 433]. В следующий чин – подполковника ГШ – был произведён и В.И. Гибер фон Грейфенфельс [Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1878. Отделение третье. С. 98].

По прибытии в Россию осенью 1877 г.³⁶¹ генерал-майор предоставил сначала главнокомандующему Кавказской армией, а затем в Военное министерство аналитическую записку о состоянии персидских войск, составленную им 20 сентября 1877 г. на основе августовских наблюдений в Зергенде – летней резиденции русской дипломатической миссии «считающейся русской территорией и лежащем в 11 верстах от Тегерана»³⁶². В ней были детально разобраны все составляющие иранской военной системы в связке с социально-экономическими и политическими проблемами страны. В заключении В.А. Франкини подвёл итог своей работе. Он отметил, что содержание армии стоит казне до 3,5 куруров или 1 750 000 туманов в год (из общей суммы государственных доходов в около 8 куруров (до 40 млн франков) в год³⁶³). «Приняв наличную численность армии ... в 40 000 человек и оценив без преувеличения в ½ курура деньги и натуральные повинности, лежащие на сельских обществах по сдаче и содержанию рекрутов, – констатировал генерал-майор, – мы убедимся, что персидская армия стоит государству до 4 куруров, то есть 2 миллиона туманов или 20 миллионов франков. Если же, с другой стороны, вспомним, что 100-тысячная

³⁶¹ Точно сказать, когда именно это произошло, нам сложно. Но точно в промежутке между октябрём – началом декабря. На это указывает ссылка в публикации записки В.А. Франкини о состоянии иранской армии, где отмечено, что командировка его состоялась в 1877 г. [Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 1]. Что касается В.И. Гибера фон Грейффенфельса, то он, по всей видимости, оставался в Иране до окончания войны. На это косвенно указывает официальное издание 1878 г., где произведённый в подполковники ГШ офицер, состоя при штабе округа, числился в командировке [Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1878. Отделение третье. С. 98]. В публикации же следующего, 1879 г., В.И. Гибера фон Грейффенфельса был обозначен исполняющим должность начальника штаба 3-й Кавказской кавалерийской дивизии [Кавказский календарь на 1880 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1879. Отделение третье. С. 136] т. е. на Кавказ он уже вернулся.

³⁶² Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. С. 153; РГВИА. Ф. 446. Д. 41. О нынешнем состоянии персидской армии. Докладная записка генерал-майора Франкини его императорскому высочеству главнокомандующему Кавказской армией Л. 25–83; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 1–34.

³⁶³ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 1.

бельгийская армия поглощает лишь 1/5 всех доходов, и что в Персии силы населения, промышленность, торговля и все источники народного богатства истощаются, то нельзя не прийти к заключению, что Персия разоряется на военные издержки и при том не имеет ни одной организованной боевой части ... Что касается до нравственности персидской армии, то ... продажность господствует всюду до высших ступеней военной иерархии»³⁶⁴.

Таким образом, миссия В.А. Франкини подготовила почву для усиления военного влияния России в Персии. Вопрос о нём, судя по косвенным сведениям, почерпнутым из документов, связанных с деятельностью миссии, кавказским руководством рассматривался. Следует высказать также несколько соображений по поводу целей российских офицеров в Иране. Как нам представляется, значение миссии в контексте русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и «Большой игры» недооценено исследователями. Внешняя политика России в период «Восточного кризиса» 1875–1878 гг. изучена довольно однобоко: если балканское направление имеет богатую литературу, то восточное, разработаны недостаточно. Об этом свидетельствует хотя бы сравнительно недавнее повторное «открытие» миссии генерал-майора ГШ Николая Григорьевича Столетова в Афганистан в 1878 г. и связанных с ним военных манёвров войск Туркестанского военного округа³⁶⁵, а также посылка экспедиции Николая Михайловича Пржевальского в Тибет в 1878 г.³⁶⁶. Заведующий Азиатской частью Главного

³⁶⁴ Там же. С. 29–30.

³⁶⁵ «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. 358 с.; Загородникова Т. «Индийский поход» Александра II и его последствия // Азия и Африка сегодня. 2005. № 11. С. 51–53; Загородникова Т. «Индийский поход» русской армии и миссия генерала Н.Г. Столетова в Кабул. Восток. 2006. № 4. С. 21–36; Смирнова Л.М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 90–101. Впервые в советской историографии в контексте «Восточного вопроса» миссия была детально рассмотрена Ф. Юлдашбаевой [Юлдашбаева Ф. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии 70–80-е годы XIX в. Ташкент: Госиздат УзССР, 1963. С. 96–111], но впоследствии вплоть до 2000-х гг. русскоязычными исследователями акцент делался на её значение для англо- и русско-афганских отношений.

³⁶⁶ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 62. Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и верховья Жёлтой реки. СПб.:

штаба полковник ГШ Алексей Николаевич Куропаткин в записке по афганскому вопросу от 25 ноября 1878 г. выразился по этому поводу достаточно ёмко. Цель российского движения в глубь Средней Азии он видел в занятии здесь Россией сильной позиции. Это «одно из средств облегчить выполнение общей исторической задачи России – разрешение согласно славянских интересов Восточного вопроса»³⁶⁷.

Миссия В.А. Франкини, по нашему мнению, была одной из акций внешнеполитического и, отчасти, военного обеспечения грядущей войны, подобной тем, что предпринимались с 1876 г. на Балканах³⁶⁸. Разработчик плана войны с Османской империей на Кавказском театре генерал-майор ГШ Сергей Михайлович Духовской писал: «Мы строим наши военные соображения на предположении, что ныне опасность Закавказью ожидается с запада и юго-запада, со стороны Турции, в союзе с которой могут находиться и западные европейские державы, что со стороны Персии опасности не предвидится»³⁶⁹. Иран действительно в военном отношении не представлял для русской армии серьёзной угрозы при столкновении один на один³⁷⁰. Не

Русское географическое Общество, 1883. [6], IV, II, 476 с. Хотя проект Д.А. Милютин не нашёл поддержки Министерства иностранных дел, тем не менее, военные в Тибет были отправлены. В 1879–1880 гг. своё третье путешествие по Центральной Азии совершил полковник ГШ Николай Михайлович Пржевальский. Правда, Лхасу ему посетить так и не удалось: местные власти отказались пустить его туда [Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Нартанг, 2006. С. 60–62; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 48–49; Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии 1879–1880. М.: Географгиз, 1948. 408 с.].

³⁶⁷ «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 235.

³⁶⁸ Гоков О.А. Офицеры российского Генерального штаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове // Дриновский збірник/Дриновски сборник. 2007. Т. 1. С. 113–115, 122–123; Золотарёв В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. — апофеоз восточного кризиса. М.: Animi Fortitudo, 2005. С. 15–16.

³⁶⁹ Мегрелидзе Ш.В. Грузия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Батуми: Госиздат Адж. АССР, 1955. С. 32; Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 75.

³⁷⁰ Хотя в этом смысле тезис Шамше Варфоломеевича Мегрелидзе, что причиной военной слабости была небольшая численность иранской армии (60 000), представляется неполным. Важно было не количество, а качество войск и управления ими. Слабость

был также так актуален для российского командования, как перед Крымской войной 1853–1856 гг., и вопрос о пограничных с империей Романовых курдских племенах³⁷¹. Однако позиция тегеранского двора играла определённую роль в выработке стратегии войны на Кавказском театре. В случае враждебного отношения персидский монарх мог вновь, как это бывало в первой половине столетия, подпасть под влияние англичан. Результатом могла быть реальная угроза для российских границ не столько со стороны регулярной иранской армии, сколько со стороны подстрекаемых шахским двором и его ставленниками в провинциях пограничных кочевых племён. Это, в свою очередь, отвлекло бы с театра войны с Портой часть сил Кавказского корпуса, что неблагоприятно сказалось бы на ходе военных действий. Посылка военной миссии перед войной и задачи, поставленные перед В.А. Франкини, свидетельствуют о том, что российское кавказское командование рассчитывало если не привлечь Иран в качестве союзника, то, по крайней мере, нейтрализовать его. В письме заместителя на Кавказе Д.А. Милютину была чётко сформулирована политическая цель военной миссии. Она состояла «в оценке совместно с посланником в Персии, той доли содействия, которую мы, при известном императорскому кабинету благоприятном настроении персидского правительства, могли бы получить от Персии в настоящей войне»³⁷².

Это было особенно актуально, исходя из опыта войн с Османской империей первой половины XIX в., когда западные державы пытались

иранской армии была достаточно известна в России. Именно поэтому тут долгое время не было должности постоянного военного агента, да и негласных агентов Россия здесь не держала с 1850-х гг. Но сведений подробных и новых об иранской армии не было. «Разведка» же В.А. Франкини подтвердила, что каджарские вооружённые силы оставляли желать лучшего.

³⁷¹ Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900. С. 158–177; Халфин Н.А., Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 102–105.

³⁷² РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Проект инструкции Военно-ученого комитета военному агенту в Тегеране Франкини о доставлении им сведений о персидской армии; докладная записка Франкини о состоянии вооружённых сил Персии. Л. 20.

вовлечь в них Персию на стороне турок. В 1877–1878 гг. Англия также стремилась создать на Востоке антиросийскую коалицию, а английский посланник в Тегеране пытался столкнуть Россию и Иран по вопросу о туркменских землях³⁷³. Несмотря на религиозную вражду между указанными суннитскими государствами и шиитской Каджарской монархией, усиление здесь присутствия англичан сформировало бы враждебный для России пояс стран на её южных границах и угрожало бы стабильности среднеазиатских владений империи.

В научной литературе существует мнение, что Насреддин-шах «пожелал вступить в войну на стороне России, однако Александр II выразил желание, чтобы Иран оставался нейтральным, что было в той ситуации для России выгодным, так как ей не пришлось бы тогда держать на границе с Ираном значительную часть войск»³⁷⁴. К сожалению, оно не подкреплено ссылками на источники. Советский историк Н.А. Халфин утверждал (также без указания источника), что «на протяжении всей войны 1877–1878 гг. шахские власти добивались заключения военного союза с Россией, однако встречали мягкий, завуалированный, но всё же решительный отказ»³⁷⁵. Эти утверждения нуждаются в детализации. В частности, не совсем ясно, от кого именно исходила идея участия Ирана в войне с Турцией на стороне России. Выдержки из донесений российского посланника в Тегеране И.А. Зиновьева,

³⁷³ Ахмеджанов Г.А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент: Фан, 1971. С. 60–62; Васильев А.Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М.: Ин-т востоковедения РАН, ПРОБЕЛ-2000, 2014. С. 167; Гончаренко А.В. Заострения британо-росийских протиріч у Східному питанні в період російсько-турецької війни 1877–1878 рр. // Сумська старовина. 2009. № 28/29. С. 95–105; Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 153–351; Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина, новая серия. 1957. Вып. 110: Исторические науки. Кн. 24. С. 5–125; Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 197–216.

³⁷⁴ Сухоруков С.А. Иран: между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб.: Алетей, 2009. С. 131.

³⁷⁵ Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 104.

которые приводил в своей работе Ш.В. Мегрелидзе, свидетельствуют о том, что в начале войны Насреддин-шах фактически занял позицию, подобную предложенной его первым министром в период Крымской войны. Майское сообщение И.А. Зиновьева доказывает, что персидский правитель отнюдь не был настроен очертя голову втягиваться в развернувшиеся события. «Шах по-прежнему полагает, – писал посланник, – что ещё не настало время для вмешательства Персии в войну, держась мнения, что одно лишь заключение с Россией наступательного и оборонительного союза, обеспечивающего Персию от территориального ущерба, в состоянии вывести Е.В. из выжидательного положения»³⁷⁶. Идею привлечения Тегерана к войне на стороне России, судя по всему, И.А. Зиновьев первоначально поддерживал и даже склонял к этому правителя Персии³⁷⁷. Видимо, и на Кавказе, и в Петербурге нашлись её сторонники. Н.К. Тер-Оганов также указывает, что посылка военной миссии была инициирована кавказской администрацией с целью уговорит иранского правителя присоединиться к России в войне с Турцией или сохранить благожелательный нейтралитет³⁷⁸. Однако Насреддин-шах настаивал на заключении письменного договора, в то время, как русские представители обещали, что «его “рвение” и дружественная позиция “найдут вознаграждение” во время переговоров о мире»³⁷⁹.

Сложно с уверенностью утверждать, каким именно способом стороны пришли к соглашению. Непосредственный ход дипломатических переговоров и манипуляций требует отдельного детального рассмотрения с привлечением документов российских и иранских архивов (если таковые имеются), что мы, к сожалению, сделать не в состоянии. Однако можно

³⁷⁶ Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 76.

³⁷⁷ Там же. С. 75.

³⁷⁸ Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. С. 110.

³⁷⁹ Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 104.

смело утверждать, что Ирану было выгоднее сотрудничество с Россией, чем противостояние. Не вызывает сомнения, что сам Насреддин-шах «предлагал свои услуги царю, надеясь на справедливый раздел турецких владений после разгрома Турции, в котором он не сомневался»³⁸⁰. Для тегеранского правительства актуальным оставался вопрос о границе с Османской империей и о принадлежности курдских племён на ней. Пользуясь успехами русских войск, шах желал решить эту проблему в свою пользу³⁸¹. Насколько заинтересованы были в Тегеране «урвать кусок» от турецких владений, свидетельствует временное затухание интереса шахского двора к проблеме принадлежности туркменских земель. В частности, министр иностранных дел Ирана отказался выразить протест против наступления русских войск по долине р. Атрек в середине 1877 г., на котором настаивал британский представитель в иранской столице Рональд Ф. Томсон. Шах также не захотел вступать в полемику с русскими из-за спорных районов³⁸².

В свою очередь, российские власти также нуждались в благожелательном отношении Ирана. В связи с активной антироссийской политикой Великобритании в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., особенно в первой половине 1878 г. было скорректировано и мнение российского правительства относительно действий на Среднем Востоке. Внешняя политика британских кабинетов отличалась прагматизмом и основывалась на беспринципности. Широко известна речь лорда Пальмерстона в Палате общин, сказанная им в 1848 г. «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их – наш долг», заявил он³⁸³. В этой фразе было выражено кредо британского внешнеполитического мышления и действия в течение всего

³⁸⁰ Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 200.

³⁸¹ Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 104.

³⁸² Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 200.

³⁸³ Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.

XIX в. Этот прагматизм был характерен для буржуазного мышления, отрицающего любые идеалы ради выгоды. Заявляя о своей стране, как о христианской и носителе цивилизации, английские политики, военные, да и простые подданные действовали вне Европы (хотя отчасти и в Европе) отнюдь не по-христиански, а их «цивилизованные» методы включали в себя уничтожение целых народов, захват громадных территорий, уничтожение самобытных культур и лицемерие. Примером тому могло служить заявление королевы Виктории по поводу болгарской резни, устроенной турками в 1875 г.³⁸⁴. «Никто в Англии не согласится, чтобы наши честь и интересы были пожертвованы ради болгарских жестокостей», – заявила она³⁸⁵. К тому же во второй половине века, особенно в 1870-х гг., «британская дипломатия попыталась на почве взаимной антироссийской неприязни и боязни «оживить» естественное соперничество сопредельных с Россией государств: Османской империи, Ирана и азиатских ханств. С 50-х гг. XIX в. британские власти стали «прилагать усилия для сближения позиций восточных государств и укрепления политических связей правительства Османской империи с иранскими и азиатскими структурами»³⁸⁶.

На особом совещании в присутствии императора 8 апреля 1878 г. было отмечено, что «оставаться нам совершенно пассивными на среднеазиатских границах решительно неудобно, а, напротив, для предупреждения возможных замыслов английского правительства относительно нас в Средней Азии (Центральной Азии – О.Г.) и для угрозы собственным его интересам в Ост-Индии следует нам принять ныне же надлежащие меры как

³⁸⁴ Численность погибших болгар определяется историками и современниками от 25 до 40 000 [Чорній В.П. Болгарія напередодні російсько-турецької війни 1877–1878 рр. // Харків; Софія : Акад. вид-во ім. М. Дринова, 2007. Т. 3. 2009. С. 14].

³⁸⁵ Канева К. Рыцарь Балкан. Граф Н.П. Игнатъев. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 3.

³⁸⁶ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 37. Детальнее см.: Там же. С. 37–75. Особое внимание, в отличие от российских коллег, британские представители уделяли налаживанию контактов с иранским духовенством, которое представляло в стране «теневую» власть. «Foreign office» намеренно шел на расширение таких связей в надежде использовать духовных лидеров в борьбе с русским влиянием в стране.

со стороны Туркестана, так и со стороны Каспийского моря»³⁸⁷. Вопрос относительно Ирана рассматривался здесь активно. Именно на этом совещании было выдвинуто тайным советником бароном Николаем Егоровичем Торнау предложение, которое на тот момент было признано неудобноисполнимым, но уже с 1880-х гг. в целом становится доминирующим во взгляде на Иран. Он предложил обменять Астрабадский округ у Ирана на округа Кербела и Неджеф, «которые полагалось бы приобрести от Турции за подлежащую часть контрибуции», а также получить от Персии разрешение на право прохода российских войск через Хорасан по направлению к Герату³⁸⁸. Предложение было отвергнуто, поскольку требовало больших политических и экономических затрат. В случае военного движения русских войск со стороны Каспийского моря было решено избрать путь помимо иранских пределов³⁸⁹.

Тем не менее, уже с конца 1870-х гг. начинается продвижение России в сторону туркменских земель, из которых можно было бы создать более удобный плацдарм для наступления на Афганистан и дальше – в Индию³⁹⁰. В Тегеране эти территории считали сферой своего влияния и претендовали на их полное подчинение. На этой почве возникали трения между российской и иранской сторонами, которые англичане подогревали и стремились обратить в свою пользу³⁹¹. На протяжении 1876–1878 гг. российским представителям

³⁸⁷ 8 апреля 1878 г. – Докладная записка военного министра России генерал-адъютанта Д.А. Милютина императору Александру II относительно действий России в Средней Азии // Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. С. 205.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Там же. С. 206.

³⁹⁰ Решение о продвижении в Туркмению «в видах ближайшего ознакомления с этой неисследованной ещё местностью для упрочения там нашего влияния» [8 апреля 1878 г. – Докладная записка военного министра России генерал-адъютанта Д.А. Милютина императору Александру II относительно действий России в Средней Азии // Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. С. 207]. В данное время Афганистан ещё рассматривался как возможный союзник. Отношения между Россией и Афганистаном были испорчены после 1878 г.

³⁹¹ Присоединение Туркмении к России (Сборник архивных документов). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С. 153–351; Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских

приходилось также бороться с британскими пройсками на пограничных землях Среднего Востока. Посланник в Тегеране, с одной стороны, и офицеры из Британской Индии – с другой, стремились поднять туркменские племена против империи Романовых и столкнуть её с Каджарской державой. И.А. Зиновьев прилагал усилия, чтобы противостоять этому, добиться ограничения британского влияния на шаха и укрепления российских позиций. Не зря бытовало утверждение, что «время представительства г. Зиновьева ... считается эпохой решительного преобладания России»³⁹². Достаточно сказать, что русский посланник, например, «в курсе переговоров между Персией и туркменами, о них ему регулярно докладывал министр иностранных дел Персии мирза Хосайн-хан»³⁹³.

В свете изложенного, представляется очевидным, что военная миссия была результатом политики по обеспечению пророссийской позиции шаха в разразившемся «Восточном кризисе». Она должна была на профессиональном военном уровне дать русским дипломатам ответ, стоит ли привлекать Тегеран в качестве союзника в войне. Русское правительство не могло послать военных агентов с полномочиями, которые имел В.А. Франкини, по своему усмотрению, без согласования с персидской стороной. Учитывая особые задачи, поставленные перед генерал-майором, можно предположить, что его миссия была ответом царского правительства на предложение шаха. Однако был ли это шаг к союзу или дипломатический ход, чтобы его избежать, не оттолкнув Насреддин-шаха, с уверенностью сказать пока сложно.

отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 197–216.

³⁹² Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. С. 411.

³⁹³ Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 211. «Мирза – по-персидски вообще значит грамотный, ученый, если это слово стоит перед именем; если же после имени, то означает высокое, благородное происхождение» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. С. 7].

Изучение на месте персидской армии окончательно сняло с повестки дня идею привлечения Персии в качестве полноценного союзника³⁹⁴ (если таковая была вообще). Ещё в первой половине 1870-х гг. наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич утверждал, что как военный союзник Иран слаб³⁹⁵. Но сведения о персидских вооружённых силах были неполными, основанными главным образом на сообщениях иностранных авторов, российских наблюдателей первой половины века и донесениях дипломатов из Тегерана. К тому же с конца 1860-х они не обновлялись. Об этом свидетельствует и сама инструкция В.А. Франкини и (косвенно) публикации в начавшем издаваться с 1883 г. «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии». В первых его номерах значительное место было уделено характеристике и анализу состояния каджарской армии³⁹⁶. Исходя из данных В.А. Франкини, шахское государство могло стать опасной обузой в случае вступления его в войну с Османской империей. Поэтому лучшим выходом могла быть нейтрализация Тегерана, как в период Крымской войны 1853–1856 гг.³⁹⁷ Сам генерал в августовском донесении указывал, что России выгоднее довольствоваться нейтралитетом Ирана³⁹⁸. Возможно именно этим объясняется поведение

³⁹⁴ Косвенно существование идеи использования иранской армии для борьбы с Турцией подтверждают документы о назначении военного агента, в частности «Инструкция». К тому же, если капитан ГШ В.И. Гибер фон Грейфенфельс должен был постоянно оставаться в Тегеране, то В.А. Франкини «должен был ожидать приказаний и инструкций» [РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Проект инструкции Военно-ученого комитета военному агенту в Тегеране Франкини о доставлении им сведений о персидской армии; докладная записка Франкини о состоянии вооруженных сил Персии. Л. 6]. Видимо, предполагалось, что он будет координировать действия иранских войск, если те вступят в дело. Кроме того, в рапорте главнокомандующему Кавказской армией от 29 августа 1877 г. В.А. Франкини, уже досконально изучив состояние персидских вооружённых сил, высказывал желание «довольствоваться нам нейтралитетом Персии» [Там же. Л. 17].

³⁹⁵ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1975. С. 49.

³⁹⁶ СМА. 1883. Вып. 4–5; 1884. Вып. 11.

³⁹⁷ Венюков М.И. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 459; Гоков О.А. Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. 2012. Т. 13. С. 74–96.

³⁹⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 41. Проект инструкции Военно-ученого комитета военному агенту в Тегеране Франкини о доставлении им сведений о персидской армии; докладная записка Франкини о состоянии вооруженных сил Персии. Л. 17.

В.А. Франкини, за которое его так хвалил впоследствии великий князь. Фактически, эта миссия сняла с повестки вопрос о необходимости нападения Ирана на Османскую империю, который Насреддин-шах без сомнения лелеял, как и 24 года назад. На Особом совещании 8 апреля 1878 г. возобладало мнение товарища министра иностранных дел тайного советника Николая Карловича Гирса (к слову, в 1860-х гг. бывшего посланником в Иране). Иран полагалось «оставить совершенно в стороне от наших планов в Азии, не прибегая к её содействию и заботясь лишь о продолжении дружественного отношения персидского парвительства к России»³⁹⁹.

В августе 1877 г. В.А. Франкини убедил шаха, своё начальство и посланника в неспособности иранских вооружённых сил противостоять османским войскам. Следствием этого стал благожелательный нейтралитет Тегерана без подписания каких-либо обязывающих документов, которого добился от шаха И.А. Зиновьев⁴⁰⁰. Персия была нейтрализована дипломатическими средствами и не стала при этом обузой. Косвенным результатом деятельности военной миссии стало также то, что «желая в угоду России придать» нейтралитету «вооружённый характер, шах приказал собрать летом два отряда» на османо-иранской границе⁴⁰¹. Отряды были размещены в районах расселения курдских племён. Один из них был сосредоточен в районе Керманшаха (8 фоджей пехоты⁴⁰², 600 человек

³⁹⁹ 8 апреля 1878 г. – Докладная записка военного министра России генерал-адъютанта Д.А. Милютина императору Александру II относительно действий России в Средней Азии // Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. С. 206.

⁴⁰⁰ Астрахань–Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2004. С. 38.

⁴⁰¹ Риттих П.А. Политико-статистический очерк Персии. СПб.: Типография Н. Финдейзена, 1896. С. 226; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 25.

⁴⁰² Точную численность пехоты в обоих случаях назвать сложно. Формально фоджи были 8-ротные и 10-ротные при штатном составе роты в 100 человек. Фактически же количество человек в каждом из них могло колебаться от 300 до 1 200. «Раньше фодж означал полк, – писал российский офицер, – но в настоящее время этим словом именуется отдельный батальон, штатный состав которого колеблется от 800 до 1 200 человек [Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 году поручика Л.-гв. егерского полка П.А. Риттиха: Ч. 1–2. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба. Ч. 1. С. 83].

иррегулярной кавалерии, 26 орудий), другой – у Хоя (4 фоджа пехоты, 1 500 иррегулярных всадников, 22 орудия)⁴⁰³. О степени готовности этих отрядов (не считая иррегулярной конницы), свидетельствовал сам В.А. Франкини. «Пехота, – писал он, была вооружена старыми нарезными ударными и гладкоствольными ружьями. Через два месяца после того, как Хойский отряд собрался, приказано было раздать ему хранящиеся в тебризском арсенале ружья Снайдера. Ружья эти были в самом деле доставлены, но в ожидании прибытия инструктора из Тегерана ящики оставались нераскупоренными, а инструктор до роспуска отряда ... так и не прибыл»⁴⁰⁴. Кроме того, «из 48 орудий ни одним нельзя было действовать», поскольку по ошибке из Тегерана для орудий были доставлены 6-тифунтовые, а не 4 ¼-фунтовые заряды⁴⁰⁵.

Указанные войска были распущены осенью 1877 г.⁴⁰⁶ Не смотря на то, что активности они не проявляли, можно согласиться с мнением Ш.В. Мегрелидзе, что «в течение всей войны левый фланг русских войск находился в безопасности»⁴⁰⁷. Обращает на себя внимание тот факт, что отряды были выдвинуты в то время, когда русская армия терпела частичные неудачи на Кавказском⁴⁰⁸ и значительные⁴⁰⁹ – на Балканском театрах

⁴⁰³ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. С. 804; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26.

⁴⁰⁴ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26.

⁴⁰⁵ Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. С. 37; Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26.

⁴⁰⁶ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 26.

⁴⁰⁷ Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 76.

⁴⁰⁸ 3 июля русские главные силы отступили к Кюрюк-дара и Паргету, выставив авангард у Башкадыклара. Вслед за этим на театра войны наступило продолжительное бездействие, вызванное тем, что обе стороны выжидали прибытия подкреплений.

⁴⁰⁹ Третий штурм Плевны 26–31 августа [Военная энциклопедия. Пг.: Т-во И.Д. Сытина, 1915. Т. 18. С. 461–466].

военных действий. Отозваны же они были, когда инициатива в войне прочно перешла к русским ⁴¹⁰.

Взамен российское правительство пообещало учесть интересы шаха в будущих переговорах о мире ⁴¹¹. Обещание это было выполнено. В Сан-Стефанском прелиминарном мирном договоре от 19 февраля 1878 г. вопросу Персии была посвящена статья XVIII. Правда, интересы Ирана в ней защищались в довольно обтекаемой форме. «Блистательная Порты, – писали составители документа, – обратит особенное внимание на мнение, выраженное комиссарами посредствующих держав по вопросу о праве владения городом Котуром ⁴¹², и обязуется привести в исполнение работы по окончательному проведению турецко-персидской границы» ⁴¹³. При пересмотре договора между Англией и Россией была достигнута новая договорённость, зафиксированная в тексте Берлинского трактата от 1 июля 1878 г. За возвращение туркам Баязета и Алашкертской долины Стамбул в качестве компенсации обязался уступить Тегерану Котур. Статья LX гласила: «Долина Алашкерта и город Баязет, уступленные России статьёй XIX Сан-Стефанского договора, возвращаются Турции. Блистательная Порты уступает Персии город и территорию Котур соответственно тому, как она была

⁴¹⁰ Взятие Горного Дубняка, Телиша, Горного Дубняка в октябре, отражение попыток снятия осады с Плевны и окончательная капитуляция её гарнизона в ноябре 1877 г. на Балканском театре; победа над османской армией в Авлияр-Аладжинском сражении 20 сентября – 3 октября, осада и взятие Карса 13 октября – 6 ноября 1877 г.

⁴¹¹ Скорее всего именно для исследования ситуации на ирано-турецком пограничье, а затем для участия в разграничении в сентябре 1877 г. – ноябре 1878 г. был командирован в Иран бывший военный агент (т.е. официальный военный представитель) России при султанском дворе генерал-майор ГШ Александр Семёнович Зеленой. Формально он был послан для военно-географического изучения Персии в связи с персидско-турецким размежеванием [Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 91]. Весной 1879 г. А.С. Зеленой сменил заболевшего главу русской части комиссии по разграничению в Азии Иеронима Ивановича Стебницкого [РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 3. 1878 г. Св. 484. Д. 55. О командировании лиц в комиссии для проведения границы Европейской и Азиатской Турции. Л. 104].

⁴¹² Область с центром в Котуре являлась центром пограничных противоречий между Османской империей и Персией на протяжении почти всего XIX в.

⁴¹³ Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор. Сан-Стефано, 19 февраля/3 марта 1878 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/stefano.htm> (дата обращения: 11.09.2018).

определена смешанной англо-русской комиссией по турецко-персидскому разграничению»⁴¹⁴. Таким образом, в результате войны 1877–1878 гг. формально Персия осталась в выигрыше, приобретя новые территории. Однако, как показали последующие события, противоречия с Османской империей на этом урегулированы не были⁴¹⁵.

Миссия 1877 г. имела ещё одно немаловажное следствие. В начале весны 1878 г. в связи с обострением русско-английских отношений, связанным с результатами русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в российских высших кругах реально рассматривался вариант военной демонстрации на Индию в случае войны с Великобританией. Из Петербурга было запрошено мнение кавказского начальства по поводу возможной войны. Великий князь Михаил Николаевич в данном вопросе обратился за рекомендациями к В.А. Франкини. Тот высказал их сначала в личной беседе, а затем письменно изложил свои взгляды в докладной записке на имя помощника главнокомандующего Кавказской армией князю Д.И. Святополк-Мирскому от 26 марта 1878 г.⁴¹⁶. В частности, внимание в ней было уделено и Ирану. Отмечая, что «Англия уязвима для нас только на индийской своей границе, но как и где именно мы ещё не уяснили себе». «Вопрос этот, – писал В.А. Франкини, – распадается на две части: на политическую и военную. И та, и другая требуют подготовки. Политическая сторона вопроса представляется в следующем виде: в какой мере желательно и возможно содействие Персии в случае объявления войны Россиию Англии и движения наших войск к Индии». Генерал указывал, что состояние персидской армии не позволяет использовать её в качестве военного союзника. «Увлекая

⁴¹⁴ Берлинский трактат Берлин, 1/13 июля 1878 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm> (дата обращения: 01.11.2018).

⁴¹⁵ Детальнее о судьбе Котура и ирано-османских отношениях см. Халфин Н.А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. С. 107 и след.

⁴¹⁶ 26 марта 1878 г. Докладная записка начальника кавказского горского управления генерала В.А. Франкини помощнику главнокомандующего Кавказской армией князю Д.И. Святополк-Мирскому о возможности войны против Англии в Афганистане // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 47–52.

Персию в войну против Англии, принимая её за базис наших операций, мы расширяем театр войны, даем Англии возможности произвести диверсию через Персидский залив высадкою в Бендер-Бушире и Мохаммера и зайти нам в тыл. Небольшой отряд английских войск, которые в крайности могут быть взяты из Англии при известном числе индийских туземных пеших и конных частей, может легко пробраться через Шираз в Исфахан и далее и принудить шаха отпасть от нашего союза. Для предотвращения такой опасности мы должны будем занять южные области Персии и прикрыть пути к Тегерану, что влечёт за собою усиление действующих войск со всеми последствиями, сопряжёнными с подобною мерою. Но это не всё ... Военные действия против англичан в Афганистане не мыслимы без тесного союза с Шир-Али Ханом (эмир Афганистана в 1868–1879 гг. – О.Г.) и без сочувственного приёма со стороны местного населения. Из этого следует, что в случае разрыва с Англиею и политические, и военные соображения приводят к предположению, что благосклонный нейтралитет Персии, какой она соблюла в отношении к нам в только что окончившейся войне, выгоднее для нас, нежели наступательный и оборонительный союз с этою державою»⁴¹⁷.

В то же время В.А. Франкини отметил, что наиболее удобный путь для движения российских войск на Афганистан (по его мнению, главной целью войны должно было быть не вторжение за Инд, а разгром английских войск в Афганистане) идёт через туркменские земли и северо-восток Персии. Однако тут вставали проблемы, которые мешали этому: туркменские племена были независимы и враждебны как России, так и Ирану, а нейтралитет Персии нарушать было нельзя, поскольку это привело бы к вторжению англо-индийских войск в Иран⁴¹⁸. Таким образом, им подспудно ставились задачи,

⁴¹⁷ Там же. С. 47–48.

⁴¹⁸ Там же. С. 50–51. Чуть позже начальник Главного штаба в своей записке отмечал, что «В случае же преждевременного союза с Персией или рекогносцировочного движения наших войск с согласия Персии по Хорасану мы должны ожидать со стороны Англии такой же меры, которую она всегда принимала в подобных обстоятельствах – она двинет свой флот в Персидский залив и сделает десант на персидскую территорию, вследствие

которые необходимо было решить для создания реальной угрозы британской Индии (помимо европейских): благожелательное отношение Ирана к возможному продвижению российских войск по его территории, закреплённое союзническим договором, и покорения туркменских земель. Мнение это было поддержано Д.И. Святополк-Мирским. В своей записке на имя великого князя от 28 марта 1878 г. он указывал, что «в замысле движения наших войск к английским владениям в Индии соперничество, существующее между Персиею и Афганистаном, представляет бесспорные затруднения. Для устранения этого затруднения должны и, кажется, могут быть изысканы способы, но если бы пришлось выбирать между союзом с Персиею и союзом с Афганистаном, то преимущество должно бы быть дано Персии, потому что провести несколько значительную часть войска к границам Индии мы можем только через пределы Персии. Эта причина достаточна, но, кроме того, трудно допустить, чтобы при таком событии как движение наших войск к Индии, Персия могла оставаться нейтральною и, конечно, лучше иметь эту державу за нас, чем против нас. Для движения к Индии нам не нужна персидская армия, но нам необходимы персидская территория, персидские перевозочные средства и безопасность сообщения на значительном протяжении пути нашего движения. Не могу тоже признать, чтобы возможность диверсии со стороны Персидского залива была выгодна для англичан, так как нам легче защищать Персию, и в особенности Тегеран, направлением войск со стороны Кавказа и Каспийского моря, чем англичанам проникнуть туда со стороны Персидского залива»⁴¹⁹.

чего, конечное произойдет война между нею и Персиею, и нам же тогда придётся спасать эти последние государства от ударов Англии» [29 марта 1878 г. – Записка начальника Главного штаба графа Ф.Л. Гейдена по поводу записки барона Н.Е. Торнау о возможности похода на Индию через Персию // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 60].

⁴¹⁹ 28 марта 1878 г. – Записка помощника главнокомандующего Кавказской армией князя Д.И. Святополк-Мирского Великому Князю Михаилу Николаевичу, Кавказскому наместнику и главнокомандующему Кавказской армией, о возможном столкновении с Англией, о взаимоотношениях с мусульманами в Азии // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 52–53.

Без сомнения результаты русско-турецкой войны негативно сказались на международном престиже России и обострили отношения с Великобританией. Одновременно они всколыхнули рост патриотизма, как в официальных, так и в широких общественных кругах. Российские дипломаты и военные, видевшие главным виновником провала Великобританию, открыто призывали нанести ответный удар по сферам её интересов, прежде всего на Среднем Востоке и в пограничных с Афганистаном азиатских районах ⁴²⁰. «Индийский поход» так и не состоялся. Среди правящих кругов Российской империи возобладал трезвый расчёт, а также изменилась внешнеполитическая обстановка: для решения вопроса о будущем Балкан был созван Берлинский конгресс великих европейских держав. Тем не менее, кризис в русско-английских отношениях 1878 г. и подготовка демонстрации против Индии продемонстрировали открытость России для угроз со стороны Великобритании и, одновременно были сформулированы проблемные моменты, которые необходимо было ликвидировать для того, чтобы реально угрожать внутреннему спокойствию в британских владениях в Индии. Как было показано, определённый вклад в разработку дальнейшей политики России относительно Ирана в этом контексте внёс и В.А. Франкини. В частности, был намечен наиболее удобный маршрут для движения войск – через Хорасан. Расстояние от конечного пункта парового пути от Оренбурга через Ташкент до Пешавара составляло около 3 500 вёрст, в то время, как от Каспийского моря до Герата – менее 1 000 ⁴²¹. На это указывал в своих записках сенатор и член Государственного совета тайный советник барон Николай Егорович Торнау ⁴²², а оренбургский генерал-губернатор генерал от

⁴²⁰ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIXв. М.: Прометей, 2015. С. 52.

⁴²¹ 3 апреля 1878 г. – Записка генерал-майора А.К. Гейнса о политическом положении и англичанах в Индии, о численности и состоянии её войск и населения // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 87–88.

⁴²² Не ранее 19 февраля, не позднее 29 марта 1878 г. – Записка барона Н.Е. Торнау о положении англичан в Индии и об условиях похода на Индию через территорию Персии //

артиллерии Николай Андреевич Крыжановский писал, что «Единственный путь для движения больших сил, например 150 т. войска, возможен только с одной стороны – от Каспийского моря на Герат и Кабул»⁴²³. В своём замечании по поводу записки о походе в Индию барона Н.Е. Торнау, начальник Главного штаба граф Ф.Л. Гейден отмечал: «Хорасанский путь вполне оправдывает наименование великой военной дороги в Индию; по ней уже неоднократно совершались движения целых армий ... Что же касается соглашения с Персиею относительно прохода наших войск чрез Хорасан к Герату или заключения этим государством союза на случай войны с Англией, то необходимость этих мер представится лишь тогда, когда мы будем иметь в виду самые решительные действия против Англии в отношении её ост-индских владений»⁴²⁴.

Был поднят и вопрос о туркменах, разбойничьи набеги которых беспокоили русское пограничье, а в случае движения русских войск представляли угрозу для тыла да и для самих русских отрядов. Туркмен не зря именовали «хищниками»⁴²⁵. Хотя основным занятием их было кочевое скотоводство⁴²⁶, отряды туркменских джигитов наводили своими аламанам,

«Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 63.

⁴²³ 2 апреля 1878 г. – Записка оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского военному министру генерал-адъютанту Д. А. Милютину о возможных действиях в Средней Азии // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 65.

⁴²⁴ 29 марта 1878 г. – Записка начальника Главного штаба графа Ф.Л. Гейдена по поводу записки барона Н.Е. Торнау о возможности похода на Индию через Персию // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 60.

⁴²⁵ Удачно их определил российский корреспондент и писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, назвав «богатырями-разбойниками» [Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М.: Воениздат, 1993. С. 15].

⁴²⁶ По образу жизни туркмены разделялись на кочевых – чорва и полуседлых – чомур. Однако переходы из чомур в чорву и обратно были весьма частыми. В отличие от чорвы, чомуры жили в селениях, но не в домах, а в войлочных кибитках, которые они переносили с места на место. Обитатели каждого селения имели родственных им кочевников – чорва, кочевавших круглый год со своими стадами [Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд. В. Березовского, 1899. С. 93. Детальнее о быте туркменских племён см: История Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1957. Т. 1. Кн. 2. С начала XIX в. до Великой октябрьской социалистической революции. С. 7–46].

или набегами за головами страх и на персидские провинции, на соседние среднеазиатские территории, и на пограничные районы России. Главным делом этих «дружинников», которых возглавляли выборные сардары, был захват скота и пленных для продажи в рабство. «Удачный набег даёт туркмену добычу, пленных, возможность некоторое время ничего не делать и, что не мене важно, славу и почёт сородичей», – отмечал изучавший во второй половине 1870-х гг. туркмен подполковник, а затем полковник ГШ Алексей Николаевич Куропаткин, служивший до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Туркестанском военном округе офицером для поручений, а затем с сентября 1878 г. заведовавший Азиатской частью Главного штаба ⁴²⁷. Так, за период с 1862 по 1869 г., пока мервские туркмены безнаказанно хозяйничали в регионе, они полностью «убили торговлю» между Мешхедом и Бухарой ⁴²⁸. Хотя внутри между отдельными племенами и даже родами постоянно существовали противоречия, доходившие до открытой вражды, туркмены представляли собой опасную вооружённую силу. Ни иранские, ни среднеазиатские правители не могли подчинить их себе полностью. С появлением в Средней Азии России и с разработкой планов по созданию угрозы для индийских владений Англии туркмены стали для империи Романовых реальной проблемой. Помимо набегов и грабежей, подрывавших авторитет российских властей в регионе, они могли представлять опасность для коммуникаций войск в случае вооружённого столкновения с Великобританией на Среднем Востоке. Об этом свидетельствовало то, что в 1870-х – 1880-х гг. англичане неоднократно засылали своих агентов и оружие в туркменские земли с целью настроить их население антироссийски ⁴²⁹, а в приказах российским военным из Петербурга и Тифлиса постоянно

⁴²⁷ Куропаткин А.Н. Туркмения и туркмены. СПб.: Тип. В. А. Полетики, 1879. С. 32. Детальнее об аламани см.: Андреев А.П. Туркменский аламан (Эскиз) // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 109–141.

⁴²⁸ Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–IX вв.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. С. 520.

⁴²⁹ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 51–52, 54–55.

подчёркивалась необходимость привлечь туркмен на русскую сторону. Посланник в Тегеране И.А. Зиновьев на волне патриотической англофобии, охватившей Россию в 1878 г., предлагал немедленный захват туркменских оазисов. Владение ими, не только обеспечивало безопасность русских торговых караванов в степи, но и связывало в единую стратегическую систему русские приграничные поселения на всём протяжении от Баку до Красноводска⁴³⁰. Эта идея была одобрена кавказским наместником. Идею эту поддерживали военные в силу стратегических причин. Так, на необходимость занятия туркменских земель, особенно Мерва, для обеспечения безопасности русских границ и азиатских окраин указывал в своей записке от 3 апреля 1878 г. бывший начальник Тургайской области генерал-лейтенант ГШ Александр Константинович Гейнс (Гейнц)⁴³¹.

Таким образом, включение Туркмении в состав России делалось неизбежным. Как отмечал в своих соображениях «по выполнению высочайшего повеления о движении в текинский оазис с целью прочного там водворения нашей власти» в январе 1879 г. начальник кавказского штаба генерал-майор ГШ Павел Платонович Павлов, «овладение текинским оазисом и прочное там водворение, есть первый и, можно сказать, главнейший шаг наш к окончательному решению вопроса о Мерве, о замкнутии границы нашей пространством между фактическими владениями Персии, Афганистана и Бухары. Провести резкую грань между этим шагом и дальнейшим предприятием на Мерв, нам не удастся. Связь племенная, связь родственная, связь интересов, наконец, в последнее время даже связь единоначалия в лице Нурверды-хана, не позволяют нам отделить дело ахалтекинцев от туркмен мервских. При первом же движении нашем к центру текинских поселений мервцы явятся на помощь соплеменникам, как

⁴³⁰ Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–IX вв. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. С. 524.

⁴³¹ Записка генерал-майора А.К. Гейнса о политическом положении и англичанах в Индии, о численности и состоянии её войск и населения. 3 апреля 1878 г. // «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. С. 77.

делали это постоянно при наших движениях в степь, и более чем вероятно, что пройдя даже до крайних пределов Ахалтеке, к Гяурсу, мы убедимся, что прочное владение текинским оазисом, нами пройденным, немислимо без владения Мервом. Можно предполагать не без основания, что тогда именно и наступит период наибольшего сопротивления обоих племен нашему водворению в этой территории. Такой ход дела является не только возможным, но почти неизбежным. Он должен быть принят в расчёт при настоящих наших соображениях и в отношении того военного сопротивления, какое мы можем встретить, и в отношении продолжительности известного напряжения наших сил»⁴³².

В ходе кризиса 1878 г. были выделены и иные проблемы, мешавшие России полноценно отстаивать свои интересы в борьбе с Великобританией путём угрозы «жемчужине британской короны» на персидском театре. В качестве таковых можно выделить недостаточное влияние на шаха и вообще на иранский двор (отсюда впоследствии вытекало стремление поставить под свой контроль иранское правительство и наследника престола, ориентир на сохранение у власти пусть и непопулярных, но прорусски настроенных правящих лиц), почти слабый положительный образ России среди знати и простого иранского населения, неопределённость среднеазиатской границы с

⁴³² Документ № 48. Соображения начальника штаба ген. Павлова по выполнению высочайшего повеления о движении в текинский оазис с целью прочного там водворения нашей власти. Январь 1879 г. // Россия и Туркмения в XIX веке: К вхождению Туркмении в состав России: Сборник документов. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1946, переплёт 1947. С. 105. 5 октября 1880 г. Д.А. Милютин подал императору Александру II записку о задачах империи в Средней Азии в связи с англо-афганской войной, начавшейся в 1878 г., британскими происками при иранском дворе и в Туркмении. В ней военный министр подчёркивал необходимость завоевания туркмен. Он писал: «Судя по фактам, Англия ещё очень далека от мирных заявлений, напротив, до сих пор она систематически преследует наступательную против нас политику, которая с каждым годом получает все обширнейшее развитие. Подчинив себе Азиатскую Турцию, разрушив Афганистан, завязав тесные связи с туркменами и усиливаясь склонить также на свою сторону и Персию, она осязательно начинает угрожать Каспийской области. Поэтому оставаться с этой стороны в бездействии признается невозможным, тем более что это бездействие пагубно отразилось бы на все соприкосновенные нам азиатские народы» [Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. С. 57]. После этого весной 1880 г. начались целенаправленные действия царских войск в Туркмении, окончившиеся в 1885 г. покорением или присоединением туркменских племён к России.

Ираном (что вызывало постоянные трения и давало в случае конфликта Англии повод для вмешательства), а также военная слабость Ирана. Последняя, правда, рассматривалась лишь в контексте поддержания авторитета центральной власти в стране. Создание сильных вооружённых сил в планы России не входило ⁴³³.

События 1877–1878 гг. стимулировали дальнейшее развитие военной разведки по Ирану. Планирование похода в Индию показало, что военно-статистических, а особенно военно-географических сведений у русских явно не хватало. Широкие стратегические планы тактически были подкреплены слабо. Так, общее направление движения русских войск на Герат было выбрано верно. Но военно-статистические и военно-географические материалы для его конкретного осуществления были явно недостаточны. Среднеазиатская граница с Ираном была условной и малоисследованной. Так, в докладе царю о мерах давления на Англию в случае разрыва с ней от 8 апреля 1878 г., составленном по материалам Особого совещания, военный министр Д.А. Милютин указывал: «Для предупреждения недоразумения относительно движения наших войск в среде населения местностей, по которым войскам придется идти впервые (в Бухарском ханстве и Туркмении), обязать начальства Туркестанского и Кавказского военных округов принять все меры к установлению дружественных отношений между войсками и населением, побудив сие последнее оказывать даже возможное содействие походу наших войск» ⁴³⁴. Это же подтвердила и работа

⁴³³ Решение всех указанных проблем началось сразу после войны. И.А. Зиновьев активно укреплял российское влияние при персидском дворе; было начато постепенное покорение туркменских земель, в 1881 г. была подписана русско-иранская конвенция, фактически делавшая Персию союзницей России в возможной войне, поскольку её секретные статьи открывали Хорасан для русских войск в случае необходимости; начинается активное освоение Хорасана русской разведкой и торговлей, в частности здесь были открыты генеральное консульство и телеграф; в 1880-х гг. была построена Закаспийская железная дорога, открывшая широкие возможности для перевозки товаров, военных грузов и войск; с 1880-х гг. началось также широкомасштабное и систематическое изучение Ирана (особенно северных и центральных провинций) военным ведомством.

⁴³⁴ 8 апреля 1878 г. Доклад военного министра царю о мерах давления на Англию в случае разрыва с ней и месте Туркмении в намечаемых антианглийских демонстрациях //

комиссаров по русско-иранскому разграничению первой половины 1880-х гг. Сведения военного характера (особенно маршруты) о Хорасане были недостаточными, юг и центр Ирана изучены слабо. Мало было сведений военно-географических, но и военно-статистические материалы, обновлённые поездкой В.А. Франкини, нуждались в дальнейшей разработке⁴³⁵.

Миссия В.А. Франкини была первой сугубо военной после 1850-х гг. и дала кавказскому начальству свежие сведения об иранской армии, а В.И. Гибер фон Грейфенфельс стал первым постоянным негласным военным агентом в Тегеране. Во второй половине XIX в. была впервые разработана постоянная инструкция для военного агента в Персии. С этого времени в штаб Кавказского военного округа стали поступать систематически текущие сведения социально-экономического, военного и политического характера. Речь шла прежде всего о оперативном и «живом» информационном материале об особенностях правящей элиты, жизни солдат, офицеров, отношениях между классами и сословиями и пр., а не сухие статистические данные. Сначала основным источником информации были указанные офицеры, а затем – созданная на постоянной основе в 1879 г. русская военная миссия.

Наконец, миссия российских офицеров инициировала новый виток реформ в иранской армии⁴³⁶. Безымянный автор на сайте Википедия указал, что «по возвращении из Персии Франкини представил обширный доклад о

Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР. С. 335–336.

⁴³⁵ Её во многом осуществил в начале 1880-х гг. состоявший при штабе Кавказского военного округа офицером для поручений капитан (а с 1883 г. – подполковник) ГШ Алексей Михайлович Колюбакин [Колюбакин. Введение к очерку вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования Персидской армии // СМА. 1883. Вып. 4. С. 35–49. Колюбакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий // СМА. 1884. Вып. 11. С. 1–33. Колюбакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий. Состав населения Персии по племенам и провинциям // СМА. 1883. Вып. 4. С. 50–110].

⁴³⁶ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 51.

политическом, экономическом и военном состоянии Персии, в котором рекомендовал принять возможное предложение шаха о посылке военных инструкторов и командного состава для предполагавшейся к формированию Персидской казачьей бригады»⁴³⁷. К сожалению, на данном ресурсе нет ссылки на источник информации. В некрологе, который приведен в конце статьи в качестве ссылки, указанные сведения отсутствуют⁴³⁸. Здесь допущена ошибка. В.А. Франкини действительно рекомендовал присылку инструкторов. Но речь шла не о предполагавшейся части, а об армии вообще. К тому же на тот момент идея о российских инструкторах в персидских вооружённых силах среди русских военно-политических кругов только вызревала⁴³⁹. В своей «Записке о состоянии вооружённых сил Персии и о необходимости реорганизации персидской армии», поданной на рассмотрение шаху, В.А. Франкини наметил основные пути преобразований. Однако правительство России не было на тот момент заинтересовано в создании в Иране качественных вооружённых сил⁴⁴⁰, поэтому продолжения

⁴³⁷ http://ru.wikipedia.org/wiki/Франкини_Виктор_Антонович.

⁴³⁸ Исторический вестник. 1893. Т. 50. № 10. С. 279–280.

⁴³⁹ Русские военные присутствовали эпизодически в персидской армии на протяжении XIX в. в качестве военных советников и отдельной воинской части, но не инструкторов [Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.; Гоков О.А. Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. М.: Регнум, 2012. Вып. 13. С. 74–96; Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800. Abingdon, UK and New York: Routledge, 2012. P. 143–187; Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 48. Is. 2. P. 147–182]. Российский поверенный в делах в Тегеране А.Е. Лаговский в 1857 г., после пребывания в Персии английских офицеров, он писал директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому: «Присылка сюда (в Персию – О.Г.) офицеров может быть чрезвычайно полезна, внушая персиянам к нам доверие, ибо видя наше желание усилить их страну ... они перестанут мечтать и верить наущениям наших противников о наших намерениях подчинить себе эту страну» [РГВИА. Ф. 446. Д. 35. Письмо русского посланника в Тегеране Лаговского директору Азиатского департамента Ковалевскому Е.П. о присылке в Персию русских военных агентов и об организации научной экспедиции в г. Герат, г. Кандагар и г. Кабул. Л. 2]. Несмотря на то, что на его письме имеется приписка «Интересно, надо обдумать», предложения эти не были реализованы вплоть до второй половины 1870-х гг.

⁴⁴⁰ Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 60.

идея шаха о привлечение В.А. Франкини к реформированию на тот момент была заморожена. Тем не менее, желание переустройства своей армии Насреддин-шаха не покинуло. В рамках тех перманентных военных преобразований, которые проводил в стране под эгидой шаха военный министр Хусайн-хан с начала 1870-х гг. и под влиянием выводов В.А. Франкини, в 1878 г. Насреддин-шах посетил Европу. В 1878 г. он вторично посетил европейские страны⁴⁴¹. Вот как шах рассказывал об этом в 1883 г. начальнику Закаспийской области генерал-лейтенанту А.В. Комарову. «В Европе я присматривался, – сказал он между прочим, – к организации разных армий и принял наконец систему австрийскую⁴⁴² для своей пехоты и

⁴⁴¹ Шах ехал через Кавказ и Петербург в апреле–мае 1878 г. 11 [Дневник Д.А. Милютин. 1878–1880. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. Т. 3. С. 53] или 12 [Нива. 1878. № 21. С. 380 // Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Т. 1–49. в 100 т. Репринтное издание 1870–1918 гг. СПб.: Альфарет, 2012–2013. Т. 17: 1878. № 1–26. 484 с.] мая он прибыл в столицу империи Романовых, 13 мая для шаха был устроен парад [Дневник Д.А. Милютин. 1878–1880. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. Т. 3. С. 54], а 16 мая через Варшаву отбыл на Берлин с целью посетить Всемирную парижскую выставку [Дневник Д.А. Милютин. 1878–1880. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. Т. 3. С. 56; Нива. 1878. № 22. С. 399 // Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Т. 1–49. в 100 т. Репринтное издание 1870–1918 гг. СПб.: Альфарет, 2012–2013. Т. 17: 1878. № 1–26. 484 с.]. В прессе подчёркивалось, что, как и в 1873 г., Насреддин-шах приехал как друг России, и даже откровенно указывалось на возможность заключения «оборонительного и наступательного договора» между странами [Нива. 1878. № 21. С. 380 // Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Т. 1–49. в 100 т. Репринтное издание 1870–1918 гг. СПб.: Альфарет, 2012–2013. Т. 17: 1878. № 1–26. 484 с.]. Однако, следует заметить, что такого ажиотажа, как первая (также совершённая в мае, 10 он прибыл в столицу, а 17 покинул её [Богданович Е.В. Наср-Эддин шах и его выезд в Россию в 1873 году. СПб.: Тип. Майкова 1873. 28 с.; Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1947. Т. 1. С. 84, 86; Наср-Эддин. Пребывание шаха Наср-Эддина в России во время первого путешествия его величества по Европе в 1873 году: (Извлеч. из собств. е. вел. дневника). СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1889. 53 с.; Наср-эддин, шах персидский // Нива. 1896. № 19. С. 452, 454; Наср-Эддин, шах персидский // Нива. 1873. № 19. С. 293–295]), вторая поездка персидского правителя по России не вызвала – общественное мнение и политики был отвлечены событиями на Балканах и англо-русским конфликтом. Тем не менее, следует заметить, что посещение шахом Петербурга и приёмы, которые для него и его свиты устраивали при дворе, символизировали, что деятельность дипломатов и военных России в Тегеране по привлечению шаха к России была не напрасной.

⁴⁴² С 1867 г. Австрийская империя была преобразована в Австро-Венгерскую [Трайнин И.П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и её распад. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 104]. Однако в русских источниках, видимо, по привычке,

артиллерии, и русскую, казачью – для конницы. Существующие ныне регулярные части послужат кадрами для постепенного приведения моей армии к должной численности»⁴⁴³. В.А. Косоговский сообщал, что «во время второго своего путешествия по Европе в 1878 г. ... из всех европейских войск ему, его министру иностранных дел, первому министру, более всего понравились: австрийские – пехота, сапёры и артиллерия и русские казаки. По возвращении из Европы шах пожелал переформировать свою пехоту,

инструкторов, служивших в Иране, именовали австрийцами, а миссию – австрийской. Поэтому в работе мы будем использовать эти наименования как синонимы.

⁴⁴³ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. С. 202–203. Впрочем, «реформирование» иранских вооружённых сил возобновилось после первой поездки Насреддин-шаха в Европу в 1873 г. «Только в 1873 году, во время первого своего заграничного путешествия, Насреддин-шах имел случай видеть благоустроенные европейские армии и не мог, конечно, не заметить бездну, отделяющую их от его собственных войск, – писал российский офицер. – Тогда-то, по возвращении из Европы, он и приступил к мероприятиям, которые величаются «военными реформами Насреддина»» [Там же. С. 210] (впрочем, здесь автор был не совсем прав: шах и до 1873 г. отчасти представлял слабость своей армии). Так, например, в 1875 г. был выработан новый закон о воинской повинности, который, однако, так и не вступил в действие [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 554]. По мнению И. Захарова, поездки шаха в Европу (1873, 1878 и 1889) были обусловлены деловыми соображениями. Они «могли стать не только получением информации из первых рук (для модернизации страны – О.Г.), но и были призваны решить ряд насущных проблем, главным образом финансовых» [Захаров И. Насер од-Дин-шах Каджар и проблемы раннего этапа модернизации в Иране (вторая половина XIX века) URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?2346> (дата обращения: 01.11.2018)]. Однако, нам представляется, что здесь имели место и другие побудительные мотивы. Насреддин-шах был действительно неординарным правителем кадjarской династии. Он дольше всех её представителей продержался на престоле. И власть его была сравнительно прочной, о чём свидетельствует то, что в ходе его трёхкратного отсутствия в стране (к слову, впервые в новой истории Ирана шах покидал свою страну надолго) не случилось ни коллапса вальсти, ни даже покушений на смену правителя. Насреддин-шах идеалом своим видел Петра I. К тому же он был властолюбив и честолюбив. Но не обладал целеустремлённостью своего идеала. Поездками в Европу он стремился удовлетворить своё любопытство и показать себя просвещённым монархом (например, посещение Всемирной парижской выставки в 1878 г.). Не последнюю роль играли и финансовые вопросы (вопрос о концессии Ю. Рёйтеру в 1878 г., желание получить займы в 1889 г.). Без сомнения, имело место и желание ознакомиться с европейскими порядками, чтобы постепенно внедрять их в Иране. Но ни финансовые вливания, ни внедрение европейских образцов не привели к действительным результатам, поскольку осуществлялись без программы, выборочно и бессистемно. Систему власти и организации общества в Иране шах ломать не хотел, да и не мог при сильных позициях духовенства. Мощным сопротивлением европеизации было и при дворе, в том числе в гареме правителя. В большинстве своём противники реформ преследовали личные мелкие интересы, а не думали о развитии страны. Но главное – ситуация полностью устраивала самого монарха.

сапёр ... и артиллерию по австрийскому образцу, а кавалерию по образцу русских казаков и заявил о своём желании австрийскому и русскому правительствам с просьбой командировать в Персию соответствующих инструкторов»⁴⁴⁴.

Сложно сказать, были ли далеко идущие планы относительно инструкторской деятельности у шаха в 1878 г.⁴⁴⁵. Однако в том же году его первый министр заключил соглашение с австро-венгерским правительством о найме для обучения своей пехоты и артиллерии австрийских инструкторов на 3 года⁴⁴⁶. Осенью 1878 г. было достигнуто соглашение с российским

⁴⁴⁴ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 390–391. Указанные свидетельства ценны тем, что опровергают до некоторой степени версию, что «ещё задолго до второй поездки в Европу в 1878 г. Насреддин-шах решил реорганизовать пехоту и артиллерию по австрийскому образцу» [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 49]. Утверждение И.В. Базиленко, что «сравнив русскую армию с армиями европейских стран и признав её лучшей среди прочих, шах решил переустроить иранские вооружённые силы по русскому образцу и подобию» [Базиленко И.В. Православная Россия и шиитский Иран. По страницам истории отношений (XVI – нач. XX вв.) URL: christian-reading.info/data/2011/02/2011-02-05.pdf (дата обращения: 01.11.2018). С. 174], естественно, не соответствует действительности.

⁴⁴⁵ Идея подготовки на основе кавалерии кадров для иранской армии принадлежала главе первой русской военной миссии – А.И. Домонтовичу. Насреддин-шах, видимо, рассматривал его как своеобразного сменщика В.А. Франкини, призванного реформировать его вооружённые силы.

⁴⁴⁶ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 46. Австрийская военная миссия прибыла в Тегеран в январе 1879 г. Австро-иранские отношения на дипломатическом уровне активно начали развиваться с 1856 г., когда между государствами был заключён экономический договор [Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 15]. Иранский правитель пытался использовать Австрию, а затем Австро-Венгрию как своеобразный противовес англо-русскому влиянию. Это была уже вторая военная миссия (первая была в 1851–1857 гг.). Правда, как и первая, значительных успехов в развитии военного дела она не привнесла. Как верно отмечал Е.М. Белозерский, «из всех европейских войск великих держав австрийское считается самым слабым по своей дисциплине и самым изысканным по форме. Первое обстоятельство, конечно, не было известно шаху во время его путешествия по Европе, а второе должно быть было решающим при выборе инструкторов» [Белозерский Н.Н. Письма из Персии: От Баку до Испагани. 1885–86 г. СПб.: Военная типография, 1886. С. 41]. По сведениям, Леонида Григорьевича Истягина, Британия использовала австрийцев, чтобы ограничить русское влияние на вооружённые силы Ирана [Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 15]. К слову, одновременно с военной миссией в Иран для проведения реформирования административной системы в 1880 г. прибыл барон К. Тейффенштейн. Он некоторое время

правительством о командировании в Иран для обучения кавалерии русских инструкторов⁴⁴⁷. Таким образом, мысль о привлечении российских военных к преобразованиям в шахской армии, высказанная генерал-майором в рапорте от 29 августа 1877 г., послужила своеобразным прологом к созданию в 1879 г. Персидской казачьей бригады – части, представлявшей собой сначала полк, позже развёрнутый в бригаду, под руководством русских военных инструкторов⁴⁴⁸.

был губернатором одной из провинций, однако не мог перебороть особенности местного администрирования. К тому же пригласивший его хаджи мирза Хусайн-хан впал в немилость и был отстранён от своих должностей. Его сменил младший сын шаха Камран-мирза Наиб ос-Солтане, занявший посты военного министра и губернатора нескольких провинций. Одну из них он уступил австрийцу в управление, но никакой поддержки не оказал. В итоге, К. Тейфенштейн вынужден был оставить свою должность и вернулся на родину [Тейфенштейн К. В Персии // Нива. 1885. № 16. С. 382–383].

⁴⁴⁷ Знакомительная поездка будущего главы военной миссии подполковника ГШ А.И. Домонтовича состоялась в декабре 1878 – феврале 1879 г. После подписания контракта, офицер вернулся в Россию, сформировал инструкторский состав, с которым в мае 1879 г. вернулся в Тегеран и приступил к обучению выделенных ему кавалеристов [Гоков О.А. Очерки истории Персидской казачьей бригады (1878–1895): по русским источникам. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. С. 25–74].

⁴⁴⁸ О казачьей бригаде в Иране см.: Гоков О.А. Очерки истории Персидской казачьей бригады (1878–1895): по русским источникам. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. 416 с.; Гоков О.А. Персидская казачья бригада в 1878–1895 гг.: Очерки истории в контексте внешней политики Российской империи относительно Ирана (по русским источникам). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2017. 679 с.; Норик Б.В. В.А. Косаговский: штрихи к биографии (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН и Российского государственного военно-исторического архива) // Россия и Палестина: Научные и культурные связи. СПб.: Б.и., 2018. С. 184–201; Норик Б.В. Дневник В.А. Косаговского за 1894• 1895 годы // Восточный архив. 2018. № 38. С. 37–50; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 2 // Восточный архив. 2019. № 39. С. 16–29; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 3 // Восточный архив. 2019. № 40. С. 19–33; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 4 // Восточный архив. 2020. № 41. С. 13–26; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 5 // Восточный архив. 2020. № 42. С. 18–30; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 6 // Восточный архив. 2021. № 43. С. 17–28; Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 7 // Восточный архив. 2021. № 44. С. 12–24; Норик Б.В. Первые шаги В.А. Косаговского на посту командира Персидской казачьей бригады (по материалам «Дневника» за 1895 г.) // Иран-наме. 2013. № 3. С. 169–178; Норик Б.В. Рапорт полковника В.А. Косаговского о положении в Персидской казачьей бригаде. 1895 год // Восточный архив. 2018. № 37. С. 20–33; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 352 с. Следует заметить, что в период подготовки миссии, как следует из проекта инструкции военным агентам, впервые был поднят вопрос о создании в Тегеране должности постоянного военного агента. Однако исследование В.А. Франкини «закрыло» эту тему. Очевидно, что его коллега оставался в Тегеране до окончания войны с Турцией. Однако в дальнейшем кавказское начальство решило ограничиться в Иране

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1831 – 1878 гг. – период в истории русско-иранских отношений, когда стороны переходят от конфронтации к военному сотрудничеству. Хотя активным его назвать нельзя, тем не менее, постепенно сближение становилось всё большим и в 1853–1854 гг. вылилось в логический результат – приглашение шахом военных советников и инструкторов из России. Для Ирана сотрудничество выражалось в том, что персидские принцы или представители знати учились в России или даже служили в её армии (особенно это характерно начиная с 1870-х гг.). Варианты использования русских военных в Иране были значительно шире. Но если проект 1850-х гг. по политическим причинам не был закончен, то в 1870-х гг. после миссии В.А. Франкини его реализация, правда, в меньших масштабах, проявилась в создании ПКБ. Последняя стала одновременно и символом русского военного присутствия в Иране, и рекламой русской военной организации (в первую очередь, казачьей), и даже шире – европейской. Русские офицеры способствовали формированию иранских офицерских кадров с новым, «европеизированным», мышлением.

Изменилось в рассматриваемый период и изучение Персии военными Российской империи. Из спонтанно-эпизодического, ведшегося без определённой программы, с 1860-х гг. оно превращается в регулярное и структурно организованное.

В истории русского военного проникновения в Иран с начала 1830-х гг. можно выделить 3 периода. Первый – с 1830-х гг. до середины 1840-х гг. Это время русско-иранского сближения: пост российского полсаника занимали представители Военного ведомства, российские офицеры были военными советниками при иранской армии, активно изучали Иран. К указанному

постоянным негласным военным агентом, в должности Заведующего обучением персидской кавалерии.

времени относится и первая военная миссия в Персию во главе с Н.Ф. Масальским. Вторым этапом стало время от Крымской войны 1853–1856 гг. до середины 1870-х гг. Именно в период указанной войны была попытка осуществить вторую военную миссию из России в Иран. В силу политических соображений она так и не состоялась. Тем не менее, здесь уже просматривалось отличие от первого периода, в частности, предполагалось использовать иранские вооружённые силы под российским руководством и для российских же целей в борьбе с Османской империей, а русские военные должны были выступать в качестве инструкторов. С 1860-х гг. также начинается системное изучение Ирана в военном отношении.

1877 год можно рассматривать как важную веху – начало нового этапа в русско-иранских отношениях. Его можно считать началом постепенной всеобъемлющей экспансии России в Иран, стремлением иранского правительства, в силу своей слабости не имевшего возможности к открытому сопротивлению, использовать Россию в качестве противовеса экспансии Великобритании с целью сохранения хотя бы частичной независимости путём игры на противоречиях держав.

Контингент военных из России, посещавших Персию в рассматриваемое время, был разным. В первую очередь, это солдаты, унтер-и обер-офицеры, попавшие в Иран в результате дезертирства или плена и служившие в персидской армии. К русским властям они отношения не имели. Во вторую очередь, это военные, которые посылались либо из Петербурга, либо с Кавказа. Состав их был разнообразен. Это были офицеры ГШ, войск гвардии, других родов войск в чине от полного генерала до прапорщика, нижние чины Корпуса военных топографов, офицеры-геодезисты. Кроме того, использовали также чинов Корпуса жандармов и военизированных Корпуса горных инженеров и Корпуса инженеров путей сообщения. В основном, во время пребывания в Персии они состояли на русской военной службе, хотя встречались и исключения (П.И. Огородников).

Использовали военных по-разному. Они были дипломатами, военными агентами (тайными или полуофициальными, как И.Ф. Бларамберг), военными наблюдателями, военными советниками и инструкторами, просто разведчиками, собиравшими конкретную информацию (о путях сообщения, определение астрономических пунктов, сбор сведений для составления карт, изыскания полезных ископаемых и т.п.), участвовали в комиссиях по разграничению, выполняли представительские функции, служили курьерами между Кавказским начальством и русской дипломатической Миссией или персидским правительством. Для получения информации, интересовавшей русское военное ведомство или кавказское военное руководство, привлекались также невоенные люди: дипломаты, служившие в Персии, чиновники разных ведомств, посещавшие Иран, учёные. Сведения, полученные из всех указанных источников, скапливались в двух центрах – штабе Кавказской армии (Кавказского военного округа) и в Санкт-Петербурге (в Департаменте ГШ, затем в Главном управлении ГШ, и в Военно-учёном комитете, а также в Военно-топографическом депо (отделе) Главного штаба).

До 1860-х гг. офицеров в Персию посылали либо из Петербурга, либо (чаще) с Кавказа по необходимости. От них же поступала и большая часть информации военного характера об Иране. Систематического изучения страны в военном отношении не велось. Скорее всего, объяснялось это военной слабостью иранского государства, в чём русские военные убедились в период пребывания в Иране И.Ф. Бларамберга с 1837 по 1840 гг. Он постоянно присылал в Петербург донесения о текущем состоянии дел в персидских вооружённых силах и собирал военно-статистическую информацию. Главными задачами военного характера (помимо конкретных задач в каждом отдельном случае) были изучение армии, путей сообщения и (особенно для офицеров и топографов Корпуса военных топографов) сбор картографических материалов. Второстепенными задачами являлись: получение информации о климате, географии страны, о политическом

устройстве и текущих событиях, о народах, населяющих Иран и взаимоотношениях между ними и пр., т.е. все то, что составляло так называемое военно-статистическое и военно-географическое исследование.

Первые военно-статистические описания Персии, составленные на основе известий, собранных русскими военными и штатскими лицами, а также иностранных источников, были неоднородны. Классическим стало издание 1868 г. – «Военно-статистический сборник» – по которому можно чётко проследить, что именно интересовало Военно-учёный комитет Главного штаба (а именно он с 1867 г. стал курировать изучение армий и вообще военных возможностей иностранных государств) и, соответственно, военных, которых посылали в Персию из Петербурга с 1860-х гг. На Кавказе в штабе Кавказского военного округа была в 1871 г. разработана целая программа по изучению Азиатской Турции, которая была распространена и на Персию. Таким образом, с конца 1860-х гг. военное изучение Ирана становится систематическим, а офицеры, посылавшиеся в эту страну, как правило, имели исключительно военные задачи. На основе их работы делались военно-статистические обобщения, составлялись карты Персии, а также штабом Кавказского военного округа должен был разрабатываться план войны, если такая могла произойти с Ираном.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК – «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией»

ГШ – Генеральный штаб

ЗВТД – Записки военно-топографического депо Главного штаба (с 1864 г. по 1865 г. – «Записки Военно-топографической части Главного управления Генерального штаба», а с 1866 г. – «Записки Военно-топографического отдела Главного штаба»).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

СМА – «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии»

FOR AUTHOR USE ONLY

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения (вторая половина XIX – начало XXв.). Ташкент: Фан, 1975. 132 с.
2. Аблова Н.Е. Русско-иранские отношения в годы англо-иранской войны (1856–1857) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1982. № 2. С. 34–52.
3. Аблова Н.Е. Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. 186 с.
4. Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900. 504 с.
5. Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1885. 278 с.
6. Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. 672 с.
7. Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан...: из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М.: Кучково поле, 2016. 510 с.
8. Айрапетов О.Р. От Афганистана до Египта. Из опыта противостояния Великих Держав XIX века // Родина. 2012. № 7. С. С. 100–103.
9. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис: Тип. Главного управления Наместника кавказского, 1878. Т. 7. [2], XIV, 994 с.
10. АКАК. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника кавказского, 1878. Т. 8. [2], XXIV, 1009 с.
11. АКАК. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника кавказского, 1884. Т. 9. [14], XXII, 1013 с.

12. АКАК. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника кавказского, 1885. Т. 10. [2], XXXVIII, 938 с.
13. АКАК. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника кавказского, 1888. Т. 11. [2], XIV, 1020 с.
14. АКАК. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника кавказского, 1904. Т. 12. [2], XIV, 1556 с.
15. Алексеев М. Военная разведка в Российской империи. М.: Вече, 2010. 480 с.
16. Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М.: Евразия плюс, 1998. Т. 1. 432 с.
17. Алексеев А. Лексика русской разведки. М.: Международные отношения, 1996. 128 с.
18. Али Ахмад Али-заде. Историческое значение деятельности Мирза Хаджи Агаси Ереванци. URL: <http://kantegh.asj-oa.am/1850/1/131-142.pdf> (дата обращения: 01.11.2018).
19. Алиев А. Иран vs Ирак. История и современность. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002.
20. Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. 239 с.
21. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. 39+15+1250+4 с.
22. Анаркулова Д.М. К вопросу о деятельности Амир-Кабира в современной иранской историографии // Иран. Экономика. История. Историография. Литература (Сборник статей). М.: Наука, 1976. С. 207–226.
23. Анаркулова Д.М. Социально-политическая борьба в Иране в середине XIX века. М.: Наука, 1983. 159 с.
24. Анаркулова Д.М. Реформы Мирзы Таги-хана (1848–1851) их социальное и политическое значение: автореф. Дис. .кандист. наук. М., 1978. 17 с.
25. Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Нартанг, 2006. 464 с.

26. Андреев А.П. Туркменский аламан (Эскиз) // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 109–141.
27. Андреевский Е.К. Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. 1912. № 10. С. 37–82.
28. Аннанепесов М. Каджарская война 1860 г. URL: <http://www.turkmeniya.narod.ru/gajar-war.html> (дата обращения: 01.11.2018).
29. Армянский вопрос в Турции в материалах русского Генерального штаба. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. 10, 637 с.
30. Артамонов Л.К. Персия как наш противник в Закавказьи. Тифлис: Тип. Штаба Кав ВО, 1889. 193 с.
31. Артамонов Л.К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. 456 с.
32. Артамонов Л.К. Современное положение туркмен в Астрабадской и Бужнурдской провинциях Персии // Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и Северный Хоросан: Военно-статистическое исследование. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Ч. 1–2. С. 63–135.
33. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М.: Восточная литература, 1958. 284 с.
34. Асланов Р.Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1983. 156 с.
35. Астрахань–Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2004. 216 с.
36. Астрономические и геодезические работы, произведённые окружными Военно-топографическими отделами. Кавказского военного округа // ЗВТД. 1877. Ч. 35. Отд. 1. С. 10.
37. Астрономические наблюдения, сделанные штабс-капитаном Леммом в Хорасане и в Персии вообще в 1839 году // Бларамберг И.Ф.

- Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. С. 326–331.
38. Астрономические определения в Персии, произведённые капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // ЗВТД. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 23–40.
 39. Ахмеджанов Г. А. Английская экспансия на Среднем Востоке и Гератский вопрос в 40–50 гг. XIX в. // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. 1960. Вып. 152. Кн. 33: Некоторые вопросы международных отношений на Востоке. С. 39–62.
 40. Ахмеджанов Г.А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент: Фан, 1971. 131 с.
 41. Бабаев К. Военная реформа шаха Аббаса I (1587–1629) // Вестник Московского университета. Серия История. 1973. № 1. С. 21–29.
 42. Базиленко И.В. О беглом россияnine С. Я. Макинцеве (Самсон-хане) и его иранской службе (первая половина XIX в.) // Базиленко И.В. Историография, религиоведение и культурология Востока: учеб. пособие для студентов направлений «Зарубежное регионоведение», «Религиоведение», «Культурология». СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2011. С. 283–294.
 43. Базиленко И.В. Православная Россия и шиитский Иран. По страницам истории отношений (XVI – нач. XX вв.) URL: christian-reading.info/data/2011/02/2011-02-05.pdf (дата обращения: 01.11.2018).
 44. Базиленко И.В. Российский дезертир С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану // Базиленко И. Россия–Иран. История отношений и эволюция религиозных идей (конец XVI в. – нач. XX в.). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012 С. 255–270.
 45. Базиленко И.В. Российский беглец С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану URL: <http://christian-reading.info/data/2012/02/2012-02-06.pdf> (дата обращения: 21.10.2018).
 46. Бакал С.Н. Николай Иванович Воскобойников – один из первых коллекционеров иранской фауны (из истории орнитологических

- коллекций зоологического Музея Императорской Академии наук) // Русский орнитологический журнал. 2019. Т. 28. Экспресс-выпуск № 1805. С. 3645–3675.
47. Барометрические измерения, произведённые в Персии капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // ЗВТД. 1861. Ч. 22. Отд. 1. С. 41–50.
48. Бартоломей Ф.Ф. Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 г. (Из дневника ген.-лейт. Ф.Ф. Бартоломея) // Русская старина. 1904. Т. 118. № 4. С. 65–92; № 5. С. 291–320.
49. Бартольд В. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Изд-во Восточной литературы 2003. С. 31–228.
50. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции. Л.: Ленинградский Гублит. Государственная учебно-практическая школа-типография им. тов. Алексеева, 1925. 318 с.
51. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 294 с.
52. Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование // СМА. 1896. Вып. 63. 367 с.
53. Безотосный В. Наполеоновские планы Николая Петровича // Родина. 2008. № 7. С.45–51.
54. Безугольный А. Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалёв В.Е. История военно-окружной системы в России, 1862–1918. М.: Литрес, 2002. URL: <http://mreadz.com/read-249082> (дата обращения: 01.11.2018).
55. Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с.
56. Белозерский. Н.Н. Письма из Персии от Баку до Испагани // СМА. 1887. Вып. 25. С.1–108.

57. Белозерский Н.Н. Письма из Персии: От Баку до Испагани. 1885-86 г. СПб.: Военная типография, 1886. 2+108 с.
58. Березин И.Н. Путешествие по Северной Персии. Казань: Типография губернского правления и университетская, 1852. 347+72 с.
59. Берже А.П. Посольство А. П. Ермолова в Персию. Исторический очерк // Русская старина. 1877. Т. 19. С. 255–274, 389–427.
60. Берже А.П. Самсон-хан Макинцев и русские беглецы в Персии 1806–1853 гг. // Русская старина. 1876. Т. 15. № 4 (апрель). С. 770–804.
61. Берлинский трактат Берлин, 1/13 июля 1878 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/berlin.htm> (дата обращения: 01.11.2018).
62. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.
63. Бларамберг И.Ф. Осада города Герата, предпринятая персидскою армиею под предводительством Магомед-шаха, в 1837 и 1838 годах // СМА. 1885. Вып. 16. С. 1–40.
64. Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. 359 с.
65. Блюмер. Состояние Таврического гарнизона в мае 1891 г. // СМА 1891. Вып. 49. С. 38–42.
66. Богданович Е.В. Наср-Эддин шах и его выезд в Россию в 1873 году. СПб.: Тип. Майкова 1873. 28 с.
67. Боде К.К. Путевые заметки // Библиотека для чтения. 1854. Т. 123.
68. Боде К.К. Путешествие в Луристан и в Аравистан // Библиотека для чтения. 1854. Т. 126.
69. Болтунов М. Душа разведчика под фраком дипломата. М.: Вече, 2012. 368 с.
70. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. М.: Новый хронограф, 2014. 358 с.

71. Бороздна В.П. Краткое описание путешествия Российско-императорского посольства в Персию в 1817 году. Спб.: Тип. имп. Акад. наук, 1821. 270 с.
72. Бугаева А.Г. Борьба за Герат 1837–1841 гг. URL: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/bugayeva_15_39_58_61.pdf (дата обращения: 01.11.2018)
73. Бугаева А.Г. Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2009. 229 с.
74. Бутенко И.В., Бутенко Д.А. Основные направления развития статистики URL: orelgiet.ru/docs/pdf/94_10_12_12.pdf (дата обращения: 01.11.2018).
75. Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 249 с.
76. Бушев П.П. Посольство Артемия Вольнского в Иран в 1715–1718 гг. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. 288 с.
77. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам) М.: Наука, 1987. 280 с.
78. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам) М.: Наука, 1976. 480 с.
79. Васильев А.Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М.: Ин-т востоковедения АРАН, ПРОБЕЛ-2000, 2014. 356 с.
80. Васильев Л.С. Всеобщая история. В 6 т. Москва, 2007. Т. 2. 478 с.
81. Васильев Л.С. Феномен феодализма (Новый взгляд на старую проблему) // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 148–161.
82. Венюков М.И. Россия и Англия в Персии // Русский вестник. 1877. Т. 131. № 10. С. 447–471.

83. Вестник имп. Русского Географического общества. 1852. Ч. 4. Кн. 1.
84. Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.
85. Военный сборник. 1859. № 10. С. 549–550.
86. Военный сборник. 1859. № 11 URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1840-1860/VS/1859_11.htm (дата обращения: 01.11.2018).
87. Военный сборник. 1861. № 12. С. 569–570
88. Военная энциклопедия. Пг.: Т-во И.Д. Сытина, 1915. Т. 18. 358 с.
89. [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 1–32.
90. Всеподданнейший отчёт генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. 65 с.
91. Володарский М. Дуэль двух дипломатий в Кабуле // Отечественная история. 2002. № 5. С. 49–61.
92. Выскочков Л. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. 694 с.
93. Высочайший указ об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирского военных округов // Полное собрание законов Российской империи Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. 40. 1865. Отд. 1. № 42368.
94. Габелко Д.Е. Д.А. Милютин – государственный деятель и историк русской армии: Диссертация ... кандидата исторических наук. Воронеж, 2002. 194 с.
95. Гагарин А. Персидский Курдистан // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1852. Кн. 1. С. 256–260.
96. Гамазов М.А. Плавание по Тигру и Шатт-эль-Арабу URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/persien.html> (дата обращения: 11.09.2018).

97. Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I, 1722–1723 гг. Махачкала: Дагестанский гос.пед. ун-т, 2015. 128 с.
98. Генерал-майор Н.Г. Столетов // Иллюстрированная хроника войны. Приложение к Всемирной иллюстрации. 1878. № 83. С. 263.
99. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. 7+385+205+101 с.
100. Глиноецкий Н.П. История Русского генерального штаба. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного окр., 1883. Т. 1: 1698–1825 г. VIII, 427, [2] с.; Т. 2: 1826–1855 гг. 1894. II, 284, [2] с..
101. Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). Дис. ... д-ра геогр. наук. М.:, 2003. 457 с.
102. Гневушева Е.И. Путешествия П.И. Пашино по Персии и Индии // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Издательство АН СССР, 1953. Вып. 2. С. 83–95.
103. Гневушева Е.И. Забытый путешественник. Жизнь и путешествия П.И. Пашино. М.: Географгиз, 1958. 112 с.
104. Гоков О.А. Военная миссия барона Ивана Казимировича фон Аша в Персию в 1831–1832 гг. // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников XII Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании», 21–22 марта 2019 г., Филиал КузГТУ в г. Белово. Белово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва, 2019. Ч. 4. С. 22–25.
105. Гоков О.А. Военные агенты России второй половины XIX века: к вопросу об определении понятия // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников VI Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании» (17–18 мая 2013 г.): в 4 частях. Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово, Россия; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико Тырново, Болгария, 2013. Ч. 3. С. 310–312.

106. Гоков О.А. Изучение Ирана российскими военными в 1860-х – первой половине 1870-х гг.: основные тенденции // *Иран-наме*. 2018. № 4. С. 288–318.
107. Гоков О.А. Корреспонденты в российско-турецкой войне 1877–1878 гг на Балканском полуострове // *Canadian American Slavic Studies*. 2007. Vol. 41. № 2. P. 127–186.
108. Гоков О.А. Миссия В.А. Франкини в Иран в 1877 г.: военный аспект // *Караван*. 2020. № 81. С. 16–56.
109. Гоков О.А. Офицеры российского Генерального штаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове // *Дриновський збірник/Дриновски сборник*. 2007. Т. 1. С. 113–124.
110. Гоков О.А. Очерки истории Персидской казачьей бригады (1878–1895): по русским источникам. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. 416 с.
111. Гоков О.А. Персидская казачья бригада в 1878–1895 гг.: Очерки истории в контексте внешней политики Российской империи относительно Ирана (по русским источникам). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2017. 679 с.
112. Гоков О.А. Представительские поездки российских офицеров в Иран в 1840-х – 1850-х гг. // *Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников XIII Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании»*, 26 марта 2020 г., Филиал КузГТУ в г. Белово. Белово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2020. С. 9–12.
113. Гоков О.А. Российская военная миссия 1877 г. в Персию // *Наука и образование: Материалы VI международной научной конференции*. Белово, 2006. Ч. 3. С. 279–282.
114. Гоков О. А. Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // *Canadian American Slavic Studies*. 2003. Vol. 37. № 4. P. 395–414.

115. Гоков О.А. Россия, Иран и «Восточный вопрос» в 1850-х–1870-х гг. URL: http://ricolor.org/history/voen/form/18_03_2103/2/ (дата обращения: 01.11.2018).
116. Гоков О.А. Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. 2012. Т. 13. С. 74–96.
117. Гоков О.А. Создание Персидской казачьей бригады // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Харьков, 2003. С. 65–71.
118. Гончаренко А.В. Загострення британо-російських протиріч у Східному питанні в період російсько-турецької війни 1877–1878 рр. // Сумська старовина. 2009. № 28/29. С. 95–105.
119. Гордин Я.А. Ермолов. М.: Молодая Гвардия, 2012. 600 с.
120. Горшенина С. Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): Автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана // Ab Imperio. 2014. № 2. С. 102–165.
121. Гродеков Н. И. Война в Туркмении. СПб, 1883. Т. 1. 2+IV+282+158 с.
122. Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1884. Т. 4. 382+116 с.
123. Густерин П. Российская империя и Кавказ. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 64 с.
124. Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад: Ылым, 1972. 254 с.
125. Даль В.И. Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде, в 1837 и 1838 годах, персиянами крепости Герата // Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского). Т. 7. СПб. – М., 1898 URL: <http://rus-turk.livejournal.com/199570.html> (дата обращения: 12.10.2018).
126. Данков А.Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии: XIX – начало XXI вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 248 с.

127. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи-XXI, 2009. 560 с.
128. Демури́н Д.М. Русско-английское соглашение 1907 года и противостояние России и Великобритании в Персии накануне Первой мировой войны // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2008. Т. 5. С. 93–124.
129. Диттель В.Ф. Очерк путешествия по Востоку с 1842 по 1845 // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1846. Т. 83. № 331. С. 205–238; Т. № 332. С. 295–339.
130. Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1947. Т. 1. 255 с.
131. Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1949. Т. 2. 291 с.
132. Дневник Д.А. Милютин. 1878–1880. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1950. Т. 3. 324 с.
133. Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке, 1895-1904 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 213 с.
134. Добычина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 годах // Отечественная история. 2000. № 4. С. 161–170.
135. Дронова Н.В. Тезис о «русской угрозе» как фактор российско-британского имперского соперничества в 70-е годы XIX века URL: <http://indonet.ru/Statya/Gde-nahoditsya-%E2%80%9Cklyuch-k-Indii> (дата обращения: 01.11.2018).
136. Евстратов А. Русские богатыри на службе у шаха Персии // Современный Иран. 2011. № 3. С. 61–65.
137. Ермолов А.П. Выписки из журнала Российского посольства в Персию 1817 г. // Отечественные записки. 1827. Ч. 32. № 92. С. 415–450; 1828. Ч. 33. № 93. С. 107–167; № 94. С. 221–268; № 95. С. 395–442.
138. Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990. 166 с.

139. Журнал посольства в Персию генерала А.П. Ермолова // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском Университете. М.: В Университетской тип., 1863. Кн. 2. 64 с.
140. Загородникова Т. «Индийский поход» Александра II и его последствия // Азия и Африка сегодня. 2005. № 11. С. 51–53.
141. Загородникова Т. «Индийский поход» русской армии и миссия генерала Н.Г. Столетова в Кабул. Восток. 2006. № 4. С. 21–36.
142. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 375 с.
143. Записка о ходе сношений наших с Персией с самого начала разрыва нашего с Турцией // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданскою частью на Кавказе. 1885. Т. 10. С. 745–752.
144. Записки А.П. Ермолова 1798–1826 гг. / Сост., подг. текста В.А. Федорова. М.: Высшая школа, 1991. 463 с.
145. Записки военно-топографического депо Главного штаба (с 1864 г. по 1865 г. (ч. 25–26) — «Записки Военно-топографической части Главного управления Генерального штаба», а с 1866 г. (ч. 27) — «Записки Военно-топографического отдела Главного штаба»). 1855. Ч. 17; 1957. Ч. 19; 1858. Ч. 20; 1860. Ч. 21; 1861. Ч. 22; 1862. Ч. 23; 1863. Ч. 24; 1866. Ч. 27; 1873. Ч. 33; 1880. Ч. 37.
146. Записки декабриста Е.Е. Лачинова о путешествии А.П. Ермолова в Иран в 1817 г. URL: [http://hpj.asj-oa.am/1029/1/1967-1\(105\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/1029/1/1967-1(105).pdf) (дата обращения: 11.09.2018).
147. Захаров В.А. Индийский поход Павла I // Старый Кирибей [П.Н. Шабельский-Борк]. Павловский гобелен: Сб. ст. М., 2011. С. 66–79, 95–104 URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Zaxarov_00.pdf (дата обращения: 01.05.2017).

148. Захаров И. Насер од-Дин-шах Каджар и проблемы раннего этапа модернизации в Иране (вторая половина XIX века) URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?2346> (дата обращения: 01.11.2018).
149. Золотарёв А.М. Военно-статистический очерк Персии. СПб.: Типолитография А.Е. Ландау, 1888. 205 с.
150. Золотарёв В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз Восточного кризиса. М.: Animi fortitudo, 2005. 568 с.
151. Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. 404 с.
152. Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1874. 268 с.
153. Иванов М.С. Бабидские восстания в Иране (1848–1952). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 176 с.
154. Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. 467 с.
155. Ильина Т.Н. Военные агенты Российской империи // Война и оружие: новые исследования и материалы. СПб.: ФГУКиИ «ВИМАИВиВС» МО РФ, 2010. Ч. 1. С. 311–336.
156. Именной указ об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских военных округов от 6 августа 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 40. Отд-е 1-е. Кн. 2-я. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1867. С. 851–874.
157. Иодко О.В. Академик Б.А. Дорн в Петербурге URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-176-3/978-5-88431-176-3_04.pdf (дата обращения: 01.11.2018).
158. Исторический вестник. 1893. Т. 50. № 10. С. 280.
159. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872. СПб.: [б. и.], 1872. 787 с.

160. История отечественного востоковедения до середины XIX века до 1917 года. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1997. 435 с.
161. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1997. 536 с.
162. История Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во НП ТуркмССР, 1957. Т. 1. Кн. 2. С начала XIX в. до Великой октябрьской социалистической революции. 531 с.
163. Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979. 221 с.
164. Йениш А.Х. Осада Герата в 1838 году // Военный сборник. 1899. Т. 249. № 10. С. 286–298.
165. Кавказский календарь на 1858 год. Тифлис, типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1857. 538 с.
166. Кавказский календарь на 1879 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1878. 700 с.
167. Кавказский календарь на 1880 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1879. 226+106+212+8 с.
168. Кадырбаев А.Ш. Институт гвардии и элитных войск на Востоке и Западе: история и современность URL: [www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20\(26\)2013.pdf](http://www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20(26)2013.pdf) (дата обращения: 01.11.2018).
169. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. 544 с.
170. Канева К. Рыцарь Балкан. Граф Н.П. Игнатьев. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 523 с.
171. Карта астрономических определений, произведённых капитаном Леммом в 1838 и 1839 годах // ЗВТД. 1861. Ч. 22. Приложение.
172. Каширин В.Б. Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М. Вилком-М, 2014. 632 с.

173. К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. 1935. Т. 2/3 (69/70). С. 3–39.
174. Кибовский А. «Багадеран» – Русские дезертиры в персидской армии. 1802–1839 // Цейхгауз. 1996. № 5. С. 26–29.
175. Кибовский А. Багадеран // Родина. 2001. № 5. С. 81–87.
176. Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М.: Высшая школа, 1974. 280 с.
177. Киняпина Н.С. Средняя Азия во внешнеполитических планах царизма (50–80-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 36–51.
178. Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия. М.: Яуза; Эксмо, 2010. 768 с.
179. Колубакин А.М. Введение к очерку вооружённых сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования персидской армии // История Ирана. К.–М.: Альтернатива–Евролинц, 2003. С. 284–294.
180. Колубакин. Введение к очерку вооружённых сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования Персидской армии // СМА. 1883. Вып. 4. С. 35–49.
181. Колубакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий // СМА. 1884. Вып. 11. С. 1–33.
182. Колубакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и населения как источник комплектования Персидской армий. Состав населения Персии по племенам и провинциям // СМА. 1883. Вып. 4. С. 50–110
183. Командировка капитана Альбранта в Персию в 1838 году, рассказанная им самим // Русский вестник. 1867. № 3. С. 304–340.
184. Кондрашёва А.С. Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003. 319 с.
185. Корф Ф.Ф. Воспоминания о Персии, 1834–1835. СПб., 1838. [4], IV, 290, IV с.

186. Косев К., Дойнов С. Освобождението (1877–1878). София: Академично издателство Марин Дринов, 2003. 231 с.
187. Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 390–402.
188. Косырев Е.М. Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8 URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1820-1840/Kosyrev/text.htm> (дата обращения: 01.11.2018).
189. Красноводский отряд в 1869–1870 годах // Военный сборник. 1872. № 3. URL: http://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1860-1880/Krasnovod_otrjad/text1.php (дата обращения: 01.11.2018).
190. Кривопалов А. Крестовый поход Неистового Орландо Figes O. Crimea. The last Crusade. L., 2011 // Русский Сборник: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2015. Т. 18. С. 234–296.
191. Круглов А., Нечитайлов М. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М. Фонд Русские Витязи 2016. С. 84–105.
192. Круглов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // Tarix və onun problemləri. 2013. № 1. С. 45–58.
193. Круглов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // История и её проблемы. 2013. № 1. С. 48–53.
194. Круглов А.И., Нечитайлов М.В. Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kryglov_Nechitailov.pdf (дата обращения: 01.11.2018).
195. Кубанов К.Г. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв. Автореф. ... канд. ист. наук. Нижневартговск, 2007. 27 с.
196. Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX века. М.: Наука, 1983. 265 с.

197. Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. 271 с.
198. Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. 190 с.
199. Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении: (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1899. 235 с.
200. Куропаткин А.Н. Туркмения и туркмены. СПб.: Тип. В. А. Полетики, 1879. 57 с.
201. Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722—1735). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 384, [16] с.
202. Ларин А.Б. Вчерашний враг, сегодняшний друг? Государство и армия Ирана Каджаров глазами российских военных и дипломатов до и после войны 1826–1828 годов URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Larin.pdf> (дата обращения: 01.11.2018).
203. Ларин А.Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 283 с.
204. Ларин А.Б. Российско-иранское военное сотрудничество в 30–40-е годы XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7. С. 37–41.
205. Ларин А.Б. Русские офицеры о государстве и армии Ирана шахов Каджаров URL: <http://armflot.ru/geopolitika/238-russkie-ofitsery-o-gosudarstve-i-armii-irana-shakhov-kadzharov?showall=1> (дата обращения: 11.10.2018).
206. Ларин А.Б. Участие России в модернизационной программе Ирана в конце 30-х – 40-х гг. XIX в. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-rossii-v-modernizatsionnoy-programme-irana-v-kontse-30-h-40-e-gg-xix-v> (дата обращения: 01.11.2018).

207. Ларионова А.Ю. Формирование образа Персии и персов в России и СССР в 1800–1971 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 2012. 172 с.
208. Ленц Р.Э. Исследования в Восточной Персии и в Хератском владении. СПб.: Тип. Акад. наук, 1868. Ч. 1. 158 с.
209. Леонтьев М. Большая игра. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб. 319 с.
210. Лесин В.И. Генерал Ермолов. М.: Вече, 2011. 514 с.
211. Лисицина Н.Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях: 1880-е – 1907 гг. Дисс. канд. ист. наук, М., 2006. 268 с.
212. Луганский В. Рассказ русского пленного об осаде Герата персиянами в 1837 и 1838 годах // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1846. Том 61. № 241. С. 20–44.
213. Лысцов В. П. Персидский поход Петра I: 1722–1723. М.: Издательство Московского университета, 1951. 248 с.
214. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1985. Т. 4. 335 с.
215. Малахов Д. А. Наместничество как фактор внутренней и внешней политики России на Северном Кавказе в XVIII – начале XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 30 с.
216. Малахов Д.А. Наместничество как фактор внутренней и внешней политики России на Северном Кавказе в XVIII – начале XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 220 с.;
217. Мамедова Г.Л. О походе В.Зубова в Азербайджан в 1796 г. Баку: Elm, 2003. 94 с.
218. Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX века. Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1964. 156 с.
219. Маркозов В. Красноводский отряд. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря по 1873 г. включительно. СПб.: В.А. Березовский; типография Э. Арнольда, 1898. 309 с.
220. Масальский Н.Ф. Письма русского из Персии. Ч.1-2. СПб.: Тип. штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. Ч. 1. [4]+IV+317 с.; Ч. 2. [2]+IV+335 с.

221. Мегрелидзе Ш.В. Грузия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Батуми: Госиздат Адж. АССР, 1955. 125 с.
222. Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. 303 с.
223. Медведев А.И. Персия. Военно-статистическое обозрение. СПб.: В. Березовский, 1909. 624+4 с.
224. Медведик И.С. Англо-российское соперничество в Персии во второй половине XIX – начале XX вв. URL: <https://sibac.info/conf/social/xii/28168> (дата обращения: 01.11.2018).
225. Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. М.: Агент-пресс, 2011. 549 с.
226. Минорский В.Ф. Турецко-персидское разграничение. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. 42 с.
227. Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1897. 180 с.
228. Михалёв А.В. «Новая Большая Игра» в Центральной Азии: фактор Монголии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 2. С. 35–41.
229. Мухаммед Али-ал-Хусейни. Мервская битва // «Дженг-е-Мерв» как персидский источник по изучению истории Южного Туркменистана середины XIX в. Ашхабад: Ылым. 1990 URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/m.asien.htm> (дата обращения: 11.10.2018).
230. Назаров О. Забытый странник // Вокруг света. 1995. № 12 URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1300/> (дата обращения: 01.09.2018).
231. Наср-Эдин. Пребывание шаха Наср-Эдина в России во время первого путешествия его величества по Европе в 1873 году: (Извлеч. из собств. е. вел. дневника). СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1889. 53 с.
232. Наср-эддин, шах персидский // Нива. 1896. № 19. С. 452, 454.
233. Наср-Эдин, шах персидский // Нива. 1873. № 19. С. 293–295.

234. Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М.: Воениздат, 1993. 287 с.
235. Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Т. 1–49. в 100 т. Репринтное издание 1870–1918 гг. СПб.: Альфарет, 2012–2013. Т. 17: 1878. № 1–26. 484 с.
236. Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. 92 с.
237. Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–XIX вв. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 621 с.
238. Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 496 с.
239. Ниязатов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение 2015. 640 с.
240. Норик Б.В. Дневник В.А. Косаговского за 1894–1895 годы // Восточный архив. 2018. № 2. С. 37–50.
241. Норик Б.В. В.А. Косаговский: штрихи к биографии (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН и Российского государственного военно-исторического архива) // Россия и Палестина: Научные и культурные связи. СПб.: Би., 2018. С. 184–201.
242. Норик Б.В. Дневник В.А. Косаговского за 1894• 1895 годы // Восточный архив. 2018. № 38. С. 37–50.
243. Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 2 // Восточный архив. 2019. № 39. С. 16–29.
244. Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 3 // Восточный архив. 2019. № 40. С. 19–33.
245. Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 4 // Восточный архив. 2020. № 41. С. 13–26.
246. Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 5 // Восточный архив. 2020. № 42. С. 18–30.

247. Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского Часть 6 // Восточный архив. 2021. № 43. С. 17–28.
248. Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского Часть 7 // Восточный архив. 2021. № 44. С. 12–24.
249. Норик Б.В. Первые шаги В.А. Косаговского на посту командира Персидской казачьей бригады (по материалам «Дневника» за 1895 г.) // Иран-наме. 2013. № 3. С. 169–178.
250. Норик Б.В. Рапорт полковника В.А. Косаговского о положении в Персидской казачьей бригаде. 1895 год // Восточный архив. 2018. № 37. С. 20–33.
251. Носков. Посольство поручика Носкова в Персию с хрустальной кроватью // Исторический вестник. 1887. Т. 30. № 11. С. 425–440.
252. Овсянников В. И. Проблемы Востока и общественно-политическая мысль России (середина XIX в.). М.: МГЗПИ, 1989. 100 с.
253. Огородников П. На пути в Персию и Прикаспийские провинции её. СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. 4+331 с.
254. Огородников П.И. Очерки Персии. СПб.: Ред. журн. Всемирный путешественник, 1878. 4+2+396 с.
255. Огородников П.И. Страна солнца. Персия: Путевые очерки. СПб.: Тип. В. Демакова, 1881. 4+6+2+355 с.
256. Огранович И.А. Провинции Ардабильская и Серабская. Материалы для географии Персии. Тифлис: Тип. И. Чанцева и Ко. 1876г. 2+95 с.
257. Огранович И. Поездка в Персию в 1863 году. СПб.: б. и., 1866. Оттиск из Военного сборника. 1866. Т. 52. Отд. 2. С. 149–184; 353–385.
258. Огранович И.А. Провинции Персии Ардабильская и Серабская // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1876. Кн. 10. Вып. 1. С. 141–235.
259. Огранович И.А. Сведения о шахсевенах // Кавказский календарь на 1871. Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1870. Отд. 3. С. 68–84.

260. Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. 203 с.
261. Пашино П.И. Из воспоминаний секретаря посольства. (О тегеранской жизни) // Колосья. 1887. № 7/8. С. 94–114.
262. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М.: Эксмо, 2010. 448 с.; Пенской В.В. Военная революция XVI — XVII вв. и её изучение в зарубежной и российской историографии второй половины XX – начала XXI вв. // Научные ведомости БелГУ. 2008. Вып. 7. № 5 (45). С. 67–73.
263. Пенской В.В. Военная революция в Европе XVI–XVII веков и её последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194–206.
264. Письма Н. П. Ломакина консулу Ф. А. Бакулину (о среднеазиатских делах). 1874–1878. С примечаниями В. А. Алексеева. СПб.: Тип. П. Усова, 1914. 26 с.
265. Подробное описание Персии и государств Кабула, Сеидстана, Синди, Бальха, Белуджистана, земли Хорассана, также Грузии и персидских провинций, присоединенных к России. М.: Типография С. Селивановского, 1829. Ч. 1. 166 с.; Ч. 2. 85 с.; Ч. 3. 128 с.
266. Поездка из Казбина в Буруджир (извлечение из письма второго драгомана императорской Миссии в Тегеране г. Гусева к Н.В. Ханькову) // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1853. Кн. 2. С. 262–268.
267. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1873. Т. 44.
268. Положение о Военном министерстве // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Типография II Отделения собственно Е.И.В. канцелярии, 1873. Т. 44. Отд. 1. № 46611.
269. Попов А. Англо-русское соперничество на путях Ирана // Новый Восток. 1926. Кн. 12. С. 127–148.
270. Постников А.В. «Большая игра» в Азии против России: история и современность. Чита: ЗабГУ, 2015. 77 с.

271. Постников А.В. «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой игре» Британии и России (1869–1896) URL: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39358/1/AS117_002.pdf (дата обращения: 01.11.2018).
272. Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М.: Памятники исторической мысли 2001. 415 с.
273. Потто В.А. Гибель отряда Рукина в 1870 году // Исторический вестник, № 7. 1900 URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Potto/gibel_rukina.htm (дата обращения: 01.11.2018).
274. Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1894. Т. 4. X, 200 с.
275. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 2: Ермоловское время. 694 с.
276. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь: Кавказский край, 1993. Т. 3: Персидская война (1826–1828 гг.). 614 с.
277. Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и верховья Жёлтой реки. СПб.: Русское географическое Общество, 1883. [6], IV, II, 476 с.
278. Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии 1879–1880. М.: Географгиз, 1948. 408 с.
279. Присоединение Туркмении к России: Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. 823 с.
280. Радожицкий И.Т. Историческое известие о походе Российских войск в 1796 году в Дагестане и Персии под командою Графа Валериана Александровича Зубова, издание 1827 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1780-1800/Istor_izvestie (дата обращения: 11.09.2018).

281. Родина. 2001. № 5.
282. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 2. 1872. Св. 662. Д. 52. По рескрипту его высочества наместника кавказского о командировании чинов военного ведомства к консульствам нашим в Малой Азии для изучения края. 95 л.
283. РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 3. 1878 г. Св. 484. Д. 55. О командировании лиц в комиссии для проведения границы Европейской и Азиатской Турции. 503 л.
284. РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. 1901. Д. 530. О командировании в Маньчжурию негласного военного агента ГШ полковника Скерского. 29 февраля 1899 г. – 5 октября 1902 г. 95 л.
285. РГВИА. Ф. 446. Д. 3. Записка поручика Носкова о политическом и военном положении Персии. 16 л.
286. РГВИА. Ф. 446. Д. 4. Записки главнокомандующего войсками в Грузии, написанные В.И. Ростовцевым, с описанием путешествия русского посольства в Персию в 1817 г. 45 л.
287. РГВИА. Ф. 446. Д. 5. Записка штабс-капитана Бебутова о вооружении и обмундировании персидского нерегулярного войска. 6 л.
288. РГВИА. Ф. 446. Д. 6. Записка капитана Ермолова об организации регулярной персидской армии по родам войск. 1817 г. 17 л.
289. РГВИА. Ф. 446. Д. 7. Зарисовки форм обмундирования регулярных войск Персии. 1817 г. 7+1 л.
290. РГВИА. Ф. 446. Д. 11. Энегольм. Историческое и военно-политическое обозрение Персии. Сост. полковник Энегольм. 1827 г. 64+1 л.
291. РГВИА. Ф. 446. Д. 12. Энегольм. Историческое и военно-политическое обозрение Персии. Сост. полковник Энегольм. 1827 г. 54 л. Содержит карту.
292. РГВИА. Ф. 446. Д. 13. Переписка военного министра Чернышева А.Н. и министра иностранных дел Нессельроде с русским посланником в

Персии Симоничем и командиром отдельного Кавказского корпуса генералом Розеном о болезни и смерти персидского шаха Фет-Али и его наследника Абасса Мирзы и о концентрации войск на русско-персидской границе для охраны её от набегов со стороны кочевых племен, населяющих Персию. 76+4 л.

293. РГВИА. Ф. 446. Д. 15. Доклад по департаменту Генерального штаба военному министру Чернышеву А.И. о представленных документах русской миссией в Персии с вновь полученными сведениями о Персии. 3 л.

294. РГВИА. Ф. 446. Д. 16. Письмо русского военного агента в Персии подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву о результатах первого похода персидской армии против г. Герата. 30 ноября 1837 г. 2 л.

295. РГВИА. Ф. 446. Д. 17. Донесения русского посланника в Тегеране Симонича и русского военного агента подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву А.Н. о военных действиях Персии против г. Герата. 1837 г. 5 л.

296. РГВИА. Ф. 446. Д. 18. Заметки подполковника Бларамберга о состоянии вооруженных сил Персии. 1837 г. 18 л.

297. РГВИА. Ф. 446. Д. 19. Заметки о регулярной армии Персии. 12 л.

298. РГВИА. Ф. 446. Д. 20. Донесения русского военного агента в Персии подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву А.Н. о военных действиях Персии против г. Герата; статистическая записка Бларамберга о Персии. 107+4 л.

299. РГВИА. Ф. 446. Д. 21. Приказ шаха о введении одинаковой формы обмундирования для всех родов войск персидской армии. 3 л.

300. РГВИА. Ф. 446. Д. 22. Донесения военного агента в Персии подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву А.Н. о военных действиях персов против г. Герата; о вмешательстве англичан

во внутренние дела Афганистана и об экономическом и политическом положении Персии. 63+3 л.

301. РГВИА. Ф. 446. Д. 23. Донесения подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву А.Н. о политическом положении Персии. декабря 1839 г. – 10 июля 1840 г. 39+3 л.
302. РГВИА. Ф. 446. Д. 24. Записка о причинах поражения персидской армии под г. Гератом. 1839 г. 7 л.
303. РГВИА. Ф. 446. Д. 26. Описание осады г. Герата персидской армией в 1837–1838 гг. Сост. подполковник Бларамберг. Приложение: Портрет премьер-министра Мирзы-Хаджи-Агасчи, план г. Герата. 1839. 40 л.
304. РГВИА. Ф. 446. Д. 27. Записка подполковника Бларамберга военному министру Чернышеву А.Н. о возможности военного столкновения между Россией и Персией. 1839 г. 12 л.
305. РГВИА. Ф. 446. Д. 28. Описание осады г. Герата персидской армией. 1840. 42 л.
306. РГВИА. Ф. 446. Д. 29. Записка о вооружённых силах Персии. 1840. 21 л.
307. РГВИА. Ф. 446. Д. 30. Донесение русского генерального консула в Тавризе Аничкова в Министерство иностранных дел о концентрации персидских войск в Салмазе на персидско-турецкой границе. 26 сентября – 24 ноября 1842 г. 10 л.
308. РГВИА. Ф. 446. Д. 31. Журнал путешествия персидского генерала Семино по южным провинциям Персии и по побережью Персидского залива в 1840–1841 гг. 29 октября 1842 г. – 24 ноября 1842 г. 43+3 л.
309. РГВИА. Ф. 446. Д. 32. Опись документов, хранившихся в Генштабе и заключающих в себе сведения о Персии с 1826 по 1841 гг. 54+3 л.
310. РГВИА. Ф. 446. Д. 34. Выписка из донесения русского посла в Персии Медема о состоянии вооруженных сил Персии. 22–24 января 1846 г. 4 л.
311. РГВИА. Ф. 446. Д. 35. Письмо русского посланника в Тегеране Лаговского директору Азиатского департамента Ковалевскому Е.П. о

- присылке в Персию русских военных агентов и об организации научной экспедиции в г. Герат, г. Кандагар и г. Кабул. 1 ноября 1857 г. 3 л.
312. РГВИА. Ф. 446. Д. 36. Донесение русского посланника в Тегеране Лаговского министру иностранных дел Горчакову А.М. о пребывании в Персии английских офицеров. 1857 г. 4 л.
313. РГВИА. Ф. 446. Д. 37.
314. РГВИА. Ф. 446. Д. 39. Записка о состоянии вооруженных сил Персии. 16 декабря 1863 г. – 30 января 1864 г. 14 л.
315. РГВИА. Ф. 446. Д. 40. Донесение генерала Бартоломея вице-канцлеру Горчакову о реорганизации персидской армии. 1863 г. 1 л.
316. РГВИА. Ф. 446. Д. 41. О нынешнем состоянии персидской армии. Докладная записка генерал-майора Франкини его императорскому высочеству главнокомандующему Кавказской армией.
317. РГВИА. Ф. 446. Д. 84. Заметки подполковника Бларамберга об острове Карак (Персидский залив). 1839 г. 2 л.
318. РГВИА. Ф. 446. Д. 87. Карта Персии, Ирака, Афганистана, Белуджистана. Берлин, 1852 г. 2 л.
319. РГВИА. Ф. 446. Д. 89. Карта Персии, Бухары, Кабула. 1854 г. 1 л.
320. РГВИА. Ф. 446. Д. 92. Описание турецко-персидской границы. 1857 г. 68 л.;
321. РГВИА. Ф. 446. Д. 103. Карта персидского Азербайджана и Курдистана. Берлин. Изд. Шроп. 1858 г. 1 л.
322. РГВИА. Ф. 446. Д. 104. Профиль высот и небольшая карта юго-западной части Персии с обозрением процесса горообразования по схемам и данным Т. Коли и другие вспомогательные материалы. Хознаккер Р.Ф. 1846 г. 1 л.
323. РГВИА. Ф. 446. Д. 105. Карта персидского Азербайджана. 1871 г. 1 л.
324. РГВИА. Ф. 446. Д. 116. Карта Фарсистана (Персия). Берлин. Изд. Раймер. 1843 г. 1 л.

325. РГВИА. Ф. 446. Д. 117. Карта части Хорасана, района Астрабад-Шаруд-Мешхед. 1 л.
326. РГВИА. Ф. 446. Д. 118. Статистическое описание Хорасана. 1839 г. 5 л.
327. РГВИА. Ф. 446. Д. 119. Карта Хорасана (Северная Персия). Сост. Циммерман. Берлин. Изд. Раймер. 1841 г. 1 л.
328. РГВИА. Ф. 446. Д. 124. План г. Астрабада. Съёмка топографов Жаринова и Петрова. 1858 г. 1 л.
329. РГВИА. Ф. 446. Д. 125. Карта окрестностей Астрабада. 1 л.; РГВИА. Ф. 446.
330. РГВИА. Ф. 446. Д. 129. План г. Бендер-Бушер с описанием. Сост. штабс-капитан корпуса топографов Проскуряков. 1850 г. 1 л.
331. РГВИА. Ф. 446. Д. 130. План г. Буруджирда с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и прапорщика Ограновича. Черт. Бакунов. 1850. 1 л.
332. РГВИА. Ф. 446. Д. 131. План г. Гамадана с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и прапорщика Ограновича. Черт. Большов. 1850 г. 1 л.
333. РГВИА. Ф. 446. Д. 132. План г. Польшагайна с описанием. Съёмка капитана Проскурякова и прапорщика Ограновича. Черт. Байков. 1850 г. 1 л.
334. РГВИА. Ф. 446. Д. 133. План г. Дисфуля с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и поручика Ограновича. Черт. прапорщик Егоров. 1850 г. 1 л.
335. РГВИА. Ф. Д. 135. План города Йезда. Черт. Топографы Жаринов и Петров. 1859 г. 1 л.
336. РГВИА. Ф. 446. Д. 136. План г. Исфагани с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и поручика Ограновича. Черт. поручики Большов и Бакунов. 1851 г. 1 л.

337. РГВИА. Ф. 446. Д. 137. План г. Керманшаха с описанием. Съёмка капитана Проскурякова и прапорщика Ограновича. Черт. Большов. 1850 г. 1 л.
338. РГВИА. Ф. 446. Д. 138. План г. Кирмана. Черт. Жаринов. 1859 г. 1 л.
339. РГВИА. Ф. 446. Д. 142. План г. Мешхеда. Черт. топограф Жаринов. 1858 г. 1 л.
340. РГВИА. Ф. 446. Д. 144. План г. Сенна (Сеннендич) с описанием. Съёмка прапорщика Ограновича. Черт. Бакунов. 1851. 1 л.
341. РГВИА. Ф. 446. Д. 145. План развалин г. Сузы. Черт. прапорщик Васильев. 1850 г. 1 л.
342. РГВИА. Ф. 446. Д. 146. План г. Султан-Абада с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и прапорщика Ограновича. Черт. Бакунов. 1851 г. 1 л.
343. РГВИА. Ф. 446. Д. 153. Военно-топографическое описание г. Тегерана и его окрестностей. Сост. капитан корпуса топографов Цикарев. Середина XIX в. 14 л.
344. РГВИА. Ф. 446. Д. 158. План г. Хурремабада с описанием. Сост. подполковник Проскуряков. Черт. прапорщик Байков. 1850 г. 1 л.
345. РГВИА. Ф. 446. Д. 159. Байков. План г. Шираза. 1850 г. 1 л.
346. РГВИА. Ф. 446. Д. 161. План г. Шустера с описанием. Съёмка топографов капитана Проскурякова и поручика Ограновича. Черт. прапорщик Байков. 1850 г. 1 л.
347. РГВИА. Ф. 446. Д. 169. Краткое военно-статистическое описание Персии. 1817 г. 32+1 л.
348. РГВИА. Ф. 446. Д. 177. Статистическое обозрение Персии. Ч. 1. Сост. подполковник Бларамберг. 1841 г. 109+4 л.
349. РГВИА. Ф. 446. Д. 178. Статистическое обозрение Персии. Ч. 2. Сост. подполковник Бларамберг. 1842. 283+3 л.
350. РГВИА. Ф. 446. Д. 302. Описание и схемы маршрутов по Персии. Сост. капитан Лемм. 1838–1839 гг. 93 л.

351. РГВИА. Ф. 446. Д. 303. Атлас схем маршрутов: Энзели–Тегеран–Мешхед; Мешхед–Сари–Тегеран–Тавриз, Нахичевань–Эриван–Тифлис. 1839 г. 58+3 л.
352. РГВИА. Ф. 446. Д. 305. Описание маршрута Алеппо–Тавриз; Кирман–Исфаган. 1850 г. 2 л.
353. РГВИА. Ф. 446. Д. 306. Описание маршрута Александретта-Исфаган через г. Гамадан. 1850 г. 4 л.
354. РГВИА. Ф. 446. Д. 343. Карта Персидского залива. 1832 г. 1 л.
355. РГВИА. Ф. 446. Д. 345. Карта Астрабадского залива. Сост. Подпоручик Комаров. 1852 г. 1 л.
356. РГВИА. Ф. 446. Д. 360. Записка адъютанта капитана Альбранта «О выводе дезертиров наших из Персии». 1838 г. 79 л.
357. РГВИА. Ф. 446. Д. 363. Донесение (копия) вр. управляющего Тавризмским генеральным консульством в Азиатский департамент о боевом состоянии войск в провинциях Азербайджана Персидского. 8 сентября 1854 г. 4 л.
358. Риттих П.А. Отчёт о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 году поручика Л.-гв. егерского полка П.А. Риттиха: Ч. 1–2. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба. Ч. 1. 6+6+1+321 с.
359. Риттих П.А. Политико-статистический очерк Персии. СПб.: Типография Н. Финдейзена, 1896. 293 с.
360. Ру Ж.-П. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.
361. Русский биографический словарь СПб.: Общественная польза, 1905. Т. 6. 748 с.
362. Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература, 1997. 374 с.
363. Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время // Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М.: Кучково поле, 2007. 478 с.

364. С. Неизвестная биография А. П. Ермолова / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В.М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ–Российский Архив, 1996. Т. 7. С. 191–201.
365. Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд ист. наук. Махачкала, 2007. 184 с.
366. Салтыков А.Д. Путешествие в Персию. Письма кн. А.Д. Салтыкова. М.: в Университетской типографии, 1849. [4], II, 77 с.
367. Санковский Андрей Степанович URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Санковский,_Андрей_Степанович (дата обращения: 11.09.2018).
368. Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор. Сан-Стефано, 19 февраля/3 марта 1878 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/stefano.htm> (дата обращения: 11.09.2018).
369. Сапунов Д.А. Судьбою связанный с Востоком: И. Виткевич и русская разведка в Средней Азии // Вестник Челябинского государственного университета. 2004, Т. 10. Вып. 1. С. 114–121.
370. Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. 4, 12, 821 с.
371. Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П.И. Щукина / Изд. П.И. Щукина. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1901. Ч. 9. 478 с.
372. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. 1883. Вып. 4.
373. Сведения о Персии и Афганистане, собранные поручиком Виткевичем в 1837, 1838 и 1839 годах // Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1853. Кн. 7. С. 334–354.

374. Семёнов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества. 1845–1895. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1896. Т. 1. 510 с.
375. Семёнов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. 142 с.
376. Сергеев Е., Улунян А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М.: Реалии-Пресс, 2003. 478 с.
377. Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 3–15.
378. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012 454 с.
379. Сергеев Е.Ю. «Большая игра» России и Великобритании в Центральной и Восточной Азии (вторая половина XIX – начало XX века) // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 82–91.
380. Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М.: Наука. 1967. 174 с.
381. Сихаджок З.Р. Правовой статус кавказского наместника в законодательстве Российской империи. Дисс. ... канд. юридич. наук. Ставрополь, 2011. 199 с.
382. Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. 564 с.
383. Скрицкий Н.В. Балканский гамбит. Неизвестная война 1877–1878 гг. М.: Вече, 2006. 432 с.
384. Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 238 с.
385. Словарь нумизмата. М.: Радио и связь, 1993. 408 с.

386. Снесарев А.Е. Афганистан URL: www.cawater-info.net/afghanistan/pdf/cnesarev.pdf (дата обращения: 11.09.2018).
387. Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009. 592 с.
388. Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке: (Первая половина XIX в.). М. : Вост. лит., 2000. 210 с.
389. Список генералам по старшинству. Исправлен по 1-е июля 1878 г. СПб.: Военная типография, 1878. 996 с.
390. Список генералам по старшинству. Исправлен по 1-е сентября 1880 г. СПб.: Военная типография, 1880. 1151 с.
391. Спутник альпиниста. М.: Физкультура и спорт, 1970. 100 с.
392. Стебницкий И.И. Приготовления к наблюдениям прохождения планеты Венера; Наблюдение солнечного затмения; Наблюдение прохождения планеты Венера перед диском солнца // Известия Императорского русского географического общества. 1874-1875. Вып. 3. С. 95–134.
- 393.** Стебницкий. Отчёт начальника Военно-топографического отдела Кавказского военного округа ГШ генерал-майора Стебницкого об экспедиции для наблюдения прохождения Венеры перед диском Солнца 26 ноября (8 декабря) 1874 года в г. Тегеран // ЗВТД. 1878. Ч. 36. Отд. 3. С. 87–212.
394. Сулина О. Николай Столетов – военный разведчик. «Путешествие» в Персию URL: <https://vedom.ru/news/2016/10/25/22924-nikolay> (дата обращения: 11.11.2018).
395. Сухоруков С.А. Англо-персидские отношения в середине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 227 с.
396. Сухоруков С.А. Иран: между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб.: Алетейя, 2009. 182 с.
397. Схиммельпеннинк Ван дер Ойе Д. Д.А. Милютин и военная разведка России // Пётр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 691–701.

398. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 429 с.
399. Тейфенштейн К. В Персии // Нива. 1885. № 16. С. 382–383.
400. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875. 13, 361 с.
401. Терентьев М. Хивинские походы русской армии. М.: Вече 2010. 448 с.
402. Тер-Оганов Н.К. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой трети XIX века // Canadian-American Slavic studies. Revue canadienne-américaine d'études slaves. 2012. Vol. 46. Is. 1. P. 1–39.
403. Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2015. 308 с.
404. Тер-Оганов Н.К. К истории формирования регулярной армии в Каджарском Иране // Проблемы востоковедения. 2014. № 4. С. 87–93.
405. Тер-Оганов Н.К. От военной модернизации к национализму и национальному государству в каджарском Иране // History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. 14. Is. 1. P. 39–50.
406. Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 352 с.
407. Тер-Оганов Н.К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в.: Автореф дисс. ... кандидата исторических наук. Тбилиси, 1984. 28 с.
408. Толстой С.Г. Отечественная историография Крымской войны, вторая половина XIX – первая половина XX в. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2002. 272 с.
409. Трайнин И.П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и её распад. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 307 с.

410. Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе. В 16–19 вв. М.: Наука, 1982. 190 с.
411. Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном. 10 февраля 1828 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/turkman.htm> (дата обращения: 11.09.2018).
412. Уильс. Современная Персия. Картинки современной персидской жизни и характера. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. 279 с.
413. Ушинский К. Д. Рецензия на книги «Статистическое обозрение Персии» И.Ф. Бларамберга и «Путешествие по Северной Персии» И. Березина // Современник. 1852. № 10. Отд. III. С. 82.
414. Фалько С.А. Российская военно-дипломатическая служба в Китае в эпоху правления Александра III (1881–1894 гг.) // Клио. 2015. № 2 (98). С. 136–145.
415. Фомин М.М. Русское военно-дипломатическое представительство. Франции в 1870–1914 годах. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 315 с.
416. Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 1–34.
417. Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 364 с.
418. Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина, новая серия. 1957. Вып. 110: Исторические науки. Кн. 24. 251 с.
419. Халфин Н.А., Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. 169 с.
420. Халфин Н.А. Драма в номерах «Париж» // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 216–220.

421. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
422. Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханьков – востоковед и дипломат. М.: Наука, 1977. 278 с.
423. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. 406 с.
424. Халфин Н.А. Связи, контакты, сотрудничество // Азия и Африка сегодня. 1986. № 4.
425. Халфин Н. А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 50-х годов XIX века // Труды среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 78. Исторические науки. 1956. Кн. 13. 86 с.
426. Ханьков Н. Записки по этнографии Персии. М.: Глав. ред. вост. лит. 1977. 151 с.
427. Ханьков Н. Очерк служебной деятельности генерала Альбранда. Тифлис: тип. канцелярии Наместника Кавказского, 1850. 38 с.
428. Ханьков Н. Поездка в персидский Курдистан (из письма к А.В. Головнину) // Вестник императорского русского географического общества. 1852. Ч. 6. Кн. 5. Отд. 5. С. 1–18.
429. Ханьков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука 1973. 216 с.
430. Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. М.: Квадрига, 2009. 392 с.
431. Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX (60–70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. 456 с.
432. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. 640 с.
433. Хуршид-эфенди М. Сияхэт-Намэ-И-Худуд. Описание путешествия по Турецко-Персидской границе. Составил Хуршид-Эфенди, бывший секретарь турецкого комиссара по разграничению между Турцией и Персией. С приложением отчета Персидского комиссара о том же

- путешествии. Пер. М.А. Гамазова. СПб. Тип. О.И. Бакста, 1877. 9+8+575 с.
434. Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны // Красный архив. 1932. № 4 (53). С. 3–37.
435. Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И.Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1875. Т. 9. 101+803 с.
436. Чорній В.П. Болгарія напередодні російсько-турецької війни 1877–1878 рр. // Харків; Софія : Акад. вид-во ім. М. Дринова, 2007. Т. 3. 2009. С. 13–23.
437. Шалашная В.М. Д.А. Милютин и военные реформы в России в 60–70-е гг. XIX в. URL: <http://izvestia.asu.ru/2009/4-4/hist/TheNewsOfASU-2009-4-4-hist-53.pdf> (дата обращения: 12.10.2018).
438. Шевель А.А. Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905–1914 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 190–195.
439. Шеманский А. Русско-турецкая война 1877–78 гг. на Черноморском побережье Кавказа // Военно-исторический вестник. 1911 г. № 3–8, 11/12.
440. Шибанов Ф.А. И.И. Стебницкий – геодезист-картограф и географ, выдающийся деятель Географического общества (к 150-летию со дня рождения) // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. Т. 114. Вып. 5. Л.: Наука, 1982. С. 416–424.
441. Шибанов Ф.А. Подготовка картографических кадров в России в XIX и начале XX вв. // Учёные записки Ленинградского государственного университета. 1958. № 226. Серия географических наук. Вып. 12. С. 75–93.

442. Ширяев М.В. Англо-російське протистояння у Середній Азії та Афганістані в 1907–1922 рр. Дис. ... канд. іст. наук. Луганськ, 2006. 202 с.
443. Шкерин В. А. Ян Виткевич и оренбургский военный губернатор Василий Перовский // Уральский исторический вестник. 2012. №2. С. 131–137.
444. Шляпникова Е.А. Персидский поход русских войск в 1796 года // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 59–62.
445. Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1885. Т. 2. 631 с.
446. Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1883. Т. 6. 625 с.
447. Юлдашбаева Ф. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии 70–80-е годы XIX в. Ташкент: Госиздат УзССР, 1963. 191 с.
448. Ahrari M.E., Bealthe J. New Great Game in Muslim Central Asia. Washington, D.C.: Institute for National Security Studies, National Defense University, 1996. 94 p.
449. Ahrari M.E. The New Great Game in Muslim Central Asia. Honolulu: T.H. University Press of the Pacific University Press of the Pacific, 2002. 91 p.
450. Ali Ahmadalizadeh. Hadji Mirza Aghasi and Political, Social and religious events in his era // Journal of American Science. 2011. Vol. 7(5). P. 837–849.
451. Ali Ahmadalizadeh. Reforms and Reorganizations in Iran under Hadji Mirza Agassi Yerevantsi // Journal of American Science. 2012. Vol. 8(2). P. 634–649.
452. Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism London-New York: Routledge. 289 p.
453. ĀQĀSĪ, ḤĀJJĪ MĪRZĀ ABBĀS ĪRAVĀNĪ URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/aqasff-ujuli-mnsz-adras-ivxni-ca> (дата обращения: 11.09.2018).

454. Atkin M. *Russia and Iran, 1780–1828*. Minneapolis: Minnesota Archive Editions, 1980. 232 p.
455. Axworth M. *The Army of Nader Shah // Iranian Studies*. 2007. Vol. 40. № 5. P. 635–646.
456. de Bode C.A.G.P.L. *Travels in Luristan and Arabistan*. London: J. Madden, 1845. Vol. 1. 466 p.; Vol. 1. 442 p.
457. Calmard J. *Les Reformes Militaires sous les Qajars (1795–1925) // Entre l'Iran et l'Occident*. Paris: ed. Y. Richard, 1989. P. 17–42.
458. Chang Juinn Yih. *Some remarks on the Pundit project British indian government* URL: <http://nccur.lib.nccu.edu.tw/bitstream/140.119/9453/1/105%20unfiled.pdf> (дата обращения: 11.09.2018).
459. Cooley A. *Great Game, Local Rules and the New Great Power Context in Central Asia*. Oxford University Press, 2012. 272 p.
460. Cronin S. *Armies of Qajar Iran* URL: <http://kavehfarrokhi.com/iranica/militaria/iranian-military-history-and-armies-post-islamic-era-to-1899/professor-stephanie-cronin-armies-of-qajar-iran> (дата обращения: 11.09.2018).
461. Cronin S. *Building a new army: military reform in Qajar Iran // War and peace in Qajar Persia: implications past and present*. London and New York: Routledge, 2007. P. 47–87.
462. Cronin S. *Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Middle Eastern Studies*. 2012. Vol. 48. Is. 2. P. 147–182.
463. Cronin S. *Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran // Comparative Studies in Society and History*. 2008. Vol. 50. Is. 1. P. 197–226.
464. D'Angelo G.A. *The Contemporary Role of the Military Attaché: And Problems Relating to the Attainment of a Quality Corps*. Texas Tech University, 1972. 240 p.

465. Durrani A. South Asia in the New Great Game URL: <https://wikileaks.org/>
(дата обращения: 11.09.2018).
466. Fata D.P. Arctic Security: The New Great Game? // Rajan Menon New Great game in Central Asia URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00396338.2003.9688581CentralAsia: A New Great Game? - Strategic Studies Institute - Army www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/pub117.pdf> (дата обращения: 11.09.2018).
467. Kaveh Farrokh. Iran at War. 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. 480 p.
468. Kleveman L. The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. New York: Grove Press, 2004. 295 p.
469. Makni Dr. The New Great Game: Oil and Gas Politics in Central Eurasia. New York: Raider Publishing International, 2008. 312 p.
470. Martin V. Social networks and border conflicts: the First Herat War 1838–1841 // War and peace in Qajar Persia: implications past and present. London and New York: Routledge, 2007. P. 110–124.
471. Matthew E. The New Great Game and the new great gamers: disciples of Kipling and Mackinder // Central Asian Survey. 2003. Vol. 22(1). P. 83–103
472. Menning B.W. Bayonets before Bullets. The Imperial Russian army 1861–1914. Indiana University Press, 1992. 354 p.
473. Mullerson R. Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game. New York: Columbia University Press, 2007 400. p.
474. Persson G. The Russian Army and foreign wars 1859–1871. PhD thesis. London: School of Economics and Political Science, 1999. 208 p.
475. Nelson J.K. The Siege of Herat: 1837–1838. A Thesis Submitted to the Graduate.Faculty of St. Cloud State University Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Master of Arts. St. Cloud, Minnesota, 1976. 101 p.

476. Persson G. Russian Military Attaches and the Wars of the 1860s // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. Cambridge University Press, 2004. P. 151–167.
477. Puddephatt A., Torreblanca J.I., Prislán N. The New Great Game URL: http://www.ecfr.eu/page/-/The_New_Great_Game_ECFR.pdf (дата обращения: 11.09.2018).
478. Qamar F., Sumera Z. New Great Game: Players, Interests, Strategies and Central Asia // South Asian Studies A Research Journal of South Asian Studies. 2014. Vol. 29. № 2. P. 623–652.
479. Parker G. The military revolution. Military innovation and the rise of the West, 1500–1800. Cambridge University Press, 1996. 285 p.
480. Rawlinson H.C. Memorandum on the Central Asian Question, dated juli, 1868 // Rawlinson H.C. England and Russia in the East: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. London: John Murray, 1875. P. 263–292.
481. Rich D.A. The Tsar's colonels: professionalism, strategy, and subversion in late Imperial Russia. Harvard, 1998. 330 p.
482. Rosenberg E., Gordon D., Maruyama E., Sullivan A. The New Great Game. Changing Global Energy Markets, The Re-Emergent Strategic Triangle, And U.S. Policy. Center for a New American Security. 2016. 67 p.
483. Sabri Ateş. Ottoman-Iranian Borderlands: Making a Boundary, 1843–1914. New York: Cambridge University Press, 2013. 366 p.
484. Sarkar O. Great Trigonometrical Survey: Histories of Mapping 1790–1850 URL: http://indianness.org/pdf/pdfset-8/issue-9/Art_018.pdf (дата обращения: 11.09.2018).
485. Schimmelpenninck van der Oye D. Reforming military intelligence // Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution. Cambridge University Press, 2004. P. 133–150.

486. Shireen Mahdavi. SEMINO, Barthélémy URL:
<http://www.iranicaonline.org/articles/semino-barthelemy> (дата обращения:
11.09.2018).
487. Stutte C.T. An Examination Of Central Asian Geopolitics. Through The
Expected Utility Model: The New. Great Game. A dissertation submitted in
partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy
in Public Affairs in the College of Health and Public Affairs at the University
of Central Florida Orlando. Florida Fall Term, 2009. 111 p.
488. The Cambridge History of Iran. From Nadir shah to the islamic republic.
Cambridge University Press,1991. Vol. 7. 1072 p.
489. Vagts A. Military Attache. Princeton: University Press, 1967. 422 p.
490. Waller D.J. The Pundits: British exploration of Tibet and Central
Asia. Lexington: University Press of Kentucky, 1990. 327 p.
491. Ward M. The Survey of India and the Pundits The Secret Exploration of the
Himalaya and Central Asia URL:
[http://www.alpinejournal.org.uk/Contents/Contents_1998_files/AJ%201998%
2059-79%20Ward%20Pundits.pdf](http://www.alpinejournal.org.uk/Contents/Contents_1998_files/AJ%201998%2059-79%20Ward%20Pundits.pdf) (дата обращения: 11.09.2018).
492. Weitz R. Averting a New Great Game in Central Asia URL:
<http://www.issuelab.org/resources/281/281.pdf> (дата обращения:
11.09.2018).

Приложение 1

Список, состав и задачи военных из России, побывавших в Персии

год	состав экспедиции	цель
май 1831 – апрель 1832 гг.	поручик Гвардейского ГШ барон Иван Казимирович Аш	военный наблюдатель
октябрь 1832 – ноябрь 1838 гг.	генерал-майор от инфантерии граф Иван Осипович Симонич	чрезвычайный посланник и полномочный министр при шахском дворе
ноябрь 1833 г.	прапорщик Нижегородского драгунского полка граф Михаил Дмитриевич Девьер (Девьер, Дивиер)	курьер
1834–1835 гг.	барон Фёдор Фёдорович Корф, ранее служивший в лейб-гвардии Преображенском полку	второй секретарь Миссии
1836 г.	горный инженер Клеймёнов	выяснения достоинства монет, следующих в уплату последнего курура по Туркманчайскому договору
август 1837 – весна 1840 гг.	капитан (с марта 1839 г. – подполковник) ГШ Иван (Иоганн) Фёдорович Бларамберг	военный агент и советник
август 1837 – весна 1839 гг.	поручик Иван (Ян) Викторович Виткевич	миссия в Афганистан
июнь 1838 – весна 1839 гг.	капитан Нижегородского драгунского полка Лев Львович Альбрандт	возвращение в Россию дезертиров и пленных, находившихся на службе у шаха
ноябрь 1838 – август 1841 гг.	генерал от инфантерии Иван Осипович Дюгамель	чрезвычайный посланник и полномочный министр при шахском дворе
ноябрь 1838 – весна 1839 гг.	капитан Корпуса военных топографов Бурхардт Фридрихович	для сопровождения подарков, назначенных

	Лемм	шаху и вали (наместнику, губернатору) Хорасанской провинции; тайно – определить географическое положение «всех замечательных мест, чрез которые он будет следовать, в особенности в Персии»
май 1839 – август 1840 гг.	поручик гвардейской артиллерии князь Николай Фёдорович Масальский и 4 унтер-офицера	обучение персидской артиллерии
ноябрь 1842 – 1843 гг.	инженер-майора Корпуса горных инженеров Николай Иванович Воскобойников с 5 нижними чинами (Влас Катаев и Пётр Усачёв, Дмитрий Кольчугин, Пётр Бурилов, имя пятого неизвестно)	для разведки полезных ископаемых, в первую очередь, горной руды для производства артиллерии; тайно – обнаружить месторождения каменного угля.
1845 г.	полковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка князь Александр Иванович Гагарин	посольство с письмами к шаху и персидским сановникам о вступлении в должность кавказского наместника
1847 г.	полковник ГШ Осип Франкович Дайнези (Иосиф Францевич Дайнезе)	комиссар-посредник на переговорах между Османской империей и Ираном
декабрь 1848 – март 1849 гг.	генерал-лейтенант от кавалерии Яков Васильевич Шиллинг, полковник Юлий Фёдорович Монкевиц (Минкевиц) и штаб-ротмистр князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, есаул Мансурадзе и 6	посольство с поздравлениями от российского императора со вступлением на престол и личным письмом Николая I новому иранскому монарху

	казаков	
1848–1852 гг.	полковник (позже – генерал-майор) ГШ Егор Иванович Чириков, штабс-капитан (со временем – подполковник) Корпуса военных топографов Яков Степанович Проскураков, поручик (затем – штабс-капитан) Корпуса военных топографов Пётр Фёдорович Цикорев (Цикарев), прапорщик Корпуса военных топографов Иван Алексеевич Огранович	члены демаркационной комиссии по разграничению между Ираном и Турцией
ноябрь 1853 – январь 1854 гг.	генерал-майор Корпуса инженеров путей сообщения Андрей Степанович Санковский, гвардии полковник Иван Алексеевич Бартоломей и подполковник ГШ Петр Карлович Услар	обеспечение руководства персидским отрядом и координации его действий с корпусом российских войск, специально выделенным для действий на турецкой границе во время Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.
апрель–июль 1855 г.	генерал-майор от кавалерии Алексей Николаевич Брусилов, гвардии полковник Иван Алексеевич Бартоломей, гвардии подпоручик Александр Семёнович Корсаков, переводчик штаб-ротмистр Артемий Иванович Юзбашев, хорунжий Зерндзе и 7 казаков	посольство с извещением и письмами к шаху и высшим персидским сановникам о вступлении на престол Александра II
февраль–март 1857 г.	генерал-майор от инфантерии князь Лев (Леван) Иванович Меликов, корнет лейб-гвардии конного полка граф Аркадий Александрович	посольство к шаху с письмом о вступлении в должность нового наместника кавказского, а

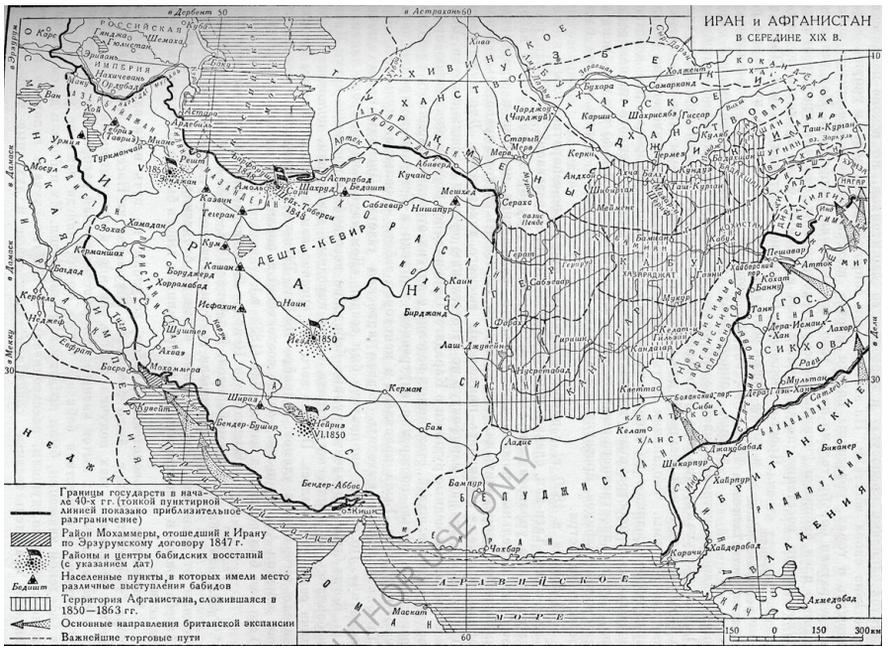
	Италийский князь Суворов-Рымникский и майор Владимир Александрович Давыдов, а также несколько других офицеров	также с пожеланием урегулировать пограничные вопросы
март 1858 – август 1859 гг.	драгоман (переводчик) при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел с откомандированием к наместнику кавказскому Николай Владимирович Ханьков, 2 военных топографа – унтер-офицеры Павел Игнатьевич Жаринов и Петров	научная экспедиция в Хорасан
август 1859 г.	генерал-майор Михаил Петрович Колобакин	для приветствия Насреддин-шаха по случаю посещения им Азербайджана
1860 г.	топограф Павел Игнатьевич Жаринов	не известно
октябрь 1863 – январь 1864 гг.	начальник 6-го округа корпуса жандармов в Тифлисе генерал-лейтенант Юлий Фёдорович Минкевиц (Монкевиц), состоящий по армейской кавалерии полковник Евгений Михайлович Понсе (Понсэ, Понсэт), подполковник ГШ Николай Дмитриевич Салацкий, состоявший при штабе кавказской артиллерии штабс-капитан барон Винспир (Винспир), штабс-капитан Николай Дмитриевич Копьёв (Копиев), поручик Переяславского драгунского полка Иван Николаевич Рейтер, поручик Корпуса военных топографов Иван Алексеевич Огранович (Огронович), жандарм, 2 урядника и 8 казаков конвоя наместника под	посольство с письмами шаху и персидским сановникам в ответ на приветствие новому наместнику от наследника персидского престола со вступлением в должность

	командой штабс-капитана Гватуа	
июнь 1867 – сентябрь 1868 гг.	полковник ГШ Николай Григорьевич Столетов	«изучение персидского языка»; тайно – сбор сведений о туркменских племенах восточного побережья Каспия и географии и коммуникаций приграничных районов персидско-туркменской полосы в связи с готовившимся занятием Краснодарского залива
1869 г.	поручик Корпуса военных топографов Иван Алексеевич Огранович (Огронович)	комиссар для разбора претензий жителей приграничных с Персией районов
май–октябрь 1874 г.	отставной прапорщик Павел Иванович Огородников	командирован для научных наблюдений Русским географическим обществом в составе торгового каравана по маршруту Астрабад – Шахруд – Мешхед – Герат в Кабул, и оттуда обратно в Россию через ущелье Кандуз – Балх – Бухару – Хиву – туркменскую степь в Краснодарск
октябрь 1874 – январь 1875 гг.	генерал-майор ГШ Иероним Иванович Стебницкий, состоявший по армейской пехоте на вакансии классного топографа в Корпусе военных топографов штабс-капитан Семён Яковлевич Кирпичников	для астрономических наблюдений; тайно – стал сбор материалов для описания местности от Решта до Тегерана
март 1877 – 1878 гг.	начальник кавказского горского	для сбора сведений о

	управления генерал-майор от артиллерии Виктор Андреевич Франкини и капитан ГШ Владимир Иванович Гибер фон Грейфенфельс, поручик Велибегов и подпоручик Корпуса военных топографов Дмитрий Михайлович Лупандин	персидской армии и военных возможностях Персии
--	--	--

FOR AUTHOR USE ONLY

Приложение 2

<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000036/map016.shtml>

Генераль-майор
Л. Л. Альбрандтъ.
Из спис. 201-го.

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Альбранд,_Лев_Львович#/media/File:Иллюстрация_к_статье_«Альбрандт,_Лев_Львович»._ВЭС_\(СПб,_1911-1915\).jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Альбранд,_Лев_Львович#/media/File:Иллюстрация_к_статье_«Альбрандт,_Лев_Львович»._ВЭС_(СПб,_1911-1915).jpg)

Михаилъ Петровичъ Колобановъ.

https://www.ourbaku.com/index.php/Колубакин_Михаил_Петрович_-_бакинский_губернатор

Н.Ф. Масальский

<http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/heroes/USSR/more.htm?id=11849871@morfHeroes>

FOR AUTHOR USE ONLY

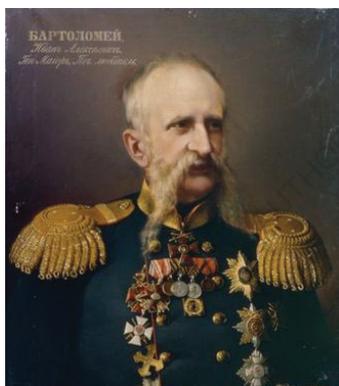
https://ru.wikipedia.org/wiki/Дондуков-Корсаков,_Александр_Михайлович#/media/File:Dondukovkorsakovam.jpeg

https://ru.wikipedia.org/wiki/Гагарин,_Александр_Иванович#/media/File:Alexander_Gagarin.jpg

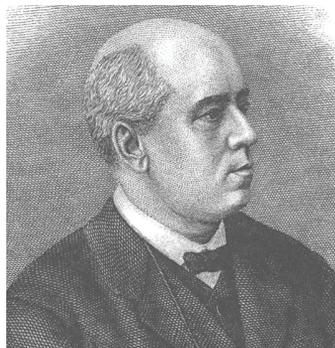

https://ru.wikipedia.org/wiki/Бебутов,_Василий_Осипович#/media/File:Vasiliy_Osipovich_Bebutov.jpg

И.А. Бартоломей

https://ru.wikipedia.org/wiki/Бартоломей,_Иван_Алексеевич#/media/File:BARTOLOMEI_Ivan_Alekseevich.jpg

А.П. Берже
https://ru.wikipedia.org/wiki/Берже,_Адольф_Петрович#/media/File:Адольф_Петрович_Берже.jpg

П.К. Услар

https://ru.wikipedia.org/wiki/Услар,_Пётр_Карлович#/media/File:Uslar-engraving-with-caption.jpg

И.Ф. Бларамберг

https://ru.wikipedia.org/wiki/Бларамберг,_Иван_Фёдорович#/media/File:Blarambergif.jpg

Л.И. Меликов

https://ru.wikipedia.org/wiki/Меликов,_Леван_Иванович#/media/File:Меликов_Леван_Иванович.jpg

А.Н. Брусилов

https://ru.wikipedia.org/wiki/Brusilov_AN.jpg

А.О. Дюгамель

<http://knowledge.su/d/dyugamel-aleksandrospovich>

Н.Г. Столетов

<https://vedom.ru/news/2016/11/01/23012-nikolay>

С.М. Воронцов

https://ru.wikipedia.org/wiki/Воронцов,_Семен_Михайлович#/media/File:Semen_Vorontsov.jpg

https://ru.wikipedia.org/wiki/Стебницкий,_Иероним_Иванович#/media/File:Генерал-лейтенант_Стебницкий_И.И..jpg

А.А. Суворов

https://ru.wikipedia.org/wiki/Suvorov_Arkadij.jpg

Н.В. Ханыков

https://www.google.com.ua/url?sa=i&source=images&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKewiHnPK0t_neAhVjsosKHWqQCWIQjh_x6BAgBEAM&url=https%3A%2F%2Fw.histrf.ru%2Farticles%2Farticle%2Fshow%2Fkhanykov_nikolai_vladimirovich&psig=AOvVaw37tjtlQSDFNpCyhXJSB5IB&ust=1543575078467414

В.А. Давыдов

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D0%B2%D1%8B%D0%B4%D0%BE%D0%B2_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87#/media/File:V._A.Davydov.jpg

Я.В. Виткевич

https://ru.wikipedia.org/wiki/Виткевич,_Ян_Викторович#/media/File:Witkewich.jpg

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.shop

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.shop

KS OmniScriptum Publishing
Brivibas gatve 197
LV-1039 Riga, Latvia
Telefax: +371 686 20455

info@omniscryptum.com
www.omniscryptum.com

OMNIScriptum

FOR AUTHOR USE ONLY